СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАПИТАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАПИТАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФЕССОРА **Н. А. ЦАГОЛОВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1979

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

докт. экон. наук, профессор *А. Б. Николаев;*
докт. экон. наук, профессор *М. Н. Осьмова;*
канд. экон. наук *А. А. Пороховский*

Система производственных отношений капитализма в условиях научно-технической революции. Под ред. проф. Н. А. Цаголова. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979. с. 196.

В монографии рассматривается обширный круг противоречий современного государственно-монополистического капитализма в условиях научно-технической революции: исследуются изменения в общественных формах под воздействием процессов научно-технической революции; анализируются новые проявления основного противоречия капитализма.

Отличительной особенностью всей монографии является то, что исследование носит политико-экономический характер.

С $\frac{10701-044}{077(02)-79}$ БЗ 78—1—78 0603010100

© Издательство Московского университета, 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На рубеже 50-х гг. произошел переход от эволюционной к революционной форме научно-технического прогресса, ставшей решающей формой развития производительных сил. Невиданные в домонополистическую эпоху технические успехи, революционная форма научно-технического прогресса означают для монополистического капитализма усиление хаотичности, кризисов. На почве научно-технической революции еще более усиливается тенденция к концентрации капитала и образованию монополий, в частности, таких их новейших форм, как транснациональные корпорации (ТНК). В эту эпоху, отмечалось на XXV съезде КПСС, «нестабильность капитализма становится все более очевидной» [1].

Не являясь обязательной логической предпосылкой социалистической революции, научно-техническая революция вместе с тем выступает как могучий фактор движения развитого социализма и построения материально-технической базы коммунизма. Только при социализме научно-техническая революция «обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление» [2]. Реализация ее достижений есть важнейший фактор перерастания социализма в коммунизм.

Стремительный характер, революционная форма развития производительных сил, в значительных размерах переросших ограниченные рамки объективно сохраняющихся национально-государственных делений, требуют от политической экономии глубокой разработки большого числа новых важных теоретических и методологических вопросов. Ряд такого рода вопросов явился предметом обсуждения на состоявшейся в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова 9—12 декабря 1975 г. всесоюзной научной конференции «Политико-экономические проблемы научно-технической революции», подготовленной и проведенной в соответствии с приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР кафедрой политической

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 28.
[2] Там же, с. 47.

экономии экономического факультета МГУ и Проблемной научно-исследовательской лабораторией МГУ по комплексному изучению экономических законов в условиях развитого социализма.

В работе конференции приняли участие представители крупнейших университетов страны, ученые Академии наук СССР, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Международного института экономических проблем мировой социалистической системы СЭВ, ученые из братских социалистических стран — Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии.

Участниками конференции были обсуждены и приняты рекомендации [3].

В данной монографии рассматриваются вопросы методологии исследования научно-технической революции, социально-экономических условий ее развития, воздействия этого развития на формы социально-экономических отношений и общественных агентов этих отношений, а также рассматриваются отдельные звенья системы производственных отношений капитализма в условиях научно-технической революции.

В редакционной работе принимала участие З. А. Грандберг, в подготовительной работе — А. Ф. Пенкин и А. А. Юткин.

---

[3] «Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Экономика», 1976, № 3.

Раздел I.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В СВЕТЕ ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Развитие научно-технической революции выдвигает перед политической экономией большой ряд важных теоретических вопросов. Решение этих вопросов требует дальнейшего развития методологии политической экономии. Только на основе научной методологии могут разрабатываться проблемы, связанные с оценкой социально-экономических условий, итогов и следствий научно-технической революции, которая, как показывает опыт, прокладывает себе путь в самых разнообразных экономических системах.

Прежде всего, необходимо дать ответ на элементарный вопрос о соотношении понятий технический прогресс, научно-технический прогресс и научно-техническая революция.

Эти три понятия соподчинены: наиболее объемным является понятие технический прогресс, оно вмещает в себя и понятие научно-технический прогресс и понятие научно-техническая революция. В свою очередь понятие научно-технический прогресс включает в себя понятие научно-техническая революция. За каждым из названных понятий скрывается, естественно, специфическое содержание.

Технический прогресс вообще представляет собой необходимый момент всякого, на любой исторической стадии происходящего процесса развития производительных сил.

Всякий прогресс возможен в двух формах — эволюционной и революционной. И технический прогресс также возможен в двух формах. Эволюционный прогресс предполагает развитие техники и ее применение в рамках исторически определенного уровня. Революционные изменения означают переход от одного качественного состояния техники к другому.

История развития человеческого общества знает немало революционных переходов от одного состояния техники к другому. И это не только новая история. Такие ступени прогресса, как, например, открытие и производственное использование огня, переход от каменных к металлическим орудиям, нельзя характеризовать как эволюционный прогресс техники.

Промышленный переворот конца XVIII — начала XIX в. означал техническую революцию, приведшую к замене мануфактуры и ручного труда — трудом машинным. Эта техническая революция потребовала для своего всестороннего развития применения науки.

Наука способствовала превращению качественно новой техники во всеобщую основу материального производства, что нашло свое выражение в победе технического уклада крупной машинной индустрии в промышленности, транспорте и связи. Только земледелие, находившееся в тисках противоречий, связанных с применением капитала в сельском хозяйстве, в особенности в условиях частной собственности на землю, отставало почти на целый век от других сфер материального производства.

Достижения естественных и технических наук стали постоянно развивающейся основой и источником прогресса техники и развития производительных сил в целом на основе крупной машинной индустрии.

Научно-технический прогресс — явление, органически связанное с развитием крупной машинной индустрии. Последняя потребовала применения науки для развития техники и явилась эрой развития технических наук. Подобно тому, как технический прогресс осуществляется в двух формах, так и научно-технический прогресс осуществляется в двух формах — в эволюционной и революционной.

Развитие техники крупной машинной индустрии в тесной связи с развитием науки в течение более столетия носило эволюционный характер. Громадные успехи науки и применение их к материальному производству в период после промышленной революции и победы технического строя машинной индустрии явились фактором громадного роста производительности общественного труда. Однако все эти успехи находились в общем в рамках эволюционного прогресса.

Новая форма научно-технического прогресса — революционная, ставшая производственной реальностью с середины XX в., потому и получила наименование научно-технической революции, что она означает переворот во всех основных элементах производительных сил человеческого общества, поднимающий их на качественно новый уровень.

Научно-техническая революция есть определенная форма научно-технического прогресса. В принятом в литературе словоупотреблении этих двух терминов не разграничиваются два вида прогресса и под прогрессом имеется в виду обычно эволюционная форма научно-технического прогресса. Поскольку в науке главное не в терминах, а в существе выражаемых ими процессов, мы не будем в дальнейшем изложении говорить о двух формах прогресса, а, как это обычно принято в литературе, имея в виду эволюционную форму технического прогресса, будем говорить о научно-техническом прогрессе, а имея в виду революционную

форму научно-технического прогресса, говорить о научно-технической революции.

Научно-техническая революция есть закономерный результат развития техники, связанный с применением электричества в материальном производстве. Явившись первоначально в качестве нового энергетического ресурса, использование электрической энергии стало определять техническую природу механизмов и превращаться в решающий компонент многих технологических процессов в значительном числе отраслей материального производства. Сегодня нельзя не отметить гениальной прозорливости В. И. Ленина, подчеркивавшего особую роль электрификации. Огромное научное значение ленинского определения роли электрификации становится все более очевидным с нарастанием волн научно-технической революции.

В современном научно-техническом развитии неизмеримо возросла роль науки. Революционные сдвиги в науке становятся, однако, непосредственным фактором общественного производства только в той мере, в какой они находят свое материальное воплощение в новых средствах и предметах труда, в новых технологических принципах, в новом качестве главной производительной силы — самого трудящегося. Наряду с этим продолжается развитие науки как формы общественного сознания. Следует заметить, что несмотря на грандиозность масштабов технических и технологических скачков многие сферы общественного производства развиваются в рамках прежнего качественного уровня развития техники и технологии.

Вполне естественно возникает вопрос, каковы закономерности развития научно-технической революции и как осуществляется реализация ее достижений? На этот вопрос нельзя ответить однозначно.

Закономерности развития научно-технической революции могут быть так или иначе охарактеризованы только в том случае, если не будут упущены такие ее определяющие факторы, как собственная внутренняя логика развития естественных и технических наук и самой техники и технологии производства, а также возможности материального воплощения в производстве их достижений, которые определяются как уровнем развития материального производства, так и его общественно-экономической формой.

Если первый круг вопросов является делом самих естественных и технических наук, то второй круг вопросов может быть научно освещен только в рамках политической экономии. Именно политическая экономия может дать ответ на вопрос о природе факторов, обеспечивающих материализацию в производстве достижений научно-технической революции и стимулирующих ее развитие.

Политическая экономия дает историческую оценку уровня развития того или иного типа производственных отношений в соответствии с тем, насколько эти отношения создают необходимые

условия для всесторонней реализации возможностей, заключенных в данном уровне производительных сил, насколько они способствуют интенсификации процессов развития производительных сил.

Производственные отношения выступают не только как закономерный результат определенного уровня развития производительных сил, но и как форма их поступательного движения. Устарелость того или иного экономического строя означает, что для своего полного развития производительные силы требуют другой системы общественного производства, материальные предпосылки которой созданы данным уровнем развития производительных сил. Вместе с тем ничего общего не имеет с марксизмом и опровергнута практикой та точка зрения, что признание общественного строя отживающим означает невозможность развития при нем производительных сил, рост производства. Теория стагнации фальшива, никакие социально-экономические противоречия полностью остановить движение производительных сил и рост производства не могут.

Создание материальных предпосылок нового общественно-экономического строя отнюдь не означает немедленного отмирания строя, создавшего эти предпосылки. Марксизм не имеет ничего общего ни с историческим фатализмом, ни с экономическим материализмом. Исторический материализм исходит из того, что ни один способ производства не уходит с исторической арены в эволюционном порядке, что только классовая борьба и внеэкономическая ликвидация условий господства данного способа производства могут привести к смене одного способа производства другим. Идея эволюционной смены одного строя другим — это идея реформизма, злейшего врага марксизма.

С победой крупной машинной индустрии капитализм превратился в господствующий способ производства и стал развиваться на своей основе. Породив и укрепив крупное машинное производство, капитализм выполнил свою историческую миссию — осуществил обобществление материального производства, создав тем самым материальные предпосылки нового, социалистического общества, и с тех пор превратился в тормозящий фактор экономического развития.

Однако поскольку к этой исторической эпохе не было необходимой подготовленности субъективного фактора превращения капитализма в социализм, развились новые формы капиталистических производственных отношений, которые создали возможность движения капитализма в рамках все более обостряющегося противоречия между общественным характером производства и частной капиталистической формой присвоения. Этой формой явились монополии, которые на определенной ступени приняли форму государственно-монополистического капитализма.

Необходимо заметить, что так же, как монополистическая стадия капитализма не была обязательной ступенью перехода к социализму, так и научно-техническая революция не является

обязательным предшественником социализма. Победа социализма в ряде стран до эпохи научно-технической революции практически доказала, что научно-техническая революция не является обязательной исторической предпосылкой социалистической революции пролетариата и победы социализма.

Безусловный факт развития научно-технической революции и использования ее достижений в капиталистических странах показывает, что производительные силы сохраняют свое положение первичной силы общественного развития. Как ни велика сила обратного действия производственных отношений на производительные силы, общественной формой развития которых они являются, именно производительные силы имеют приус по сравнению со всеми иными факторами общественного развития и сохраняют свою собственную логику развития.

Научно-техническая революция, так же как и монополистическая форма капитала, не является обязательным логическим компонентом условий перехода от капитализма к социализму.

В качестве обязательного логического компонента классических условий перехода от капитализма к социализму, как более или менее готовая материальная предпосылка и основа развития социалистического общества, выступает крупная машинная индустрия.

Однако в исторических условиях современного капитализма, при котором экономической реальностью являются и научно-техническая революция, и государственно-монополистический капитализм, степень зрелости материальных предпосылок, развившихся в недрах капитализма, неизмеримо выше, чем на всех других ступенях исторического развития капитализма. В этих материальных предпосылках заключены новые фундаментальные условия ускоренного перехода от капитализма к социализму и развития социализма на его собственной основе.

Поэтому в научную систему исследования условий перехода от капитализма к социализму в наше время входит всесторонний учет достижений научно-технической революции и степени развитости государственно-монополистического капитализма.

Историческая ступень развития производительных сил, связанная с научно-технической революцией, создает новые закономерности строительства фундамента нового общества. Они выступают как новая, более конкретная закономерность, которая утверждается не путем отрицания старой, а как ее развитие, как отражение требований новой ступени развития производительных сил. Поэтому обязательным элементом системы политической экономии должно быть освещение тех экономических явлений, в которых находит свое выражение научно-техническая революция.

Методологически однако следует проводить различие между освещением явлений, порождаемых научно-технической революцией, но связанных со всей системой производственных отношений капитализма, в том числе и капитализма вообще, и явлений, свя-

занных исключительно с монополистическим, в том числе государственно-монополистическим капитализмом. Последние логически должны быть включаемы в ту часть системы политической экономии, которая трактует проблемы «экономической надстройки» над капитализмом вообще, т. е. в теорию монополистического капитализма.

Научно-техническая революция несет в себе явления, ведущие к развитию противоречий капиталистического способа производства.

Поскольку научно-техническая революция означает смену одних орудий труда другими, принципиально новыми, поскольку она неизмеримо увеличивает количество и разнообразие новых видов орудий и предметов труда, постольку она является фактором обострения конкурентной борьбы между капиталистами. Разрушительность этой конкурентной борьбы тем больше, чем выше уровень монополизации совокупного общественного производства, являющегося современной капиталистической формой концентрации и обобществления процесса производства.

С другой стороны, именно этот характер конкуренции в условиях научно-технической революции требует новых, еще более жестких форм монополизации, находящих свое воплощение в государственно-монополистических формах регулирования, программирования и т. д.

Глубокий экономический кризис перепроизводства, охвативший в последние годы все капиталистические страны, характеризовался новыми противоречиями. Безработица, рост которой обычно сопровождался тенденцией падения цен, в условиях современного кризиса сопровождалась инфляционным процессом повышения цен. Инфляция превратилась в постоянный спутник подъема и кризиса капиталистической экономики. В постоянстве инфляционного процесса нельзя не видеть возросшей роли монополий, которые даже в условиях систематического государственного покровительства, т. е. в условиях государственно-монополистического капитализма, не могут предотвратить кризисной формы развития, но сила которых, подпираемая помощью государства, оказывается в состоянии поддерживать рост цен. По-видимому, и меры государственно-монополистического капитализма по недопущению спада, особенно опасного для капитализма в условиях существования мировой системы социализма, не знающей кризисов и спадов и уверенно движущейся на основе социалистических закономерностей непрерывного роста производства и благосостояния трудящихся, явились причиной инфляционной спирали.

Возрастающая специализация неизмеримо усиливает общественный характер производства и все больше вступает в противоречие с частной формой управления звеньями общественного производства. Необходимость в переходе к новым формам управления в условиях научно-технической революции находит свое выражение в лавинообразном росте системы машин и аппаратов, покоя-

щихся на применении электроники. Эта техническая база почти мгновенного сбора информации и математической обработки по заданной программе с пунктов производства потенциально дает возможность автоматически увязывать производство и потребление не только в масштабе отдельных предприятий и отдельных отраслей, но и в масштабе всего общественного производства. Но и в этом отношении появление новой техники находится в противоречии с самой природой капитализма, на какой бы ступени развития он ни находился.

Государственно-монополистический капитализм по видимости является средством разрешения этого противоречия, но на самом деле он выступает как средство амортизации того хаоса, который неизбежен в условиях господства института частного предпринимательства. Внутреннее противоречие государственно-монополистического капитализма заключается в том, что он выражает в капиталистической форме назревшие потребности процессов обобществления производства в национальном масштабе, но при этом использует свою экономическую мощь не для завершения этого обобществления, а, наоборот, для сохранения частного предпринимательства, и поэтому становится фактором усиления анархии общественного производства капитализма.

Вся система ЭВМ используется для усиления степени эксплуатации рабочего класса, а не для перехода к производству, в котором общественный характер производства дополняется общественной формой управления на основе ликвидации частной собственности. Поэтому несмотря на значительные достижения научно-технической революции в капиталистических странах и расширяющееся применение ее достижений, несмотря на то что научно-техническая революция создает материальную базу управления из единого центра всем процессом общественного производства, растет хаотичность капиталистического производства. Обострение капиталистических кризисов не случайность, связанная с какими-либо эпизодическими обстоятельствами, а выражение растущих противоречий капитализма в условиях научно-технической революции.

Достижения научно-технической революции не могут быть органически соединены с системой капиталистического производства. Такое органическое соединение возможно только в условиях социализма, в условиях господства общественной собственности. Только общественное управление общественным процессом производства создает возможность полного использования достижений научно-технической революции, одним из важнейших элементов которой является создание автоматических систем управления, которые будучи объединены в масштабе всего общества создают научно-техническую базу планомерного управления всем общественным производством. Выдвинутое на XXIV съезде КПСС положение об органическом соединении достижений научно-технической революции с преимуществами социализма основывается

на фундаменте научной оценки содержания научно-технической революции, ее главных направлений и природы, характера производственных отношений социализма и степени их зрелости.

Сложное сплетение народнохозяйственных связей, неизмеримо возросшее вместе с научно-технической революцией, в ней самой находит материально-вещественные пути взаимной увязки всех моментов процесса общественного производства. Она целиком обусловлена природой социалистической экономики. Единый народнохозяйственный организм «развивается на основе сочетания научно-технической революции с преимуществами социалистического строя» [1].

Однако использование этих технических возможностей в рамках предприятий, монополий и даже комплекса отраслей, связанных государственно-монополистическими отношениями на уровне общественного производства, упирается в тот барьер, который носит название частной собственности на средства производства. Барьер этот непреодолим в рамках капитализма. Поэтому проблема органического соединения достижений научно-технической революции с определенными формами производственных отношений могла быть поставлена только применительно к социалистическому производству.

Реализация возможностей, вытекающих из органического соединения достижений НТР с преимуществами социализма, есть магистральный путь строительства материально-технической базы коммунизма.

ГЛАВА 2. ВОПРОС О КРИТЕРИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К научно-технической революции приковано внимание всего мира. Она — явление интернациональное. Сегодня научно-техническая революция стала важнейшим плацдармом борьбы двух мировых систем — социализма и капитализма.

Научно-техническая революция несет в себе огромный потенциал качественных преобразований во всех элементах производительных сил, во всех областях общественного производства. Поэтому выяснение сущности научно-технической революции, ее содержания, основных направлений развития и форм использования имеет исключительно важное научное значение. Оно дает возможность наиболее полно и эффективно овладевать научно-технической революцией на самых первых ступенях ее развития.

Исследование научно-технической революции должно строиться на основе использования методологии, примененной К. Марксом в анализе промышленной революции XVIII—XIX вв. Это имеет

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 6. М., Политиздат, 1978, с. 374.

принципиальное значение. Однако не все разделяют такую позицию. Так, Р. К. Иванова пишет: «Ссылка на метод Маркса в «Капитале» была бы правомерна, если бы речь шла только о техническом перевороте в производстве, ведущем к созданию новой материально-технической базы, адекватной коммунистическому способу производства. Но ведь речь идет о другом — сущности научно-технической революции, которая не только не тождественна промышленному перевороту конца XVIII в., но представляет собой совершенно новое явление в обществе»[1]. Но промышленная революция также не сводится только к техническому перевороту. Поскольку НТР обусловливает технический переворот в производстве, ведущем к созданию новой материально-технической базы, адекватной коммунистическому способу производства, постольку это свидетельствует о том, что по своей природе научно-техническая революция — явление однопорядковое с промышленной революцией.

Однако дальнейшее понимание вопроса требует обратить внимание на один исключительно важный момент. Промышленная революция XVIII—XIX вв. является не чем иным, как революционным качественным преобразованием производительных сил общества, требующим соответствующих революционных изменений в производственных отношениях. По своему социальному содержанию это был переворот, ведущий к господству капиталистических производственных отношений. Научно-техническая революция требует адекватных ей производственных отношений — коммунистических. В этом ее историческая миссия. Но этот переворот уже на начальной стадии достаточно зримо охватил промышленное производство, сельское хозяйство, строительство, транспорт, науку, культуру и т. д. И в этом отношении его неправильно было бы ограничить областью промышленности и тем самым применять термин «промышленная революция»[2].

---

[1] Иванова Р. К. Научно-техническая революция и развитие общественного труда в СССР. М., «Наука», 1976, с. 18.

[2] В литературе часто ставится вопрос о взаимовлиянии промышленной революции и научно-технической. Одна группа авторов считает, что НТР является исходным пунктом промышленной революции (см., например: Мелещенко Ю. С. Характер и особенности научно-технической революции.— «Вопросы философии», 1968, № 7; Современная научно-техническая революция. Историческое исследование. Под ред. С. В. Шухардина. М., «Наука», 1970, с. 166).

Другая группа авторов считает промышленную революцию завершающей стадией научно-технической революции (см.: Зворыкин А. А. Научно-техническая революция и ее социальные последствия. М., «Знание», 1967; Марков Н. В. Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. М., Политиздат, 1971, с. 27).

Наконец, отдельные авторы заявляют, что «современная научно-техническая революция — это слияние в одном целостном процессе научных, технических и промышленных (производственных) революций» (Косолапов В. Горизонты XX века. М., «Молодая гвардия», 1973, с. 11). Но есть и такие авторы, которые считают возможной научно-техническую революцию без соответствующих изменений в производственных отношениях. Поэтому они допускают возможность в современных условиях нескольких научно-технических револю-

Р. К. Иванова пишет о нетождественности НТР и промышленного переворота конца XVIII — начала XIX в. Конечно, это верно. Но отсюда не следует, что на этом основании нужно отбрасывать их категориальное единство, состоящее в том, что переворот в производительных силах порождает необходимость соответствующих преобразований в производственных отношениях. Отсюда следует, что общеметодологический подход К. Маркса к исследованию промышленной революции XVIII—XIX столетий вполне применим к анализу научно-технической революции. Разумеется, при этом недопустим «механистический» подход, при котором начинают искать в НТР преобразования, внешне аналогичные изменениям, происходившим в условиях промышленной революции.

При исследовании промышленной революции К. Маркс сосредоточил особое внимание на исходном пункте этой революции. Под исходным пунктом он понимал то изменение в производительных силах общества, которое вело к коренным преобразованиям всей системы производительных сил общества, что в свою очередь обусловливало необходимость нового способа производства. В этом суть подхода К. Маркса.

Таким исходным пунктом промышленной революции XVIII—XIX вв. К. Маркс считал качественное изменение рабочей части машины, появление такого орудия труда в системе машины, которое заменяло руку человека в процессе его воздействия на предмет труда. Это сняло с производства многие ограничения, обусловленные физико-психологическими возможностями человека. При этом следует подчеркнуть, что речь идет не о появлении машин, а о революционном, качественном изменении в основном звене машин — рабочей части. «Промышленная революция в XVIII веке исходит как раз от этой части — от машины-орудия. Она же и теперь образует всякий раз исходный пункт при превращении ремесленного или мануфактурного производства в машинное производство»[3].

Появление машин в производстве ведет к изменению места и роли рабочего в непосредственном процессе производства. И это важный момент в теоретическом исследовании К. Маркса промышленной революции XVIII—XIX вв. На него следует обратить особое внимание, так как качественные изменения в производительных силах К. Маркс связывает с изменениями места работника по отношению к непосредственному технологическому процессу. Именно в этом пункте происходят качественные изменения, связанные прежде всего с тем, что работник становится придатком

ций (см., например: Бернал Д. Наука в истории общества. М., «Иностранная литература», 1956; Борисов Е. П. Политико-экономические проблемы современной научно-технической революции. М., «Высшая школа», 1970).

Однако все эти постановки исходят из неправильного понимания соотношения между сущностью и исторически определенной формой проявления того процесса, который проявился в форме промышленной революции XVIII—XIX вв., а в настоящее время — в форме научно-технической революции.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 384.

машины. На капиталистической фабрике условия труда применяют рабочего, а не он их. «В мануфактуре, — писал К. Маркс, — рабочие являются членами одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки»[4]. Теперь разделение труда прежде всего определяется специализацией машин. Но это требует и соответствующего общественного характера производства.

Общая закономерность развития производительных сил состоит в том, что человек все больше вытесняется непосредственно из самого производства. Непосредственные производственные функции человека все больше переходят к техническим средствам. В. И. Ленин учит, что «прогресс техники в том и выражается, что человеческий труд все более и более отступает на задний план перед трудом машин»[5]. Качественные изменения производительных сил связаны с революционными перемещениями этих функций от человека к машине.

Рассматривая позицию К. Маркса по вопросу об исходном пункте промышленной революции, нельзя допускать механического повторения всех моментов исследования К. Маркса. При таком подходе, например, говорят, что исходное революционное преобразование нужно искать только в рабочей части машины. Однако К. Маркс рассматривал конкретно-историческую ситуацию. В ней эти преобразования были решающими, но он допускал и другие ситуации: «...Если речь идет не об *историческом* развитии машин, а о машинах на базисе нынешнего способа производства, то единственно решающей является *рабочая машина* (например, у швейной машины), ибо раз этот процесс уже механизирован, то всякий теперь знает, что механизм этот, в зависимости от его размеров, может приводиться в движение рукой, водой или паром»[6]. К. Маркс обращает внимание на то, что нужно различать главное звено в преобразовании машин в их историческом развитии. И здесь решающее значение могут приобрести различные элементы.

С учетом отмеченной выше характеристики исходного момента промышленной революции XVIII—XIX столетий применительно к научно-технической революции можно выделить следующие позиции.

Прежде всего позиция, которая исходным моментом научно-технической революции объявляет дальнейшее развитие машины, а именно переход от трехзвенной (обычной) машины к машине-автомату, имеющей четвертое звено — управляющую систему. Ее появление сопровождается передачей многих функций управления от человека к машине. Эта концепция связывает исходный момент научно-технической революции с автоматизацией производства.

[4] Там же, с. 433.
[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 78.
[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 262.

Переход к автоматической машине ведет к новым структурным изменениям в производительных силах, связанным с изменением положения человека в непосредственном процессе производства. Передавая управленческие функции машине, человек как бы становится дальше от непосредственного процесса производства, постепенно вытесняется из него. Это имеет далеко идущие последствия для всей системы производительных сил, для роста общественного характера производства, а следовательно, и с точки зрения его воздействия на способ производства в целом.

Разделяя эту концепцию, считаем необходимым сделать два замечания. Во-первых, началом переворота в производительных силах общества исторически надо считать тот момент, когда машина-автомат в широких масштабах стала проникать в производство. Для этого потребовалось несколько предпосылок: технических — появление современной счетно-решающей техники, ее миниатюризация и использование ее в управлении; экономических — такое удешевление управляющих систем, при котором они оказались конкурентоспособными по сравнению с рабочей силой. Эти предпосылки интенсивно развиваются в настоящее время. Во-вторых, процесс автоматизации производства охватывает несколько периодов. В настоящее время производство находится на начальной стадии автоматизации. Коммунизм овладеет ее высшими формами, связанными с комплексной автоматизацией. Изложенную позицию начинает разделять все большее число авторов, исследующих научно-техническую революцию.

Некоторые исследователи связывают исходный пункт научно-технической революции с превращением энергии в орудие труда. В частности, эту позицию интересно развивает М. П. Осадько, который считает, что исходным моментом научно-технической революции является по-прежнему изменение самих орудий труда. Но это изменение состоит в том, что орудием труда становится сама энергия[7].

Конечно, сама по себе машина с механическим орудием труда качественно отличается от машины с орудием труда — энергией. Но это качественное отличие — конструктивное, а не социальное. Исходный пункт, определяющий сущность НТР, связан с такими конструктивными преобразованиями, которые обусловливают и социальные последствия[8].

---

[7] «Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. «Экономика», 1974, № 1, с. 31—37.

[8] В понимании этой проблемы исключительный интерес представляет положение, выдвигаемое Г. Н. Волковым: «Основным критерием периодизации техники и технических способов производства выступает... коренное изменение в типе связи человека и техники, изменение в его положении, месте и роли в технологическом процессе. Вопрос о критерии периодизации техники — это вопрос о перераспределении функций между человеком и техникой, в результате которого либо предметные элементы труда находятся в технологической зависимости от личных, либо личные — в технологической зависимости от предметных» (Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. — В кн.: Социологические исследования проблемы развития науки и техники. М., Политиздат, 1976, с. 57).

Особый подход к проблеме у академика С. Г. Струмилина. Он писал: «Отныне ... приобретает все большее значение периодизация общественных эпох по типу наиболее свойственной им энергетики. И если век пара был веком господства капитализма..., то век внутриатомной энергии открывает перед нами эру наиболее прогрессивной техники — эру коммунизма»[9].

Здесь мы хотели бы напомнить, что методология К. Маркса отнюдь не указывает на то, что исходным моментом всегда должна быть именно рабочая машина. Но С. Г. Струмилин не приводит каких-либо фактов (а практика их не дает), что современные изменения в энергетике производства ведут к таким качественным структурным преобразованиям производительных сил, за которыми должны последовать изменения в производственных отношениях.

Новый момент в понимании самой категории исходного пункта НТР вносит С. А. Хейнман. По его мнению исходный момент НТР сам по себе многофакторный, он не сводится к какому-либо одному преобразованию. Характеризуя изменения производительных сил на современном этапе, он пишет, что для него «...характерны при полной замене сил пара электричеством и огромном повышении единичной мощности всех видов оборудования, слияние всех трех элементов машинного комплекса, описанного К. Марксом, в современной рабочей машине, дальнейшее развитие и широкое внедрение машин-агрегатов, кардинальный прогресс в технологии производства, развитие видов специализации производства и дальнейшее распространение массово-поточной организации производства. К середине этапа (в 50-е годы) начинается внедрение отдельных элементов, создаваемых научно-технической революцией, автоматизации производства и искусственных и синтетических предметов труда»[10].

Бесспорно, что научно-техническая революция сопровождается огромным скачком в познании человеком законов природы и соответствующим преобразованием на этой основе производства, значительным ростом производительности труда, повышением эффективности производства. Бесспорно, что эти преобразования многофакторны, поэтому развитие производительных сил и производства происходит во многих направлениях. Однако каждое из этих направлений не меняет положения человека в системе производства. Но только такие преобразования в орудиях труда, которые изменяют положение человека в производстве, могут выступить в качестве исходного пункта НТР.

---

[9] Струмилин С. Г. Проблемы социализма и коммунизма в СССР. М., 1961, с. 283. Эту точку зрения разделяют другие авторы («Вопросы экономики», 1963, № 12, с. 5). Трошин Д. М. Методологические проблемы современной науки. М., 1966, с. 35—36).

[10] Хейнман С. А. Научно-техническая революция сегодня и завтра. М., Политиздат, 1977, с. 67.

В нашей литературе часто проблему сущности научно-технической революции подменяют описанием наиболее ярких, качественных изменений в производительных силах общества. Научно-техническая революция связана с качественными изменениями в названных областях, но не в этих изменениях заключена ее сущность.

Содержание научно-технической революции включает ее социально-экономическую характеристику. В связи с этим оно принципиально различно при капитализме и при социализме.

Научно-техническая революция ведет к дальнейшему росту концентрации производства и повышению его общественного характера. Чем дальше идет этот процесс, тем острее назревает одно из самых глубоких социально-экономических противоречий развития НТР в условиях капитализма — противоречие между общественным характером научно-технической революции и узкими границами ее развития, обусловленное капиталистической собственностью на средства производства. Сама по себе НТР несет огромный потенциал развития производительных сил, повышения их эффективности, резкого увеличения производства материальных и духовных благ для удовлетворения потребностей человечества, для решения многих экономических и социальных проблем. Однако капитал использует достижения НТР лишь в той мере, в какой это отвечает действию основного экономического закона капитализма. Этим обусловливается не только узость границ использования достижений НТР, но и во многом ее антигуманистическая направленность, наиболее ярко проявляющаяся в использовании достижений НТР в военных целях, в хищническом расходовании природных ресурсов, самой рабочей силы посредством организации потогонных систем, «научной организации труда», в фальсификации продуктов питания и т. д.

Таким образом, научно-техническая революция обостряет систему антагонистических противоречий, присущих капитализму. И это закономерно, потому что научно-техническая революция связана не просто с количественными прогрессивными изменениями в производительных силах, которыми может в определенной мере овладеть и овладевает капитализм, но и с такими прогрессивными, качественными изменениями, которыми в целом капитализм овладеть уже не в состоянии.

В документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в 1969 г. в Москве, подчеркивается, что научно-техническая революция, ускоряя процесс обобществления экономики в условиях господства монополий в еще больших масштабах, с еще большей остротой воспроизводит социальные антагонизмы капитализма. Усиливаются прежде всего противоречия между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм воздвигает на пути их реализации в интересах всего общества, а также углубляются противоречия между обществен-

ным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования [11].

Исследуя воздействие НТР на современный капитализм, нужно различать такие противоречия, с которыми капитализм в принципе может справиться. Это, например, противоречие между развивающейся технической базой производства и отстающим от нее уровнем профессионально-технической подготовки рабочих. Но историческую судьбу капитализма предопределяют те противоречия, которые связаны с законом соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил общества. Глобальные последствия развития НТР состоят в том, что рост общественного характера производства достигает такого уровня, при котором остро сказывается узость капиталистических производственных отношений. Таким образом, научно-техническая революция развивает и углубляет противоречия, разрешение которых возможно лишь при ликвидации самого капитализма.

Конечно, современное обострение противоречий капитализма ни в коей мере не означает признания того, что он рухнет «автоматически». Для этого нужна социалистическая революция.

Только социалистическое общество обеспечивает необходимые социально-экономические условия для полного использования прогрессивных возможностей НТР. Социалистические производственные отношения невиданно расширяют социально-экономические границы развития научно-технической революции, мобилизуя для этого национальные ресурсы страны. Общественный характер социалистической собственности соответствует общественному характеру научно-технической революции. Развитие НТР в полной мере соответствует исторически прогрессивному характеру развития социалистических производственных отношений в коммунистические. Эти два процесса взаимно дополняют и усиливают друг друга. Развитие научно-технической революции способствует преодолению присущих социализму неантагонистических существенных противоречий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, создает благоприятные условия для усиления социальной однородности социалистического общества.

При раскрытии содержания НТР в условиях социализма особо должна подчеркиваться ведущая роль производственных отношений социализма в развитии научно-технической революции. Именно на этом основано положение партии об органическом соединении достижений НТР с преимуществами социализма.

Научно-техническая революция несет с собой качественные преобразования производительных сил общества, развитие всех отраслей материального производства и сфер деятельности. Она порождает новые связи между ними. Прогрессивное развитие этих явлений будет происходить тем быстрее и давать тем большую

[11] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. М., Политиздат, 1969, с. 297—298.

народнохозяйственную эффективность, чем полнее производственные отношения социализма в их конкретных формах проявления будут соответствовать названному развитию. Оно прежде всего требует соответствия хозяйственного механизма социализма новому состоянию и тенденциям развития производительных сил общества. В этом одна из причин того, что начало развития НТР во всех социалистических странах совпало с глубокими и широкими преобразованиями хозяйственного механизма.

ГЛАВА 3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Никакие революции в производительных силах не могут рассматриваться в рамках политической экономии сами по себе как революции без учета их социальных последствий и переворотов в производственных и других отношениях общества, к которым ведут такого рода изменения производительных сил.

Из многочисленных определений сущности научно-технической революции преобладает та ее характеристика, которая связывает НТР с превращением науки в непосредственную производительную силу. Большинство авторов, исследующих научно-техническую революцию, видят ее сущность в превращении науки в непосредственную производительную силу. При всем том, что при таком определении имеется большой разнобой в трактовке самого содержания процесса превращения науки в непосредственную производительную силу, остается не ясным, что же происходит, собственно, в элементах производительных сил и прежде всего в средствах труда, определяющих технический уровень материального производства и выступающих, по определению К. Маркса, мерилом развития человеческой рабочей силы, главной производительной силы общества?

При таком определении скорее всего указывается на слитность современного материального производства и науки, на то, что наука выступает очень часто инициатором тех изменений, которые происходят во всех элементах производительных сил. Однако больше в этом случае говорится о путях, источниках переворота в элементах производительных сил, чем об оценке содержания этих изменений.

Такой подход к определению сущности научно-технической революции не согласуется с коренным положением исторического материализма о том, что современная наука есть одна из форм общественного сознания. А раз это так, то утверждение, что в форме общественного сознания, возрастании его активности на современном этапе, коренится сущность научно-технической революции — по меньшей мере, неточно. Наука действительно является отправным пунктом научно-технической революции, но не здесь заключена ее сущность.

Тот факт, что наука дает импульс многим изменениям, совершающимся в производительных силах, относится к области конкретной эмпирической действительности. И до научно-технической революции изменения в орудиях труда всегда производились не бессознательно, а в результате творческой сознательной деятельности людей, но это обстоятельство не отменяло принцип исторического материализма о первичности изменений в материально-вещественных факторах производства. Следовательно, мы должны искать сущность научно-технической революции в тех элементах, которые претерпевают сегодня значительные изменения в их сцеплении с наукой, но которые выступают действительно ведущими в общественном развитии. Известно, что эта ведущая роль принадлежит средствам труда, прежде всего орудиям труда.

Существуют на этот счет и другие точки зрения, которые апеллируют то к технологии производства, то к новым источникам энергии, то к новым видам сырья и материалов и т. д., но почему-то меньше всего говорят об орудиях труда.

Одновременно в литературе уже давно высказывается суждение о том, что коренные изменения в производительных силах сегодня связаны с машиной и прежде всего с появлением четвертого, так называемого, управляющего устройства машин, заменяющего человека в логической, контролирующей операции в его деятельности. Представляется, что поиски в этом направлении являются более соответствующими тем внутренним изменениям, которые проистекают в производительных силах и близки к тем моментам развития производительных сил, которые являются определяющими для понимания сущности современной научно-технической революции. Конечно, не стоит сводить всю проблему к этому четвертому элементу управляющего устройства машин. Но это устройство является элементом принципиально нового орудия труда — машины-автомата, которая использует этот новый элемент кибернетического устройства, заменяющий человека в его высшей, умственной деятельности. Однако и это не все. В современном производстве все в большей мере используются природные силы в качестве аналога машин, когда человек получает все больше возможности организовать игру природных сил и путем воздействия одной силы на другую создавать производственный эффект, например использование лазерного луча, ультразвука для производственных целей.

Думается, что более правильным отражением исторической тенденции технического прогресса, увязываемой с теми коренными изменениями, которые происходят с ролью труда, человека в непосредственном процессе производства, была бы характеристика этих изменений как тенденции к автоматизации и кибернетизации производства. В этом ключ к определению и социальной сущности научно-технической революции.

Рассматриваемая с точки зрения производительных сил современная научно-техническая революция имеет своим конечным

результатом полную автоматизацию материального производства, а именно: во-первых, автоматизацию технологических процессов во всех отраслях народного хозяйства; во-вторых, не только основных работ, но и вспомогательных работ; в-третьих, замену живого труда в его контролирующей и регулирующей функции, а не только в процессе воздействия на вещество природы; и, наконец, распространение автоматизации на управление всем народным хозяйством на основе общегосударственной системы вычислительных центров, способствующих сбору, быстрой обработке и хранению экономической информации и принятию соответствующих решений на уровне всего народного хозяйства, а также автоматическую систему управления не только в рамках отдельных предприятий и отраслей, но и в виде глобальных АСУ в масштабе всего народного хозяйства.

Разумеется, в данном случае речь идет о тенденциях, но выявление тенденции является всегда важным в понимании сущности того или иного процесса. Возникает вопрос: существует ли конфликт между таким пониманием существа научно-технической революции и тем, которое связывает НТР с превращением науки в непосредственную производительную силу, с переворотами во всех элементах производительных сил? Очевидно, нет. Целесообразно различать понятие сущности научно-технической революции и ее содержания, поскольку под содержанием следует понимать более широкий объем элементов, характеризующих этот процесс.

Вместе с тем совершенно очевидно, что в политической экономии мы не можем ограничивать определение сущности научно-технической революции рамками производительных сил, само понимание революции в производительных силах политическая экономия связывает с крупными изменениями в производственных отношениях. Те изменения в средствах труда и в других элементах производительных сил, о которых речь шла выше, представляют собой материальную основу утверждения новой, коммунистической общественно-экономической формации.

Современная научно-техническая революция развертывается как мировой процесс, однако те громадные социальные противоречия в капиталистическом обществе, которые сопровождают научно-техническую революцию, свидетельствуют о том, что последняя не адекватна капитализму.

Научно-техническая революция еще только начинается, и ее конечным результатом являются производительные силы коммунизма.

Современная промышленность пока функционирует еще в рамках крупного машинного производства, начавшего свою историю с промышленного переворота на рубеже XVIII и XIX вв., поскольку тип орудия труда не изменился.

Научно-техническая революция имеет своей исторической миссией создание материально-технической базы коммунизма и утверждение ее высшей фазы.

ГЛАВА 4. ИСХОДНЫЙ ПУНКТ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В политико-экономическом исследовании научно-технической революции определения ее сущности, содержания, являются важнейшим отправным моментом в изучении важнейших социально-экономических последствий НТР, ее судеб в различных социальных системах, развития самих общественных систем под воздействием НТР.

Различие позиций по вопросу о сущности научно-технической революции в литературе, посвященной исследованию НТР, часто связано с тем, что в одних случаях главное внимание сосредоточивается на выяснении содержания собственно переворота в производительных силах, в других — на исследовании социально-экономических процессов, вызываемых научно-технической революцией. Очевидно, что в политико-экономическом исследовании научно-технической революции именно социально-экономические ее аспекты являются центральными. Правда, существует мнение, что положение о социально-экономических последствиях НТР искажает представление о сущности научно-технической революции, так как ставит эти процессы как бы вне научно-технической революции.

Нам представляется, что поскольку речь идет не о научно-техническом прогрессе, а о научно-технической революции, то уже из этого следует, что происходит такой переворот в производительных силах, который не может не сопровождаться коренными изменениями в общественных отношениях. Однако в научном исследовании прежде всего должно быть показано, в чем состоит переворот в производительных силах, каков исходный пункт этого переворота.

В этой связи уместно напомнить, с какой степенью детальности и глубины анализа исследовались К. Марксом процессы, происходящие в производительных силах, какое внимание уделялось К. Марксом определению исходного пункта промышленного переворота. В письме к Ф. Энгельсу от 28 января 1863 года, останавливаясь на вопросе о том, чем отличается машина от орудия, К. Маркс замечает: «Для чистых математиков эти вопросы безразличны, но они становятся очень важными, когда речь идет о том, чтобы показать связь между общественными отношениями людей и развитием материальных способов производства»[1].

По вопросам, в той или иной мере касающимся определения сущности научно-технической революции, к настоящему времени имеется уже значительная литература. Однако нельзя не признать,

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 262.

что он по-прежнему остается дискуссионным, хотя многие аспекты решения проблемы и стали общепризнанными.

Исходя из того, вполне справедливого положения, что в содержании научно-технической революции прежде всего должен быть обнаружен исходный пункт, исследователи научно-технической революции предлагают самые различные варианты определения сущности научно-технической революции в зависимости от того, в каком из элементов производительных сил, по их мнению, происходят наиболее существенные и важные изменения.

Так, существует точка зрения, что главное в научно-технической революции связано с переходом к использованию новых источников энергии, в связи с чем наш век получил наименование века атомного. Следует заметить, что все революционные изменения в технике и технологии производства связаны с бурно развивающимся в нынешнем веке процессом электрификации, с открытием способов передачи электроэнергии на дальние расстояния, развитием применения атомной и ядерной энергии. Все это, безусловно, явилось одним из материальных условий, подготовивших научно-техническую революцию и определивших один из моментов ее содержания. Однако качественные изменения в энергетических основах производства не определяют собой сущности научно-технической революции, точно так же, как при всей значимости парового двигателя для развития процессов капиталистической индустриализации, исходный пункт промышленного переворота не был связан с изменениями в двигательной силе производства. К. Маркс специально отмечал, что первые машины приводились в движение рукой человека и в то же время использование силы ветра не делало мельницу машиной.

Ряд исследователей связывают сущность научно-технической революции с появлением новых предметов труда, вызванных к жизни химизацией производства. Химия действительно революционизирует многие технологические процессы, становится существенным элементом научной системы земледелия, условием интенсификации сельскохозяйственного производства. Однако революционные изменения в предметах труда не преобразуют всей системы производительных сил и вследствие этого не определяют непосредственно изменений в системе общественных отношений, и поэтому они не могут рассматриваться как выражающие сущность научно-технической революции.

Особенно широко распространена позиция, согласно которой исходный переворот в производительных силах связан с автоматизацией производства, поскольку именно автоматизация и особенно высшая ее форма — кибернетизация знаменуют собой революцию в орудиях труда. Такая точка зрения кажется особенно соответствующей той методологии, которая была применена К. Марксом к исследованию промышленной революции XVIII—XIX вв. и начало которой К. Маркс связывал с появлением механического орудия труда, с рождением рабочей машины. Однако

она должна быть, на наш взгляд, существенно уточнена, и мы вернемся к ней ниже, заметив здесь, что если рассматривать автоматизацию просто как высшую ступень механизации, как фактор изменения в одном из элементов производительных сил, то с этой точки зрения связывать с ней сущность научно-технической революции столь же неправомерно, как с химизацией или с электрификацией производства.

Следует также заметить, что важнейшим конституирующим моментом научно-технической революции является взаимосвязь качественных изменений, происходящих одновременно во всех элементах производительных сил. Однако подчеркивание значения этой взаимосвязи и описание всей совокупности изменений, происходящих в производительных силах, выражая **содержание** научно-технической революции, не снимает вопроса о ее сущности.

Многие исследователи научно-технической революции видят ее специфику в изменении роли науки в развитии общественного производства, в превращении науки в непосредственную производительную силу. В этом действительно состоит одна из важнейших особенностей научно-технической революции. Все главные изменения в технике сегодня своим исходным пунктом, как правило, имеют науку, научные изобретения и открытия. Новая техника, новая технология, новые материалы, целые новые отрасли производства возникают сегодня как следствие реализации научных открытий. Наука превращается в непосредственную производительную силу, а производство, построенное на принципах науки, постепенно превращается в подлинно научное производство.

Превращение науки в непосредственную производительную силу наиболее характерно выражается в том, что носителем научных знаний, их применения в производстве становится сам непосредственный производитель, уровень профессиональной и общей подготовки которого делает возможным внедрение в непосредственный процесс производства научных принципов. Решающие изменения, происходящие в главной производительной силе общества, отражаются в изменении качественного состава совокупной рабочей силы, в появлении устойчивой тенденции к росту уровня квалификации, в значительных перемещениях труда из производственной в непроизводственную сферу, особенно в сферу духовного производства, и т. д. Все эти процессы имеют огромное социальное значение. Однако мы не можем согласиться с теми авторами, которые видят в изменениях в главной производительной силе не только определяющий, но и исходный пункт научно-технической революции.

Особенно последовательно развивает указанную точку зрения Ю. А. Васильчук. Он пишет: «Глубочайшая суть научно-технической революции состоит в процессе слияния знания с общественным производством»[2]. Рассматривая различные формы, в которых

[2] «Вопросы философии», 1976, № 1, с. 85.

происходит процесс соединения науки с производством, он отмечает, что в центре этого процесса лежит развитие самого работающего человека, его самосознания, жизненных интересов и притязаний, развитие главной производительной силы. Наука непосредственно поднимает на новую ступень не машину, не предмет труда, а самого человека[3]. При этом Ю. А. Васильчук специально подчеркивает, что изменения в главной производительной силе не только определяют собой сущность научно-технической революции, но и являются исходным пунктом всей системы революционных преобразований, происходящих в современных производительных силах. Революция в вещественных факторах производства выступает как производная, вторичная по отношению к изменениям в субъективном факторе. Именно такая последовательность в преобразовании вещественных и личностного факторов производства отличает, по его мнению, научно-техническую революцию от промышленной революции конца XVIII — начала XIX столетия, когда исходная роль в преобразовании производительных сил принадлежала машинам, а изменения в субъективном факторе явились лишь следствием применения машин. Характеризуя научно-техническую революцию, Ю. А. Васильчук пишет: «Это есть процесс развития главной производительной силы общества, трудящегося человека и рабочего класса, образующий исходный пункт, основное содержание и сущность всего современного переворота в производительных силах капитализма»[4].

Несомненно, что положение об огромной значимости революционных изменений, происходящих в главной производительной силе, имеет важнейшее значение для характеристики научно-технической революции. Оно важно также с точки зрения исследования закономерностей современного мирового революционного процесса, обоснования революционной роли рабочего класса. Оно направлено против современных разновидностей ревизионистских теорий, отрицающих ведущую роль рабочего класса в революционной борьбе против капитализма. Однако нам представляется, что в приведенном выше высказывании смешаны исходный пункт, сущность и содержание научно-технической революции. Положение о том, что изменения в главной производительной силе общества являются исходным пунктом научно-технической революции, находится в противоречии с положением исторического материализма об объективном характере развития производительных сил. Объективность развития производительных сил состоит в том, что человек, каждое поколение людей исходит из наличного, объективно данного уровня производительных сил и вынуждено приспосабливаться к этому уровню. Орудия труда при этом выступают как наиболее активный, подвижный элемент производительных сил. Это положение нисколько не умаляет роли человека как главной

[3] «Вопросы философии», 1976, № 1, с. 85.
[4] «Коммунист», 1976, № 10, с. 41.

производительной силы. Разумеется, именно творческая мысль непосредственных производителей материальных благ, их производственный опыт, а в современных условиях в особенности — научная, конструкторская и прочие виды исследовательской деятельности, а также элементы научных знаний, носителем которых становится широкая масса непосредственных производителей, являются двигателем технического прогресса. В диалектическом взаимодействии между вещественными и личностным факторами производства находит отражение объективная логика развития производительных сил. Тем не менее исходным условием, предпосылкой всякого совершенствования в области производительных сил является определенное состояние вещественных условий производства, которым определяются содержание и характер трудовых функций непосредственного производителя на каждом этапе развития общества, место человека в производственной системе.

Вызываемые научно-технической революцией изменения в главной производительной силе являются отражением и порождением бурных преобразований в вещественных условиях производства. Поэтому революционные изменения в главной производительной силе не меняют общей логики развития производительных сил, их объективного характера. Вместе с тем сам по себе вопрос о том, какой фактор — вещественный или личностный является источником переворота, происходящего в производительных силах, не исчерпывает собой вопроса о его сущности.

Исходя из методологии, примененной К. Марксом к исследованию промышленной революции, нам представляется единственно правильным при определении сущности научно-технической революции исходить из тех изменений в области производительных сил, которые принципиально меняют характер взаимосвязи между вещественными и личностным факторами производства. В условиях промышленной революции конца XVIII — начала XIX в. характер взаимосвязи между вещественными и личностным факторами производства принципиально изменился вследствие замены ручных орудий труда механическими, а источником, исходным пунктом переворота явилось создание рабочих машин.

Применение механических орудий расширило область воздействия человека на предметы и силы природы. Человек получил возможность одновременного оперирования десятками орудий. Именно благодаря этому гигантски возросла производительность общественного труда, что позволило утвердиться системе капиталистических производственных отношений, обеспечило победу капитализма над ремесленным производством, превратило формальное подчинение труда капиталу в реальное.

Современный переворот в отношениях между вещественными и личностными факторами производства прежде всего связан с автоматизацией производства и заключается в передаче машинам функций контроля, регулирования и управления производственными процессами, а также различными видами непроизвод-

ственной деятельности. При этом сама по себе автоматизация, если она строится на механической технологии, не может революционизировать производственные процессы. Подлинную революцию несет в себе принципиальное изменение технологии производства, открытие и использование в качестве средств воздействия на предметы труда более высоких, чем механическая, форм движения материи.

Развитие автоматизации, появление нового технологического типа производства с точки зрения влияния на всю систему революционных преобразований производительных сил, а также социально-экономических преобразований, огромны. Они знаменуют собой новый шаг в направлении ко все более объективному построению процесса производства.

К. Маркс отмечал, что в условиях мануфактурного производства с его господством ручных орудий труда, разделение труда было построено на основе субъективного принципа. В крупном машинном производстве разделение труда строится по объективному принципу. Применение машин в значительной степени снимает ограниченность возможностей человека в одновременном использовании нескольких орудий труда. Там, где рабочий оперировал одним орудием труда, машина, например прядильная, оперировала одновременно десятками веретен. Именно в этом пункте заключен был выход за те границы, которыми определялся уровень производительности труда в ручном мануфактурном производстве. Базис крупного машинного производства по существу революционен, тогда как в мануфактурном производстве он был консервативен. Однако постепенно развитие самого машинного производства наталкивается на известные границы. Так, увеличение параметров и усложнение конструкции рабочих машин, применение новых источников энергии, переход к высокоинтенсивным технологическим процессам, связанным с использованием температур, давлений и скоростей, опасных для человеческого организма, делает часто невозможным непосредственное участие человека в управлении этими процессами. Участие человека в производственной системе в качестве одного из механических ее элементов ставит определенные пределы развитию производительности труда. Эти ограничения преодолеваются по мере развития автоматизации производства. Однако к этому не сводится процесс дальнейшего усиления объективного построения процесса производства.

Поскольку с развитием автоматизации функции управления производственными процессами передаются машинам, центр тяжести производственной деятельности человека переносится на выполнение таких функций, для выполнения которых его природа наилучшим образом приспособлена. Решающее значение приобретают такие качества человека, как острота восприятия, чувство ответственности, способность к творческому мышлению.

Таким образом, на основе научно-технической революции осуществляется движение к принципиально новой системе организа-

ции производства, при которой каждый ее элемент — и человек и техника — используются в соответствии с их собственной спецификой, с их объективной природой. Это создает возможность ничем не сдерживаемого, непрерывного, безграничного развития и совершенствования всех элементов производительных сил. Отсюда следует, что именно в этом пункте заключена сущность переворота в производительных силах, именуемого научно-технической революцией.

Вместе с тем изменение положения человека в производственной системе, содержания и характера его труда имеют огромное значение с точки зрения социально-экономических последствий этого процесса. Использование человека в производственной системе в соответствии с преимуществами его собственной природы открывает путь к всестороннему развитию личности. Научно-техническая революция создает условия для всестороннего развития личности и делает это развитие требованием самого производства.

Возникновение в условиях научно-технической революции объективных материальных предпосылок и объективной необходимости всестороннего развития личности вступает в противоречие с существом капиталистической общественной системы как системы неравенства и эксплуатации. Капитализм не приемлет требования ликвидации противоположности физического и умственного, квалифицированного и неквалифицированного труда, ибо неравенства в труде есть органический элемент системы капиталистической эксплуатации. Поэтому требования, предъявляемые к субъективному фактору производства, определяют собой и социально-экономические границы научно-технической революции в системе капитализма, и самые судьбы капитализма как общественной системы.

Опыт научно-технической революции в странах капитала свидетельствует о том, что наиболее острые противоречия капитализма связаны с теми воздействиями, которые оказывает научно-техническая революция на главную производительную силу общества. Это прежде всего огромный рост безработицы на фоне острой нехватки работников профессий и квалификации, вызванных к жизни научно-технической революцией, это распространение безработицы на те категории работников, которые ранее не испытывали на себе отрицательных последствий накопления капитала (значительный рост безработицы отмечается среди многих отрядов интеллигенции, среди инженеров, ученых и т. д.). По своему социальному и экономическому положению интеллигенция все теснее примыкает к рабочему классу, в равной степени страдая от угрозы безработицы, роста необеспеченности, инфляции, кризисов и т. д. Поскольку отношения неравенства есть основа капитализма, всестороннее развитие личности несовместимо с самой сущностью капитализма, полная реализация достижений научно-технической революции в условиях капитализма невозможна.

Характерно, что буржуазные исследователи НТР, как те, кто связывают с научно-технической революцией возможность безграничного развития капитализма, так и те, кто пессимистически оценивают перспективы развития НТР в капиталистическом обществе, меньше всего касаются той стороны научно-технической революции, в которой наиболее ярко выражена ее сущность. Проблемы развития рабочей силы, возможность и необходимость всестороннего развития личности в условиях научно-технической революции в буржуазной литературе не обсуждаются. В этом находит выражение классовая интуиция буржуазных теоретиков, ставящих перед собой апологетическую задачу оправдания капитализма.

Научно-техническая революция, преобразуя всю систему производительных сил, создает адекватную коммунизму материально-техническую базу. Объективные цели коммунизма совпадают с сущностью НТР. Это совпадение ярко выражено в положении XXIV съезда КПСС о необходимости органического соединения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.

ГЛАВА 5. ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Известно, что научно-техническая революция внесла ряд новых моментов в разделение общественного труда, в том числе в отношения между городом и деревней. Это делает исследование научно-технической революции в сельском хозяйстве важным объектом политико-экономического исследования.

Прежде всего следует заметить, что иногда пытаются найти особенное, специфическое определение сущности научно-технической революции в сельском хозяйстве в отличие от научно-технической революции в промышленности. На наш взгляд, эти поиски совершенно неправомерны. Научно-техническая революция имеет для всех сфер производства и непроизводственной деятельности одну сущность. Речь должна идти не о специфической сущности научно-технической революции в сельском хозяйстве, а об особенностях ее осуществления и, главным образом, об особенностях социально-экономических последствий НТР в этой отрасли экономики.

Одна из наиболее характерных особенностей научно-технической революции в сельском хозяйстве состоит в том, что здесь она в значительной степени завершает то, что в промышленности было сделано уже в ходе промышленного переворота конца XVIII — начала XIX столетия. Иначе говоря, научно-техническая революция в сельском хозяйстве осуществляется в условиях более низкого уровня технической вооруженности труда и в более короткие исторические сроки.

Однако следует заметить, что качественный скачок в техническом уровне сельскохозяйственного производства, который происходит в настоящее время, был подготовлен всем предшествующим развитием крупной промышленности, огромными достижениями в области технического прогресса. В связи с этим сегодня речь должна идти не о начале, как это утверждают многие авторы, а о завершении процесса превращения сельского хозяйства в отрасль, адекватную крупной машинной промышленности.

Другая особенность состоит в том, что если на ранних стадиях капиталистического развития интенсификация земледелия сопровождалась, как правило, уменьшением среднего количества земли в хозяйстве, то в современных условиях прогресс производительных сил сельского хозяйства невозможен без увеличения размера земельной площади. В условиях НТР складывается иное, чем прежде, соотношение между землей и орудиями труда. Чем выше уровень развития сельскохозяйственной техники, тем в большей степени их эффективность зависит от размеров земельной площади. В этих условиях группировка сельскохозяйственных предприятий по размерам земельной площади (и прежде всего по величине обрабатываемой земли) становится важным экономико-статистическим показателем, довольно рельефно выражающим реальные процессы действительности.

Научно-техническая революция в сельском хозяйстве сопровождается интенсивным развитием наук, которые либо непосредственно, либо опосредованно связаны с развитием сельскохозяйственного производства. Бурное развитие естественных наук позволило проникнуть в тайну процессов жизнедеятельности растительного и животного мира. Современная биохимия, биофизика и другие естественные науки открывают невиданные возможности сознательного регулирования внутренних процессов, происходящих в организме животных и растений.

Сельскохозяйственная наука все более и более превращается в непосредственную производительную силу, темпы и уровень ее развития становятся решающим фактором дальнейшего прогресса земледелия и животноводства. Огромное значение для прогресса сельскохозяйственного производства имеет химизация.

Многие особенности НТР в сельском хозяйстве связаны с тем, что здесь объектом воздействия являются живые организмы, а также такое специфическое средство производства, как земля. На эту специфику указывал еще В. И. Ленин. Он писал: «...есть особенности земледелия, которые абсолютно неустранимы (если оставить в стороне слишком отдаленную и слишком проблематическую возможность лабораторного приготовления белка и пищи). Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет отличаться *всеми* теми чертами, которые она имеет в промышленности» [1].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 137.

Переплетение экономического процесса воспроизводства с естественным предъявляет более высокие требования к машинной технике, так как ее эффективность зависит от плодородия полей и продуктивности животных. В условиях современной НТР эта зависимость возросла во много раз. Сегодня рост урожайности культур и продуктивности животноводства необходимое условие возмещения огромных затрат на сельскохозяйственную технику.

Научно-техническая революция оказывает на сельское хозяйство многогранное и сложное влияние. Если попытаться выделить наиболее главные и существенные изменения в развитии сельскохозяйственного труда на современном этапе, то оно состоит в том, что темпы роста производительности сельскохозяйственного труда опережают рост производительности промышленного труда. Общество вступило в такую стадию, когда «производительность земледелия должна увеличиваться относительно быстрее, чем производительность промышленности»[2]. Материальной основой осуществления этой закономерности служат более высокие темпы роста фондовооруженности сельского хозяйства по сравнению с промышленностью.

Необходимость и возможность соразмерного развития этих двух видов деятельности теоретически была обоснована еще К. Марксом. Он показал, что изменение в соотношении темпов прогресса промышленного и сельскохозяйственного труда является одной из конкретных форм проявления состояния и уровня развития общественного разделения труда и прежде всего разделения труда между городом и деревней.

Известно, что каждому этапу развития общества присущ свой специфический характер взаимодействия этих двух видов деятельности. Так, на заре человеческого общества земледельческий труд был доминирующей формой человеческой деятельности и его производительность была выше, чем производительность примитивного ремесленного труда. Возникновение крупной машинной индустрии внесло качественное изменение в развитие промышленного и сельскохозяйственного труда, в формы их связи и темпы их прогресса.

Прежде всего на стадии крупной машинной индустрии происходит окончательное отделение промышленного труда от земледельческого. На этой ступени развития возникают, как говорил К. Маркс, чисто промышленный и чисто сельскохозяйственный труд[3]. Следовательно, современный сельскохозяйственный труд это не тот земледельческий труд, который существовал на заре человеческого общества, а продукт общественного развития, для появления которого требуется довольно высокий уровень развития производительных сил. Иначе говоря, возникновение и развитие современного сельскохозяйственного труда, связанного с исполь-

---

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 115.

[3] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 182.

зованием искусственных, созданных цивилизацией, машинных орудий труда, возможно лишь на базе соответствующего уровня развития промышленного труда.

Окончательное отделение промышленного труда от земледельческого означает вместе с тем поворотный пункт в их развитии. С этого времени исходным началом прогрессивного развития человеческого общества становится промышленный труд и на длительный период времени устанавливается его превосходство над земледельческим трудом.

Относительно более низкие темпы развития сельскохозяйственного труда по сравнению с промышленным в эпоху возникновения крупной машинной промышленности являются объективной закономерностью. Разделение общественного труда и неравномерность развития различных конкретных его видов являются двумя сторонами одного и того же процесса. Разделение труда, обусловленное относительно невысоким уровнем развития производительных сил, означает в то же время невозможность прогресса в одинаковой мере для всех видов труда.

Ведущая роль промышленного труда в отношении земледельческого в условиях капитализма осуществляется в антагонистической форме, через усиление эксплуатации городом деревни, а в ряде случаев, путем консервации старых, примитивных методов труда. Буржуазия заинтересована в развитии производительных сил сельского хозяйства только в той мере, в какой оно способствует развитию промышленного капитала в получении им максимально возможной прибыли.

Развитие производительных сил сельского хозяйства осуществляется путем эксплуатации как личных, так и вещественных факторов производства. Все это, вместе взятое (неравномерность в развитии производительных сил в промышленности, в сельском хозяйстве и антагонистическая сущность буржуазных отношений)[4], и объясняет тот факт, что к моменту вступления капитализма в высшую стадию своего развития — империализм сельское хозяйство, как говорил В. И. Ленин, находилось ближе к мануфактурной стадии развития, нежели к крупной машинной индустрии[5]. Даже в цитадели капитализма — в США в 1910 г. имелось всего лишь по одной тысяче тракторов и комбайнов. Накануне второй мировой войны, несмотря на значительный скачок в уровне механизации сельского хозяйства после войны 1914—1918 гг. и кризиса 30-х годов, 60% всех сельскохозяйственных работ выполнялось при помощи ручных орудий.

Экономические связи между сельским хозяйством и промышленностью были в этот период сравнительно невелики. Воспроиз-

---

[4] При этом неравномерность развития производительных сил составляет объективную причину отставания сельского хозяйства, а эксплуататорская сущность буржуазных отношений выступает всего лишь как фактор, углубляющий разрыв между промышленностью и сельским хозяйством.

[5] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 224.

водство в земледелии осуществлялось преимущественно за счет средств производства, производимых в самом сельском хозяйстве.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что сравнительно медленное развитие сельскохозяйственного труда по сравнению с промышленным не означало его абсолютного застоя и непрерывной деградации. Речь идет лишь об относительном отставании сельского хозяйства по сравнению с уровнем и темпами развития промышленности. Напротив, именно на этой стадии земледелие становится значительно производительнее, чем прежде, но эта производительность растет не в той степени, что производительность промышленности.

Итак, неравномерность развития производительных сил промышленности и сельского хозяйства для определенной исторической эпохи является необходимостью.

Отставание производительных сил сельского хозяйства от производительных сил промышленности не является неустранимым. К. Маркс предвидел, что на известной ступени развития производительных сил диспропорция в развитии промышленности и сельского хозяйства начнет убывать. В качестве важнейшего фактора, способствующего росту производительности сельскохозяйственного труда, он считал развитие тех наук, которые для земледелия играют большую роль, чем для промышленности [6].

Можно сказать, что в настоящее время передовые капиталистические страны вступили в эту стадию развития. Бурный технический прогресс в сельском хозяйстве этих стран, начавшийся в годы второй мировой войны и усиливающийся после ее окончания, привел к такому обилию и разнообразию сельскохозяйственной техники, что это позволило перейти от применения отдельных машин и механизмов к системе машин, представляющей собой комбинацию разнородных, но взаимодополняющих друг друга частичных рабочих машин, осуществляющих ряд или все последовательные процессы производства продукции.

Следовательно, если в начальный период своего возникновения машинная индустрия довершает разрыв уровней развития промышленности и сельского хозяйства, то на высшей стадии развития машинного производства, особенно на основе НТР, создаются материальные предпосылки нового, высшего синтеза — союза земледелия и промышленности.

Дальнейшее углубление разделения труда между промышленностью и сельским хозяйством путем все большего отпочковывания от сельского хозяйства ряда производственных операций по производству кормов, семян, переработке сельскохозяйственной продукции и ее реализации ведет к превращению сельского хозяйства в отрасль по производству сельскохозяйственного сырья. Неотъемлемую часть этого процесса составляет интенсификация (упрочение связей между промышленностью и сельским хозяйством, соразмерное развитие отраслей, производящих средства производ-

[6] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 95.

ства для сельского хозяйства и отраслей, осуществляющих хранение, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции).

На основе изменения условий и характера сельскохозяйственного труда под влиянием НТР происходит и трансформация отношений между городом и деревней.

Известно, что отношения между городом и деревней выражают отношения, которые складываются между членами общества, осуществляющими свою трудовую деятельность в области промышленности, с одной стороны, и в области сельского хозяйства, с другой. При этом помимо отношений непосредственного процесса производства, которые являются главными и решающими, система отношений между городом и деревней включает в себя также политические, юридические, идеологические и прочие отношения.

Специфика отношений между городом и деревней при капитализме состоит в том, что совокупность капиталистических отношений, которая складывается в деревне по мере их развития в городе, дополняется и осложняется отношениями по поводу земли между земельными собственниками, капиталистами-фермерами, сельскохозяйственными рабочими и крестьянами.

Превращение сельского хозяйства в отрасль, адекватную крупной машинной промышленности под влиянием НТР, сопровождается изменением роли и места монополии частной собственности на землю в системе капиталистических отношений между городом и деревней. Так, если в период возникновения капитализма видоизменение частной собственности на землю было направлено на приспособление аграрных отношений к условиям свободной конкуренции, то на нынешнем этапе развития — к условиям ГМК.

Развитие отношений между городом и деревней сопровождается обострением антагонистических противоречий капитализма, классовой борьбы, выступлений против господства монополий и финансового капитала. Реакционная, тормозящая роль частной собственности на землю достигает своего апогея, и потому все настоятельнее становится необходимость замены общественных отношений, при которых использование земли подчинено частным интересам, отношениями, соответствующими ее естественному происхождению, «...как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства постоянно сменяющих друг друга человеческих поколений...»[7].

ГЛАВА 6. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК СОЦИАЛИЗМА

В современных условиях, когда все больше ширится научно-техническая революция, особое значение приобретает исследование производственных отношений с учетом изменений, происходя-

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 377—378.

щих в производительных силах. Применительно к политико-экономическому анализу научно-технической революции в условиях капитализма это означает необходимость рассмотрения воздействия, которое оказывает научно-техническая революция на каждое производственное отношение; исследование новых экономических форм, которые она порождает; анализ системы противоречий капитализма в условиях научно-технической революции и социально-экономических границ этой революции при капитализме; а также рассмотрение перспектив, которые открывает научно-техническая революция для перехода к социализму. Один из главных вопросов последнего из названных направлений исследования научно-технической революции при капитализме состоит в выявлении ее воздействия на формирование материальных (экономических) предпосылок социализма.

При рассмотрении материальных предпосылок социализма обычно обращается внимание лишь на образование материально-вещественных предпосылок, на то, что создаваемое капитализмом машинное производство, обладая способностью к безграничному росту и повышению общественного характера процесса производства, приходит в противоречие с узостью цели капиталистического способа производства и тем самым требует революционного преобразования системы производственных отношений.

Данное положение приобретает в условиях научно-технической революции дополнительное звучание.

Эта революция (во всяком случае на современном этапе) происходит в рамках машинного производства и не отменяет генеральных тенденций его развития. Но она вместе с тем вызывает подлинный переворот в материально-вещественных факторах производительных сил. Отсюда следует, что научно-техническая революция не устраняет объективной тенденции капитализма к образованию материально-технических предпосылок социализма, а вносит в этот процесс качественно новые моменты.

При решении этой проблемы необходимо разграничивать два вопроса: во-первых, вопрос о возможности развития в рамках капитализма производительных сил до уровня, необходимого для победы социализма; и во-вторых, вопрос об обязательности внесения определенных изменений в материальную базу производства после свершения социалистической революции. Такие изменения имеют не только техническую, но и социально-экономическую сторону. Поэтому, как бы ни был высок технический уровень производительных сил, достигнутый в условиях капитализма, внесение после социалистической революции определенных изменений в материальную базу обязательно. Оно связано, в частности, с необходимостью обеспечения полной занятости, неуклонного роста благосостояния трудящихся.

Данное обстоятельство заставляет по-новому взглянуть на проблему формирования материально-технической базы социализма применительно к развитым капиталистическим странам. Эта база

представляет собой не просто крупное машинное производство, а такое его состояние, которое позволяет после революционных преобразований обеспечить полную занятость трудоспособного населения и направить общественное производство на повышение благосостояния народа. Применительно к развитым капиталистическим странам изменения, вносимые после социалистической революции в производительные силы, будут носить в основном структурный характер. Эти изменения будут направлены на приспособление имеющихся производительных сил к социалистическим производственным отношениям.

Во всех ныне существующих социалистических странах формирование материально-технической базы социализма носило черты индустриализации. Но это вовсе не означает, что так же будет обстоять дело во всех других странах, которые встанут на социалистический путь развития. «Так, в СССР, — пишет Л. И. Брежнев в статье «Исторический рубеж на пути к коммунизму», — задачу создания материально-технической базы, адекватной развитому социализму, пришлось решать уже после того, как были построены основы нового строя. Видимо, это общий путь для всех стран, начинающих осуществлять социалистические преобразования при слабом или среднем уровне развития экономики. В странах, которые к моменту победы социалистической революции уже будут располагать высокоразвитыми производительными силами, положение, конечно, во многом окажется иным» [1].

В условиях научно-технической революции возможности материального и духовного производства настолько расширились, что существование в развитых странах капитализма резких контрастов в материальной и духовной обеспеченности различных классов объясняется не состоянием производительных сил, а лишь существующим общественным устройством.

С точки зрения материально-технических предпосылок капитализм, следовательно, «перезрел» в смысле готовности для социалистических преобразований. В то же время было бы ошибкой сводить формирование материальных предпосылок социализма лишь к созданию капитализмом материально-вещественных условий для будущего способа производства.

При социализме субъектом хозяйствования является все общество, поэтому работник должен иметь здесь качественно новые свойства по сравнению с работником во всех предшествующих способах производства. «Промышленность же, которая ведется сообща и планомерно всем обществом, ...предполагает, — писал Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма», — людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства» [2].

---

[1] «Коммунист», 1977, № 17, с. 7.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 335.

Всестороннее развитие всех членов общества как цель производства становится реально осуществимой, когда она объективно обусловлена. А для этого потребность во всестороннем развитии людей должна сформироваться как на стороне непосредственного процесса производства, так и на стороне потребления. Переход к социализму, следовательно, предполагает возникновение соответствующих тенденций в отношении личного фактора производства.

Капитализм со времени своего возникновения и особенно после промышленного переворота вносит в рабочую силу изменения. Рост общественного характера процесса производства, неизбежный в условиях машинного производства, лишает работников местной ограниченности, расширяет их общественный кругозор и потребности, приучает к дисциплине труда. В том же направлении действуют и постоянные перевороты в производительных силах, свойственные машинному производству. Эти процессы многократно усиливаются и приобретают новые формы в условиях научно-технической революции. Она влечет за собой рост подвижности капитала и рабочей силы. В результате усиливается действие закона перемены труда, увеличивается территориальная подвижность населения. Но дело не только и не столько в этом.

В советской экономической литературе широко представлены результаты специальных исследований, раскрывающих на обильном фактическом материале воздействие научно-технической революции на рабочую силу, выявлены основные направления такого воздействия[3]. Отметим поэтому лишь наиболее важные моменты данной проблемы.

В условиях, когда в материально-вещественных факторах производительных сил совершается качественный скачок, предполагающий превращение материального производства в технологическое применение науки, происходит не просто резкое количественное возрастание требований, предъявляемых к рабочей силе, но и качественно меняется характер этих требований. Вместе с появлением массовой потребности в работниках с высокой специальной и общеобразовательной подготовкой, решающее значение приобретают такие свойства работника, как способность к выполнению высококвалифицированного труда, умению принимать решения в непредвиденной ситуации.

Однако было бы недостаточно констатировать все эти обстоятельства, сколь бы важными они не были сами по себе. Нужно осмыслить их политикоэкономически[4].

---

[3] Политическая экономия современного монополистического капитализма, ч. 1. М., «Мысль», 1975; Соединенные Штаты Америки. М., «Мысль», 1972; Япония. М., «Мысль», 1973; Волков Г. Н. Человек и научно-техническая революция. М., Политиздат, 1972; Васильчук Ю. А. Научно-техническая революция и противоречия развитого капитализма.— «Вопросы философии», 1976, № 1 и др.

[4] О «...необходимости выработки **системы взаимосвязанных критериев и терминов**, отражающих процесс развития рабочего класса капиталистических стран в условиях подготовки и реализации научно-технической революции...»,—

Наличие качественных изменений в рабочей силе, происходящих под воздействием научно-технической революции, бесспорно. Однако ряд авторов считали и считают, что и в этих условиях при характеристике производительных сил можно ограничиться в основном выяснением тех изменений, которые совершаются в материально-вещественных факторах производительных сил. Другие же исследователи начали приходить к выводу, что переворот в производительных силах, вызываемый научно-технической революцией, захватывает прежде всего рабочую силу, что именно последняя в отличие от предшествующих этапов развития становится исходным пунктом переворота в производительных силах.

Думается, что и та, и другая позиция односторонне отражают реальный процесс. Марксизм всегда исходил из того, что наиболее подвижным и основополагающим элементом производительных сил являются материально-вещественные факторы производства (средства и технология производства). Состояние последних предопределяет характер требований, предъявляемых к работнику, его функциям и месту в процессе труда. Это положение остается справедливым и для условий научно-технической революции, но при этом во взаимодействии материально-вещественных и личных факторов производства возникают принципиально новые моменты.

Если все предшествующие перевороты в производительных силах, в большей или меньшей степени изменяя положение работника в производственном процессе, оставляли его внутри данного процесса, то научно-техническая революция ставит работника рядом с производственным процессом. Кроме того, в условиях научно-технической революции **обратное** воздействие личного фактора на материально-вещественные факторы производительных сил усиливается. По мере превращения производства в технологическое применение науки, возможность непосредственного воздействия человеческого знания на состояние материально-вещественных факторов производства резко расширяется. В этом же направлении действует рост общеобразовательной и специальной подготовки работников.

Такая рабочая сила не вписывается в производство, в котором существуют элементарные и ручные виды труда, требующие больших физических затрат, вредные для здоровья и неэстетические условия труда и т. д. Сложность в обеспечении таких производственных процессов рабочей силой оказывает давление на те отрасли, которые еще не охвачены научно-технической революцией, ускоряя их техническую реконструкцию.

Все это свидетельствует о том, что переворот в материально-вещественных факторах производительных сил в известном смысле

писал Ю. А. Васильчук («Вопросы философии», 1969, № 1, с. 11). Точнее, видимо, было бы сказать о развитии марксовой теории наемного труда применительно к условиям научно-технической революции. Одним из главных вопросов должен быть при этом вопрос о влиянии последней на формирование предпосылок социализма на стороне рабочей силы.

является не только основой, но и следствием качественных изменений в рабочей силе. Качественный скачок в производительных силах, вызываемый научно-технической революцией, нельзя понять, если технику рассматривать автономно, в отрыве от рабочей силы, если не иметь в виду тех качественных изменений, которые происходят в последней. А следовательно, нельзя достаточно полно понять и то новое, что вносится научно-технической революцией в формирование материальных (экономических) предпосылок социализма.

Объективная потребность в разностороннем развитии трудящихся, создаваемая научно-технической революцией, находится во все углубляющемся конфликте с социально-экономической природой капиталистических отношений. В этом состоит одна из главных причин того, что хотя капитализм имеет и будет иметь отдельные успехи в осуществлении научно-технической революции, в полной мере ее реализовать он не в состоянии. Для этого необходим иной социальный строй, который, ставя производство на службу всестороннего развития всех членов общества, открывает тем самым дорогу для органического соединения достижений научно-технической революции с системой производственных отношений социализма.

Вместе с тем усиление интеллектуальных элементов в труде, рост общеобразовательного уровня, повышение потребностей и универсализация трудящихся подготавливают их к восприятию такого характера труда, который является обязательным для создания нового типа работника, способного ориентироваться во всей системе общественного производства.

Научно-техническая революция ускоряет обобществление производства и порождает новые его формы (в частности, новые формы монополий). На этой основе элементы планомерности, не отменяя господствующей роли и всеобщности товарной системы хозяйствования, становятся важной составной частью воспроизводственного механизма. С одной стороны, без учета научно-технической революции нельзя объяснить, почему «государственное вмешательство превратилось из чрезвычайного средства, каким оно было раньше, в органическую часть механизма капиталистического производства»[5], почему возникла и получила развитие такая новая форма участия государства в экономике, как программирование; почему видоизменились задачи государственного вмешательства в экономику (если в 30-х годах оно носило в основном антикризисный характер и было направлено на устранение уже сложившихся диспропорций, то в послевоенные годы оно используется для попыток предотвращения появления в производстве серьезных диспропорций). Без учета НТР нельзя, одним словом, объяснить, почему в ряде капиталистических стран сложилась высокоразвитая государственно-монополистическая экономика.

---

[5] «Коммунист», 1974, № 2, с. 10—11.

С другой стороны, осуществление в рамках капитализма научно-технической революции было бы невозможно, если бы не сложились развитые формы государственно-монополистического капитализма.

Экономический кризис, охвативший в середине 70-х гг. практически все развитые капиталистические страны и ряд развивающихся стран и представляющий собой переплетение кризиса перепроизводства с кризисом энергетическим, сырьевым, продовольственным, валютным, является в то же время кризисом государственно-монополистического регулирования экономики, ярким свидетельством неспособности последнего преодолеть противоречия капитализма. На данное обстоятельство было обращено особое внимание на XXV съезде КПСС.

Вместе с тем на XXV съезде КПСС было подчеркнуто, что «коммунисты далеки от того, чтобы предрекать «автоматический крах» капитализма. У него есть еще немалые резервы»[6].

Представляется, было бы ошибкой думать, что кризис государственно-монополистического регулирования означает якобы возможность отказа от такого регулирования. Это не конъюнктурное явление, оно имеет глубокие объективные корни. При наличии современных производительных сил для капитализма нет иных путей для борьбы с кризисами кроме дальнейшего развертывания монополистического и государственно-монополистического регулирования экономики.

На основе научно-технической революции значительное развитие получают также интернациональные формы обобществления производства (международные монополии нового типа, межгосударственное регулирование внешнеэкономических связей, экономическая интеграция). Формируется экономический механизм совместного регулирования мирохозяйственных процессов. А это означает, что элементы планомерности проникли в сферу экономических отношений между капиталистическими странами и играют в осуществлении этих отношений значительную роль.

В результате всех этих процессов в международных отношениях капиталистических стран происходит дальнейшее нарастание противоречий. Переплетение национальных экономик используется одними странами для получения односторонних выгод за счет других стран.

Усложнение и обострение противоречий в сфере международных экономических отношений свидетельствует о том, что необходимость перехода к новому типу отношений в данной сфере становится все более настоятельной. Материальную основу этих отношений создает интернационализация производительных сил.

Развитие интернациональных форм обобществления производства, открывая дополнительные перспективы для перехода к социализму, вместе с тем порождает новые для такого перехода

---

[6] Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 29.

проблемы. Последнее связано, в частности, с тем, что интернационализация производства расширяет возможности для экономического давления на страны, которые пытаются встать на путь революционных преобразований (в таких случаях в ход пускается и сокращение заказов или закрытие предприятий, находящихся в данной стране, но принадлежащих международным монополиям; и прекращение поставок по международной кооперации, кредита, займов и т. д.). Международное революционное движение не может не учитывать данного обстоятельства, предполагающего усиление взаимосвязи и координации действий национальных отрядов этого движения.

Итак, формирование материальных (экономических) предпосылок социализма в недрах капитализма имеет длительную историю. В условиях научно-технической революции оно ускоряется, достигает нового уровня благодаря росту общественного характера процесса производства. Переход к социализму становится как никогда настоятельным.

В обширной литературе, посвященной анализу новых явлений, возникающих в развитых капиталистических странах под воздействием научно-технической революции, эти явления редко еще рассматриваются с точки зрения формирования материальных предпосылок социализма, что, несомненно, обедняет наши представления о формах перехода к социализму. Необходима концентрация усилий политико-экономов на решении этих проблем с тем, чтобы повысить международную значимость теории перехода к социализму, содействовать разоблачению буржуазных и ревизионистских представлений о перспективах капитализма в условиях научно-технической революции.

Раздел II.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАЗВИТИЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

ГЛАВА 1. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В условиях второй половины XX в. нет ни одной закономерности развития современного капитализма, которая не испытала бы на себе влияния научно-технической революции. Исходя из этой теоретической посылки, рассмотрим, как проявляется закономерность монополистической конкуренции в условиях научно-технической революции, как она модифицируется, видоизменяется, влияет на развитие новой отраслевой структуры капиталистической экономики, на ее регулирование в рамках экономики национальных государственных автономий монополистического капитала и, наконец, как сказывается монополистическая конкуренция на характере современной борьбы империалистических группировок за господство на мировом рынке.

Эти проблемы имеют важное методологическое и практическое значение. Необходимо выяснить роль конкуренции как двигателя развития производительных сил в условиях современного капитализма и установить в то же время, в какой мере монополистическая конкуренция связана с процессами загнивания экономики капитализма, торможения развития его производительных сил, их уродливого развития, расточительства природных ресурсов, которые свойственны капитализму.

Кроме того, такой анализ позволяет установить, в какой мере научно-техническая революция в условиях капитализма обеспечивает создание материальных предпосылок адекватных социализму. Наконец, анализ сущности монополистической конкуренции вооружает нас убедительными аргументами в идеологической борьбе с апологетами так называемого «свободного мира».

Рассмотрим прежде всего вопрос о том, какое значение имеет механизм монополистической конкуренции для развития научно-технической революции и как он с ней связан. Известно, что когда экономика капитализма была менее динамичной, конкуренция велась, главным образом, в рамках традиционных отраслей. В рамках этих отраслей создавались специализированные монополии. Интеграция производства шла главным образом по горизонтали.

Затем развернулась вертикальная интеграция и все большее значение приобрели формы межотраслевой конкуренции, появились монополии более дифференцированные. В период, предшествующий НТР, монополистическая конкуренция была связана главным образом с борьбой за уже существующие рынки. Конечно, новые отрасли все время развивались, но это не было результатом целеустремленных усилий отдельных монополий или программ развития, поддерживаемых государством. Складывание новых отраслей происходило на основе действия стихийных сил капиталистического рынка.

Научно-техническая революция внесла новое качество в механизм монополистической конкуренции. Сама конкуренция в значительной мере ведется на базе создания новых монополистических рынков за счет производства новых товаров. В связи с этим производство стало черзвычайно динамичным. Новые формы монополистической конкуренции явились одним из факторов ускорения темпов роста капиталистической экономики. В 50-х и 60-х годах у идеологов капитализма возникли даже иллюзии, что НТР позволяет найти решение проблемы расширенного воспроизводства, избавления его от кризисных спадов. Им казалось, что проблема реализации теперь может быть, наконец-то, решена капитализмом. Если нет рынка, его можно создать. Для этого существует индустрия изобретений, система маркетинга, административно-управляемые или, иначе говоря, монопольные цены, которые утверждаются при ее помощи для новой, ранее не существовавшей продукции. Система монопольных цен обеспечивает прибыль тем корпорациям, которые создают новый рынок, а это позволяет им покрывать убытки, связанные с созданием новой техники.

Не случайно, в условиях НТР родилась такая новая форма монополистической концентрации, как конгломераты. В последние годы у нас была проведена дискуссия о конгломератах. Ряд исследователей считали, что образование конгломератов стимулировалось финансовыми спекуляциями, связанными с повышением курсов акций. Основанием для такого довода служит то обстоятельство, что конгломераты включают в свою орбиту отрасли, которые нередко не имеют никакой технологической связи между собой. Казалось, что возникновение на базе финансовых спекуляций конгломератов явление преходящее, конъюнктурное, и скоро мода на образование монополий такого типа пройдет. Однако известно, что многие конгломераты выдержали испытание временем, а все большая часть старых корпораций преобразуется по образцу конгломератов.

В чем причина такой живучести конгломератов? Главное, что этому содействует, — это их эффективность, основанная на использовании достижений НТР. Сердцевину конгломератов образуют научно-исследовательские и опытно-конструкторские центры, обеспечивающие создание новых товаров. Кроме того, они реализуют возможности современной кибернетики, которые обеспечивают эф-

фективное управление крупнейшими производственными комплексами. По имеющимся оценкам производительность труда в них повышается на одну пятую только за счет усовершенствования и упорядочения самой системы управления.

Конгломераты стали базой образования крупнейших транснациональных корпораций, которые в значительной мере вышли из-под контроля национальной системы государственно-монополистического регулирования.

Относительная финансовая устойчивость конгломератов объясняется тем, что они объединяют предприятия с разными циклами оборотов капитала. Поэтому они могут за счет предприятий с более быстрым циклом оборота капитала финансировать предприятия, рассчитанные на более длительный срок оборота, временно менее доходные и даже убыточные. За счет своих внутренних резервов они могут финансировать научно-исследовательские работы, которые всегда связаны с риском. Наконец, гигантские конгломераты ведут производство в таких масштабах, что государство не может позволить им обанкротиться, ибо банкротство такого конгломерата вызовет потрясение в рамках всей национальной экономики. Это обеспечивает им большие возможности получать кредиты от банков, гарантируемые государством, а также прямые государственные субсидии. В настоящее время большинство крупных корпораций становятся конгломератами. В основе такой тенденции лежит закономерность концентрации капиталистического производства, развитие более высоких форм капиталистического обобществления производства. В рамках крупных конгломератов происходит дальнейшее слияние не только промышленного капитала с банковским, но и того и другого — с торговым капиталом. Они охватывают все три формы кругооборота капитала, чтобы обеспечить относительно автономное функционирование своих хозяйственных империй. Система маркетинга обеспечивает создание экспериментального рынка, на котором вначале осуществляется испытание для производства мелких серий товаров, а затем постепенное перерастание в массовые рынки для крупносерийного производства.

На примере конгломератов особенно отчетливо прослеживается свойственное капитализму противоречие между организацией производства в рамках отдельной фирмы и усилением анархии во всем обществе.

Крупнейшие конгломераты в большинстве своем переросли рамки национальных государств и превратились в транснациональные корпорации. Ареной их экспансии стал мировой рынок не только товаров, но и капитала. Огромные финансовые ресурсы они используют для краткосрочных капиталовложений, перебрасывая их из страны в страну в зависимости от складывающейся в данной стране конъюнктуры. Транснациональные корпорации уходят из-под контроля государства, становятся самостоятельной силой, которая увеличивает анархию в масштабе всего мирового капиталистического хозяйства.

Поэтому существование конгломератов, усиливающих своей деятельностью нарастающие процессы анархии в мировом капиталистическом хозяйстве, стало проблемой, от которой зависят для капитализма его позиции в соревновании с социализмом. Вот почему в ООН рядом правительств капиталистических стран поставлен вопрос об изучении деятельности транснациональных корпораций, о том, чтобы поставить их в определенные границы.

Особенно большие опасности порождают транснациональные корпорации для развивающихся стран. Теперь империалистическое государство может не объявлять блокаду той или иной развивающейся стране с целью подрыва ее экономики. Это могут сделать транснациональные корпорации, изымая из данной страны, свои инвестиции. Они могут нанести экономике страны, ставшей на путь социального прогресса, более серьезный удар, чем официально объявленная блокада.

Современная монополистическая конкуренция порождает новые формы загнивания в развитых странах капитализма. В чем это конкретно проявляется?

Во-первых, она ведет к огромному возрастанию государственного рынка военных заказов. Этот рынок обеспечивает крупнейшим корпорациям возможность сбывать товары по ценам, которые не подлежат контролю. Создается необычная ситуация, противоречащая логике капиталистической конкуренции. Чем выше цены на изготовление военной продукции, чем выше издержки производства в этой области, тем это выгоднее и для корпораций, занятых производством вооружения, и для государственных чиновников, связанных с заключением контрактов. Рынок государственных заказов не только в военных, но и в гражданских отраслях усиливает коррупцию многих звеньев буржуазного правительства. Не случайно наблюдается непрерывный рост цен почти на все виды продукции, осуществляемые по государственным заказам. Вот почему современная монополистическая конкуренция привела к изменению хода циклического кризиса, в котором обнаружились ранее не существовавшие закономерности. Кризисы служили средством сбивать цены, а современные кризисы не сбивают цены, продолжается инфляция не только за счет увеличения платежных средств, выпускаемых государством в результате инфляционной политики, но и в результате взвинчивания цен монополиями. Характерно, что если в восходящей фазе цикла крупные корпорации применяли метод снижения цен, чтобы увеличить сбыт продукции, то в условиях кризиса, когда масса прибыли может быть наиболее эффективно увеличена за счет повышения цен, они начинали взвинчивать цены, затрудняя выход всей экономики из состояния кризиса.

Законы монополистической конкуренции ведут к усилению процессов загнивания во всей системе капитализма. Эти новые формы загнивания должны быть тщательно проанализированы. Анализ этих форм показывает, что страны развитого капитализма непосредственно не подготавливают адекватную социализму матери-

ально-техническую базу. Многие возможности НТР в них не реализуются. При этом следует иметь в виду, что научно-техническая революция находится только в начале. На рельсы научно-технической революции в развитых странах капитализма пока переведена лишь незначительная часть предприятий.

Крупнейшие корпорации включают в свою орбиту большое количество мелких предприятий, которые сохраняются в качестве мелких, чтобы, создавая диверсифицированное крупное производство, делать более узкоспециализированным мелкое производство.

Реальное подчинение мелких предприятий крупным корпорациям благодаря этому еще больше усиливается, все издержки кризиса падают на эти предприятия. Недаром наблюдается массовое банкротство таких предприятий.

Однако при этом нельзя упускать из вида определенные объективные прогрессивные моменты в разделении труда между крупными и мелкими предприятиями. Наиболее живучими оказались мелкие и средние предприятия, которые перевооружены крупными корпорациями в соответствии с прогрессивными техническими нормативами. Поэтому в ряде случаев конкуренция крупных и мелких предприятий обнаруживает объективно прогрессивные тенденции не только на стороне крупных, но иногда и на стороне мелких предприятий.

Тенденции загнивания экономики развитых стран капитализма отчетливо проявляются в структуре так называемого «общества потребления». Теперь становится все более очевидным, что теория «общества потребления» представляла собой социальный маневр, предназначенный для того, чтобы создать наилучшие условия для накопления капитала под видом заботы о покупателе и о потребителе.

Характерной чертой «общества потребления» является производство огромного количества ненужных и вредных для общества товаров. Крупные корпорации, производящие товары долговременного пользования, вовсе не заинтересованы в том, чтобы они долго служили потребителю. Они заинтересованы в быстром техническом и моральном устарении таких товаров. Благодаря такому запрограммированному износу происходит лишенная всякой рациональной основы быстрая смена модели автомобиля, так же как и массы других предметов долговременного пользования. Ремонт их искусственно делается невыгодным, нерентабельным. Расточительность «общества потребления» определяют закономерности монополистической конкуренции, связанные со стремлением максимально увеличить оборот капитала, массы основного и оборотного капиталов. Одним из результатов этой расточительности явился кризис больших городов, который приобрел характер социально-политического кризиса.

«Общество потребления» стало задыхаться в горах мусора. Требование оздоровления окружающей среды выдвинули трудя-

щиеся массы, которые не хотят жить в отравленных газами городах, не хотят быть жертвами капиталистической автомобильной цивилизации, делающей большие города необитаемыми.

Под натиском трудящихся намечаются долгосрочные планы реконструкции городов, где предусматриваются прогрессивные изменения, восстанавливающие окружающую среду.

Конечно, к таким тенденциям мы должны внимательно присматриваться и их учитывать.

Кроме того, НТР, усиливая технологическую безработицу, необходимостью в течение жизни 3—4 раза менять свою профессию, породила требования трудящихся обеспечить соответствующую систему образования.

Рабочий класс укрепляет свои позиции не только как главная производительная сила общества, но и как его основная социальная сила. Он хочет, чтобы ему были предоставлены условия, достойные человеческого существования. Он восстает против растленной культуры, рассчитанной на мещанские вкусы общества потребителей, а не на высокие духовные запросы общества созидателей.

Кризис «общества потребления» доказывает, насколько монополистическая конкуренция неспособна обеспечить создание адекватной социализму материально-технической базы и в какой мере классовая борьба против его устоев отражет социалистические устремления рабочего класса, которые вынуждают капитализм осуществлять некоторые объективно прогрессивные буржуазно-демократические реформы. Благодаря росту социализма и мощи рабочего движения главной формой противоборства двух систем становится экономическое соревнование социализма с развитыми странами капитализма на базе научно-технической революции, путем соединения преимуществ социализма с достижениями научно-технической революции.

В этой области социализм обладает огромными преимуществами. И капитализм не может этому ничего противопоставить, ибо он лишен возвышенных целей. Это загнивающая система ориентирует трудящихся на то, чтобы ограничивать свои интересы идеалом мещанского благополучия, строго подчиняясь авторитарной менеджеристской системе, где не работают принципы обратной связи, где существуют только функциональные связи, учитывающие рыночную конъюнктуру.

Монополистическая конкуренция особенно наглядно выявляет противоречия капитализма как высшей формы товарного хозяйства, в котором рабочая сила функционирует как товар, приносящий прибавочную стоимость. В то же время закон прибавочной стоимости неизменно выявляет себя как экономическая основа классовой борьбы, принимающей антагонистические формы, несмотря на все усилия государственно-монополистического регулирования отношений между капиталом и трудом.

ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СОВРЕМЕННУЮ МОНОПОЛИЮ

Политическая экономия изучает производительные силы и их движение в той мере, в какой они получают отражение в производственных отношениях, т. е. в опосредованной форме. Поэтому не сама научно-техническая революция как конкретный способ развития производительных сил, а изменения в формах экономических отношений, вызываемые ею, являются предметом политической экономии. Диалектика экономических форм выступает при этом как движение, отражающее в конечном счете развитие производительных сил. Так, под воздействием сдвигов в техническом базисе современного капиталистического производства видоизменяются формы капитала: эволюционирует внутренняя структура монополистических объединений, внешние формы их поведения, возникают новые способы воздействия монополий и государства на капиталистический хозяйственный механизм; новые черты приобретают отношения труда и капитала по мере вовлечения в капиталистическую эксплуатацию различных сторон человеческой личности; кардинальные изменения происходят в механизме капиталистического цикла, в формах денежного обращения и т. д. Здесь пришлось бы перечислить все категории политической экономии капитализма.

В ходе политико-экономического исследования научно-технической революции новые формы отношений должны рассматриваться не как внешняя «прибавка» новых признаков, а как этап в развитии системы отношений и ее элементов, результат движения ее внутренних противоречий, импульс к развитию которых дает революция в техническом базисе.

Анализ научно-технической революции должен учитывать еще один важный момент. К. Маркс указывал, что капиталистическая промышленность никогда не рассматривает существующую форму производственного процесса как окончательную. В силу этого ее технический базис революционен. «Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда»[1]. Она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества, обусловливая тем самым перемену труда, изменение функций и всестороннюю подвижность рабочего. Следовательно, научно-техническая революция является *продолжением* процесса, свойственного капиталистической промышленности, непрерывно революционизирующей свой технический базис. Политико-экономический анализ должен показать связь научно-технической революции с общими закономерностями развития производительных сил, а также выделить специфические особенности

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 498.

революционных сдвигов в производительных силах в современный период. Такой подход дает основу для критики буржуазных представлений о научно-технической революции как о процессе, изменяющем якобы природу буржуазного общества.

Видоизменения общественных форм под воздействием научно-технической революции проявляются, в частности, в эволюции современных форм монополистического капитала.

Особенность политико-экономического анализа К. Марксом развития технического базиса капиталистического производства и его общественной оболочки состоит в том, что этот процесс рассматривается им как двойственный. С одной стороны, совершенствование технического базиса развивает общественную природу труда. Объединение труда в кооперации, разделение его функций в мануфактуре, дальнейшее разделение труда и образование совокупного рабочего на фабрике — все это есть этапы развития общественного труда, благодаря которому в действие каждый раз приводится новая производительная сила.

С другой стороны, развитие производительных сил общественного труда происходит в рамках производства, организованного капиталом. Охваченные капиталистической формой, эти производительные силы выступают поэтому как принадлежащие самому капиталу, присваиваются и эксплуатируются им как способы производства прибавочной стоимости.

При анализе научно-технической революции, ее отражения в капиталистических формах, следует раскрывать эту двойственность.

Рассмотрим с этой точки зрения эволюцию капитала под влиянием развития технического базиса вообще и научно-технической революции, в частности.

Созданная капиталом система машин и затем развившиеся из нее средства массового производства были порождены потребностями и стали возможными лишь в условиях крупного производства. По мере развития средств и приемов поточного производства рамки капиталистического предприятия оказывались тесными для новых средств труда. Отсюда возникает необходимость быстрой концентрации капитала, объединения мелких капиталов, что дает возможность вести производство в крупных масштабах. Эту задачу решали акционерные общества.

Однако новые элементы производительных сил, которым на первых порах удовлетворяло простое количественное увеличение размеров капитала, на определенном этапе стали требовать изменения его формы. Массовое производство, рассчитанное на массовый рынок сбыта и в свою очередь связанное с сотнями тысяч поставщиков (то есть являющееся массовым потребителем), может функционировать наиболее рациональным (с капиталистической точки зрения) образом лишь при обеспечении стабильных связей как на «входе», так и на «выходе» системы (хозяйственной единицы). Такую стабильность дает только регулирование «окружающей среды» со стороны капитала. Отношения свободной конкуренции

на данном уровне производства уже не могут обеспечить бесперебойный приток ни факторов производства, ни источников накопления. Целенаправленное и планомерное регулирование общественного производства стало объективной необходимостью, диктуемой состоянием производительных сил. В рамках капитализма эта объективная необходимость принимает форму монополизации производства: основанное на подрыве свободной конкуренции регулирование производства и рынка со стороны крупнейших капиталов реализуется как форма его господства.

Монополистическая форма капитала не остается неизменной и совершает определенную эволюцию под действием развивающегося технического базиса производства.

«Совершенствование» (в капиталистическом смысле) монополистической формы капитала получило новый значительный импульс в условиях научно-технической революции. Оно выразилось в превращении монополий в обширные многоотраслевые, межрегиональные и международные комплексы.

Созданные в ходе научно-технической революции современные средства производства (автоматические линии, электронно-вычислительная техника, технологические процессы с непрерывным циклом, новые виды энергии и т. п.) могут быть эффективны лишь при обслуживании огромного круга потребляющих единиц. Можно сказать, что употребление современных средств труда и рабочей силы в рамках крупномасштабных промышленных объединений является технической необходимостью, диктуемой природой самих производительных сил. Это, кстати, объясняет существование колоссального разрыва в техническом базисе крупнейших монополистических объединений и более мелких капиталов.

Дальнейшее развитие обобществления производства в ходе НТР получает выражение также в совершенствовании методов управления крупнейших фирм. Применение современных методов прогноза на основе аналитического моделирования, методов сетевого планирования и т. п. получило адекватное «средство производства» в виде ЭВМ. Последнее способствовало развитию внутрифирменных связей, так как значительно расширило (чисто технически) возможности задавать всей управляемой из единого центра системе-монополии оптимальный режим работы. В результате развития планомерных связей внутри монополии и при наличии внешних регулируемых отношений уменьшаются потери в каналах обращения, неизбежные в условиях стихийных отношений. Монополия может более или менее точно учитывать производственные ресурсы, состояние и возможность рынка и, как следствие этого, осуществлять выбор таких пропорций, которые при имеющихся условиях производства и спроса обеспечивают максимальную отдачу производства. По подсчетам американских экономистов увеличение отдачи производственного аппарата вследствие совершенствования системы управления (без изменения других факторов

производства) составляет 30—50% прироста стоимости производимой продукции. Для мелких и средних фирм эффект этого фактора много скромнее — 10—15%.

Особая «производительность» монополистического капитала, выдаваемая буржуазными теоретиками за свойство самой «корпорационной» формы, объясняется тем, что капитал, по выражению К. Маркса, «гонит вперед труд» в его наиболее развитых общественных формах и потому особенно производительный. Монополистический капитал, следовательно, усиливает эксплуатацию не только индивидуального труда, но использует и более высокую производительность общественно организованного труда совокупного рабочего, эффект более рациональных «общественных сочетаний труда» (по выражению К. Маркса). Тем самым монополия эксплуатирует фактически новую производительную силу, возникающую из планомерной организации труда на новой ступени его обобществления. Поскольку эффект этой эксплуатации получен в рамках монополии, он кажется принадлежащим самой монополистической форме. Это впечатление усугубляется (для буржуазного взгляда) тем, что средства производства, обеспечивающие этот высокий уровень производительности обобществленного труда, в силу их высокой стоимости и особых условий эксплуатации (необходимость массового производства и сбыта и пр.) недоступны другим, более мелким капиталам.

Монополия пользуется прогрессом общественного труда как собственным достоянием и экономическим преимуществом перед немонополистическими формами производства, превращая его в источник особенно высокого дохода.

Следовательно, монополия паразитирует на достижениях научно-технической революции. Развитие монополистической формы выступает как адаптация капитала к новым условиям, в которых реализуется основной мотив существования монополий — монопольно-высокая прибыль.

Монополистическая форма производства, возникшая как реакция общественных отношений на изменения в производительных силах, в свою очередь оказывает влияние на дальнейшее развитие производительных сил. Концентрация в руках монополий материальных, финансовых и людских ресурсов способствовала развитию средств массового производства. В ходе этого развития достигается такой уровень, когда использование подобных средств труда и организация соответствующих производственных процессов становится невозможной в рамках индивидуального капитала, каких бы гигантских размеров он ни достигал и как бы ни было велико его регулирующее влияние. Так, аэрокосмические исследования могут проводиться лишь при централизованной организации их государством, разработка и внедрение некоторых транспортных средств (например, сверхзвуковых самолетов) также требует государственной организации и финансирования. За рамки частного капитала выходит эксплуатация энергоресурсов и т. д.

Пожалуй, наиболее ярким примером перерастания современных производительных сил рамок капиталистической собственности в ее высшей форме в ходе научно-технической революции является судьба одного из самых характерных ее созданий — электронно-вычислительных машин. Появившиеся первоначально в военной технике, ЭВМ вскоре нашли себе применение и в гражданском промышленном производстве. Их внедрение в производство было вызвано потребностями крупнейших монополистических корпораций. В деятельности последних обнаружилось (хронологически примерно к концу 40-х гг.) резкое несоответствие между объективной потребностью монополии регулировать и контролировать свое внутреннее производство и внешние связи и технической невозможностью осуществления такого контроля в полной мере и оперативно. Гигантски выросшие размеры производства в рамках монополий вызвали необходимость обобщения огромного потока внутренней и внешней информации, без чего сам контроль многозвенного производства и обширного внешнего рынка становился невозможным. Экономическая реализация монополии, как таковой, требовала новых форм управления. Эта проблема решалась введением ЭВМ. Контроль над производством и рынком как важнейшая сущностная сторона монополистического господства получила, таким образом, свое адекватное средство производства[2].

Однако рентабельное применение современных ЭВМ часто невозможно в отдельных, даже крупнейших корпорациях. Это одна из причин широкого распространения практики аренды машинного времени ЭВМ отдельными корпорациями[3]. Современная электронно-вычислительная техника не умещается в рамки частного капитала, она создает объективную (в том числе, и чисто техническую) возможность и необходимость общественного управления производительными силами.

Технический базис капитализма, таким образом, проходит диалектическую спираль: в своих первоначальных формах кооперации и мануфактуры капиталистический способ производства не имел адекватной материальной технической базы и основывался на архаической ремесленной технике; зрелый капитализм находит себе адекватный технический базис с появлением машин и началом производства машин машинами; современный капитализм в его перезрелой стадии снова имеет в своем базисе элементы неадекватной основы — гигантская техника, основанная на новейших научных

---

[2] Насколько использование ЭВМ в управлении соответствовало общей цели монополии, свидетельствует следующий факт. После введения электронно-счетных машин в систему управления чикагской компании «Белл энд Говелл» ее прибыли увеличились только за счет этого фактора в 10 раз, и она вошла в четвертую сотню промышленных корпораций США.

[3] Интересно, что машинное время само стало объектом монополизации. По данным «Fortune» корпорация «Дженерал Электрик» контролирует в настоящее время 70% всего машинного времени ЭВМ. Существуют прогнозы, по которым через 20 лет в США не будет частного использования ЭВМ.

достижениях, применимая лишь при широкой производственной межхозяйственной и межотраслевой кооперации, не умещается в рамки частной капиталистической собственности даже в ее монополистической форме и требует общественных форм производства.

Несоответствие монополистической формы производства своему собственному техническому базису получает внешнее выражение в том, что монополия становится тормозом в развитии самого базиса.

Эта тормозящая роль обнаруживается в различных отношениях. Во-первых, монополия прямо препятствует развитию новой техники тем, что часто не внедряет в производство уже имеющиеся научные и технические новшества. Во-вторых, монополия препятствует развитию общественного производства, поскольку она мешает распространению достижений научно-технической революции и допуску к ним других участников общественного капитала. В-третьих, поскольку монополии концентрируют в своих руках подавляющую часть условий научно-технического развития (лаборатории, кадры, финансовые ресурсы и т. п.), постольку само направление развития производительных сил определяется не общественными потребностями, а собственным интересом монополистического капитала. В результате технический базис несет на себе печать паразитических черт производственных отношений империализма. Наиболее ярко это проявляется в том, что большинство важнейших научно-технических открытий связано с военным производством и предназначено для удовлетворения военных целей[4]. В значительной степени НТР в гражданском производстве является побочным продуктом научно-технической революции в производстве военной техники и его организации.

Эволюция монополистической формы капитала отражает также сдвиги в разделении труда как внутри хозяйственной единицы, так и в обществе в целом, происходящие под влиянием научно-технической революции.

К. Маркс подчеркивал существенное различие двух типов разделения труда: внутри мастерской (фабрики) и внутри общества. Связь между независимыми производствами в обществе осуществляется в виде товарных отношений. Напротив, частичный рабочий в мастерской не производит товара. Разделение труда внутри общества опосредуется куплей и продажей товаров, оно основано на раздробленности средств производства между отдельными обособленными товаропроизводителями. На фабрике же само разделение труда основано на концентрации производства, здесь нет обособленности частичных рабочих и действует железный закон строго определенных технико-экономических пропорций.

---

[4] Около 90% общей суммы расходов федерального правительства США и частных компаний за период 1940—1967 гг. было направлено на военные и связанные с ними атомные и космические исследования.

Монополистический капитал видоизменяет это «распределение ролей». С одной стороны, монополистическое регулирование подрывает обособленность, свободную конкуренцию и независимость капиталистов-товаропроизводителей в обществе. Тем самым этим отношениям придается в той или иной степени характер регулируемых, не товарных в прежнем смысле отношений. С другой стороны, внутрифирменные отношения монополий охватывают обширные сферы общественного производства, включающие и межотраслевые перемещения капитала. Установление этих отношений (а следовательно, и пропорций в производстве) предполагает учет (и он осуществляется в порядке плановой деятельности) элементов общественного рыночного спроса: текущее состояние рыночной конъюнктуры, возможные изменения факторов спроса — поведение конкурентов, динамику доходов, возможный прирост населения, тенденции в изменении потребностей и т. п. Следовательно, установившиеся таким путем пропорции производства внутри корпорации определены не только чисто технико-экономическими критериями, но содержат в себе элементы общественно-экономических оценок. Разделение труда внутри монополистической хозяйственной единицы приобретает, таким образом, некоторые свойства разделения труда в обществе.

Подобные сдвиги в разделении труда на всех уровнях превращают монополию (особенно в ее современных формах) в элемент, подрывающий основные связи капиталистической системы. Учет и использование рыночных оценок во внутри корпорационном планировании и (в частности, например, калькуляция издержек с учетом недогрузки производственного аппарата) делают корпорацию нечувствительной в определенном диапазоне к изменению рыночной ситуации. Роль своеобразного буфера в отношении влияния рыночной конъюнктуры на капиталовложения выполняет практика самофинансирования в крупных монополистических фирмах и т. п. Иными словами, в результате изменений в характере разделения труда связь между общественной потребностью и общественным производством в определенном смысле становится более косвенной, чем в условиях стихийной экономики. Причем роль дополнительного посредствующего звена выполняет «планомерная» деятельность монополистического капитала. Монополия в некоторых пределах противостоит «естественному отбору», который обеспечивался раньше свободной конкуренцией. Тем самым, монополия способствует сохранению устаревших и неэффективных производств, а потому, выступает как фактор диспропорций и загнивания капиталистической системы.

Контроль рынка ослабляется на разных уровнях экономических отношений. Монополия подрывает механизм складывания пропорций производства соответствующих пропорциям потребностей, что раньше достигалось итеративным приближением в процессе стихийной конкуренции. В результате возникают колоссальные диспропорции и растраты общественных ресурсов. Одним из

наиболее ярких примеров вызванных монополией диспропорций в масштабе всего общественного производства являются события энергетического кризиса 70-х гг.

Качественные сдвиги в разделении труда на разных уровнях, развитие технического базиса подготавливают материальные предпосылки нового общественного строя: они вызывают необходимость включения созданных в рамках монополий производственных объединений в единую систему планового хозяйства.

Капитализм, пытаясь ослабить острейшие противоречия, порожденные самим существованием в его недрах такой необходимости, вынужден прибегать к крайней капиталистической мере — государственно-монополистическому регулированию.

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ КОНЦЕНТРАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Капиталистическое обобществление производства под воздействием научно-технической революции за последние 10—15 лет достигло невиданного уровня. Об этом свидетельствуют такие явления, как интенсивный рост монополистической концентрации и централизации производства и капитала, широкая монополизация сферы услуг, сращивание промышленности с сельским хозяйством и, наконец, бурный рост международных монополий и межгосударственных интеграционных процессов. Эти явления отражают в определенной степени стратегию приспособления капитализма к научно-технической революции. С другой стороны, они свидетельствуют об интенсивном использовании ее достижений в экономике.

Концентрация вещественных и личных факторов производства всегда тесно связана с техническим прогрессом. Сама природа технического прогресса (перевороты в технике и технологии, источниках сырья и энергетике) в силу резко меняющихся масштабов вызывает тенденцию к росту концентрации производства. Крупное же производство, являясь материальным условием технического прогресса, придает последнему стимул к ускорению. История материального производства и технического прогресса свидетельствует об ускорении их динамики. Современная НТР придала процессу концентрации производства тенденцию лавинообразного нарастания.

Масштабы концентрации производства выражаются в относительных и абсолютных показателях. Чтобы проследить реальные тенденции концентрации производства, необходимо производить измерения за достаточно длительные периоды.

Вот как выглядят показатели концентрации производства и промышленности Соединенных Штатов Америки за 20 лет:

Таблица 1

Относительная концентрация производства в США 1954—1974 гг. (удельный вес 500 промышленных монополий в %)

	1954 г.	1964 г.	1974 г.
В валовом национальном продукте	37,0	42,0	60,0
В промышленном производстве	50,0	60,0	67,0
Занятости (в промышленности)	50,0	61,0	74,0
Прибыли (в промышленности)	77,0	74,0	75,0

Рассчитано по: Economic Report of the President 1973, p. 193; «Fortune», 1972, May, p. 184—187; 1975, May, p. 238—241.

Как свидетельствуют показатели выше приведенной таблицы, горстка крупнейших монополий неуклонно расширяет свое господство в американской экономике. Это подтверждают и абсолютные показатели 500 промышленных монополий.

Таблица 2

Абсолютная концентрация производства в США (позиции 500 промышленных монополий)

Показатели	1954 г.	1964 г.	1974 г.	Среднегодовой темп прироста за 1954—1974 гг. в %
Сумма продаж (млрд. долл.)	136,8	268,4	834,0	9,5
Сумма чистой прибыли (млрд. долл.) . .	8,2	17,4	43,6	8,7
Количество занятых (млн. человек) . . .	7,7	10,4	15,3	3,4
Средний размер монополии по величине продажи (млн. долл.)	270,0	535,0	1067,0	9,6
Размер «проходного балла» в «Клуб-500» (млн. долл.)	50,0	176,0*	286,0	9,1
Количество миллиардеров (компаний с продажами свыше 1 млрд. долл.) . . .	—	104**	203	—

* 1970.
** 1968.
Рассчитано по: «Fortune», 1972, May, p. 184—187; 1975, May, p. 238—241.

Увеличивается квота вступления в «Клуб-500». Если в 1954 г. она равнялась 50 млн. долл. (оборот по продажам), то в 1974 г. ее сумма составила 286 млн. долл. Более того, в 1974 г. тысячная компания (среди американских промышленных монополий) имела оборот по продажам порядка 91,4 млн. долл.

Расширяется круг миллиардеров-монополий с годовыми продажами свыше 1 млрд. долл. Не так давно, в 1968 г., в него входило 104 монополии, а в 1974 г. — 203. Эти две сотни и составляют ядро промышленной олигархии Соединенных Штатов. Но и оно не однородно. 10—12 супермонополий с годовым оборотом, превышающим 10 млрд. долл. и производящих $^1/_4$ продукции 500, составляют элиту промышленной олигархии.

Долгое время лидером промышленного бизнеса США и капиталистического мира была корпорация «Дженерал Моторс», стоимость реализованной продукции которой в 1973 г. составила гигантскую цифру — 36 млрд. долл. Вскоре (1974 г.) этот рекорд перекрыла другая американская компания, выросшая на нефтяном бизнесе, «Эксон» (бывшая «Стандарт Ойл»), ее продажи в 1974 г. составили 42 млрд. долл. Стоимость продукции этих двух левиафанов частного бизнеса (78 млрд. долл.) почти равняется стоимости продукции 500 промышленных компаний (80 млрд. долл.), входящих во «второй эшелон» частнопромышленного бизнеса США. Что же касается чистой прибыли этих двух гигантов (4,1 млрд. долл. в 1974 г.), то она превысила чистую прибыль вторых 500 (3,7 млрд. долл. в 1974 г.) [1]. И это несмотря на трехкратное снижение прибыли у «Дженерал Моторс» в результате экономического кризиса.

Таким образом, 500 промышленных компаний, которые составляют 1,2% общего числа компании и которые сосредоточили $^3/_4$ промышленного производства страны, представляют все, а 417 500, т. е. 98,8%, по сути дела, ничто.

Важнейшей особенностью концентрации производства в условиях научно-технической революции является ее интернациональный характер, что особо отчетливо проявляется в бурном росте международных монополий. Сейчас их господство простирается на многие страны и распространяется на сферу производства и сбыта, валютно-финансовые рынки, источники сырья и рабочую силу. Сосредоточив в своих руках крупные капиталы, новейшие научно-технические открытия, производственно-технологический и организационно-управленческий опыт, они оказывают не только сильное воздействие на сферу международных экономических отношений, но и подчас определяют развитие национальных экономик.

В 1974 г. 800 промышленных монополий развитых капиталистических стран произвели продукции стоимостью в 1506 млрд. долл. [2] (500 американских — 834 млрд. долл. и 300 монополий других стран — 672 млрд.), что составляет половину валового общественного продукта этих стран, который равнялся 3030 млрд. долл. [3]. Из этих 800 абсолютное большинство — международные монополии. В зарубежных и советских исследованиях круг международных монополий ограничивают 200, 150, 50 и даже 20. «Fortune», например, публикует данные о 50 международных монополиях классического типа, половина из которых американские. Эти 50 монстров контролируют примерно около 20% производства общественного продукта развитых капиталистических стран. Стоимость их продукции в 1974 г. составила 538,6 млрд. долл. [4].

---

[1] «Fortune», 1975, May, June.

[2] «Fortune», 1975, May, p. 228; August, p. 166.

[3] Рассчитано по: «U. S. News and World Report», 1975, 13 January, p. 54—55.

[4] «Fortune», 1975, August, p. 163.

Размеры деятельности некоторых левиафанов («Эксон», «Дженерал Моторс», «Ройял датч Шелл», «Форд») настолько велики, что превышают производство национального продукта некоторых высокоразвитых капиталистических стран (Бельгия, Нидерланды, Швеция). Неудивительно, что даже буржуазный экономист вынужден признать: «Дженерал Моторс», если не принимать во внимание некоторых формальных признаков, является настоящим «государством»[5]. В пользу этого вывода говорит и тот факт, что из 50 крупнейших «экономических организмов» мира 37 составляют государства, а 13 — корпорации. А если рассмотреть в том же порядке не 50, а 100 таких единиц, то среди них окажется уже 51 корпорация.

Современный этап концентрации производства, являясь не только предпосылкой, но и результатом господства монополий, развивается преимущественно в форме диверсификации. Господство горстки крупнейших монополий, научно-техническая революция явились главными причинами диверсификации производства. Сейчас трудно представить монополию, по крайней мере крупную, которая бы ограничивала свою деятельность одной-двумя отраслями. Например, специальным исследованием отраслевой структуры 500 промышленных монополий США установлено, что участие в 5 отраслях является минимальным. При этом каждая из сотни крупнейших охватывала от 6 до 15 отраслей, а сфера деятельности монополий-гигантов распространялась на 16—50 отраслей[6].

Диверсификация, представляющая процесс проникновения монополий в отрасли, порой даже технологически не связанные между собой, осуществляется на основе концентрации и централизации капитала. Причем диверсификация производства на основе централизации капитала является преобладающей. Об этом свидетельствует анализ процессов концентрации и централизации капитала в период с 50-х гг. до настоящего времени.

В 50-е гг. проявилась волна слияний, усилившаяся в 60-е гг. Особенность слияний 60-х гг. состояла в том, что объектом поглощений становились не мелкие предприятия, а крупные фирмы с активами, превышающими 10 млн. долл. Так, если за период с 1948 по 1959 г. удельный вес этих компаний в общих поглощениях равнялся приблизительно 65%, то в 1967 г. он составил около 73%[7]. За 1966—1970 гг. в результате слияний из 500 крупнейших корпораций выбыло 72. Они «вошли» в состав трех гигантов: ИТТ, ЛТВ, Армоур[8].

Другой, пожалуй, главной особенностью слияний и поглощений этого периода явился их конгломеративный тип, или так называемая «диверсификация поглощением». Из общего числа слияний

---

[5] Barber R. The American Corporation. New York, 1970, p. 8.

[6] Хмельницкая Е. Л. Очерки современной монополии. М., «Наука», 1971, с. 48.

[7] «Statistical Abstract of the United States», 1971, p. 474.

[8] «Fortune», 1975, May, p. 239.

1948—1951 гг. «горизонтальные слияния составляли 41,4%, «вертикальные» — 20,5, «конгломеративные» слияния — 38%. В 1968 г. слияния на основе технологической однородности или общности составляли: «горизонтальные» — 2,5%, «вертикальные» — 6,6%, а «конгломеративные» слияния занимали более 90%, причем половина этих слияний носила «чисто конгломеративный характер»[9].

На основе «диверсификации поглощением» как на дрожжах выросли крупнейшие монополистические образования — конгломераты.

Таблица 3

Рост крупнейших монополистических компаний США, взявших курс на диверсификацию (1961—1974 гг.)*

	1961 г.		1969 г.		1970 г.		1974 г.	
	сумма продаж млн. долл.	место продаж в списке 500	сумма продаж млн. долл.	место в списке 500	сумма продаж млн. долл.	место в списке 500	сумма продаж млн. долл.	место в списке 500
«Интернэшнл Телефоун энд Телеграф»	930,5	47	5477,0	9	6364,5	8	11154,4	10
«Линг—Темко—Воут»	192,8	244	3750,2	14	3771,7	15	4768,0	29
«Литтон Индастриз»	250,1	192	2176,6	39	2404,3	36	3081,0	53
«Текстрон»	473,1	104	1682,1	57	1911,8	66	2113,7	89

*Источники: «Fortune», 1962, July; 1970, 1971, 1975, May.

Компания «Интернэшнл Телефоун энд Телеграф» (ИТТ) была основана в 1920 г. и специализировалась на производстве аппаратуры связи почти 40 лет. Так, компания ИТТ с конца 50 — начала 60-х гг. взяла курс на диверсификацию. За десять лет ИТТ поглотила 50 компаний, производство которых далеко от ее «материнской» отрасли. Объектами поглощения стали такие компании, как «Эвис» (сдача машин в аренду), «Левит энд санс» (строительство домов), «Шератон» (крупнейший в мире владелец гостиниц), «Эйтна» (компания по страхованию жизни и финансированию потребительских услуг), «Континентал Бэкинг» (крупнейший в США производитель хлебопродуктов). Кроме того, ИТТ поглотила компанию «Хартфорд Файе Иншуренс» с активами в 1 млрд. долл.

Таким образом, ИТТ с 1961 по 1974 г. почти в 12 раз (с 930 млн. до 11 154,4 млн. долл.) увеличила свои продажи и передвинулась с 47 на 10 место в списке 500 крупнейших корпораций.

Но и это еще не все: этот супер-конгломерат распространил свое влияние за пределы США и превратился в крупнейшую многонациональную монополию. ИТТ насчитывает более 150 компаний

[9] Barber R. Op. cit., p. 40.

с 300-тысячной армией лиц наемного труда, более половины которых иностранцы. Ее географическое распространение весьма широкое — 57 стран, где она ведет научные исследования и предпринимательскую деятельность, еще более обширными являются рыночные связи ИТТ.

ИТТ яркий, но не единственный пример современных корпораций.

Как было уже отмечено, современные монополии — это крупнейшие диверсифицированные компании. С точки зрения **технологической** диверсификация проявляется как процесс расширения номенклатуры продукции, порой не связанной даже общими технологическими принципами. С точки зрения социально-экономической она представляет собой дальнейшее расширение и усиление господства крупнейших монополий. Через диверсификацию происходит перелив капитала в более выгодные отрасли.

Научно-техническая революция требует узкоспециализированного производства, но высокая динамичность производства и потребления ставит узкоспециализированные предприятия в очень жесткую зависимость от рынка. Дж. Гэлбрейт пишет по этому поводу: «Технический прогресс и сопутствующее ему увеличение затрат капитала и времени заставляют фирму освободиться от неопределенности, присущей рынку. А по мере развития специализированной техники можно все меньше полагаться на рынок» [10].

«Освобождение от неопределенности рынка» есть не что иное, как попытка преодолеть противоречие между производством и потреблением в условиях современного капитализма, как стремление использовать достижения НТР на путях диверсификации производства. На прежних этапах развития капитализма прогресс материального производства был связан с резкой дифференциацией сфер деятельности, обособлением различных групп предпринимателей — капиталистов. В условиях научно-технической революции прогресс производства во многом определяется интеграцией различных сфер деятельности (производства, сбыта, ремонта, обслуживания) под началом одной монополии. Это характерно особенно для отраслей, производящих потребительские товары длительного пользования.

Последствия концентрации производства в условиях НТР глубоко противоречивы. Усилившаяся концентрация производства под воздействием НТР дала определенный стимул к повышению темпов роста производства.

Темп роста производства на крупных предприятиях выше. Так, например, реальный среднегодовой темп прироста валового национального продукта с 1954 по 1974 г. составил 3,6%, а у 500 крупнейших промышленных монополий он равнялся 6,5%, т. е. был в 1,8 раза быстрее [11]. Если учесть, что эти монополии производят более половины общественного продукта, то становится очевидным

[10] Новое индустриальное общество. М., «Прогресс», 1969, с. 155.

[11] Рассчитано по: «Economic Report of the President», 1975; «Fortune», 1975, May.

влияние быстрого роста производства на крупных предприятиях на общий темп экономического роста.

Обладая мощной научной и экспериментальной базой, высококвалифицированными кадрами, крупнейшие монополии в состоянии более успешно решать крупные научно-технические проблемы. Концентрация производства расширяет горизонт внутрифирменного планирования и управления. Например, концерн «Боинг» при создании самолета Б-747 кооперировался с 1500 фирмами. Все они были включены в единый план. Координация деятельности этих фирм осуществлялась из единого центра.

Вместе с тем концентрация производства чрезвычайно усилила его монополизацию, которая обостряет старые и порождает новые противоречия.

Расширяя материальную базу планомерности, монополии одновременно, в силу их частнособственнической сущности, усиливают диспропорции в народном хозяйстве. В. И. Ленин писал: «...монополия, создающаяся в *некоторых* отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную *всему* капиталистическому производству в целом»[12].

Преимущества крупного производства доказаны как теоретически, так и практически. Особенно рельефно эти преимущества проявляются в эпоху технических переворотов. Имея в своем распоряжении крупные технические, людские, финансовые, научные ресурсы, современные корпорации более устойчивы, чем мелкие предприятия.

Данные табл. 4 показывают, что первые 500 монополий функционируют эффективнее, чем вторые 500 и промышленность в целом. Однако за общими показателями доходности первых 500

Таблица 4

Сравнительные результаты 1000 крупнейших промышленных монополий и всей промышленности США (1974 г.)*

	Оборот по продажам на 1 занятого в тыс. долл.	Активы на 1 занятого в тыс. долл.	Прибыль в % к продажам	Прибыль в % на акционерный капитал
Первые 500	55,0	41,0	5,2	14,0
Вторые 500	40,5	30,0	4,7	12,6
Вся промышленность	42,4	29,2	4,0	12,3

* Рассчитано по: «Fortune», 1975, May, p. 228; June, p. 140.

скрывается резкая дифференциация ее. Более того, анализ деятельности 1000 корпораций показывает, что компании, стоящие во втором эшелоне, имеют более высокую норму прибыли, чем супер-

[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 324.

гиганты. Например, в 1974 г. высокую норму доходности имели компании, занимающие места по величине продаж от 526 до 943. В списке монополий, имеющих более высокую общую норму прибыли за 1964—1974 гг., нет крупнейших монополий, входящих в первую сотню, за исключением компании «Филип Морис». В первую десятку компаний с более высокой нормой прибыли (от 20% до 37%) на капитал за 10-летний период (1964—1974 гг.) входили корпорации, стоящие по объему производства ниже 134 места [13]. А 10 первых супергигантов-монополий с годовым оборотом по продажам свыше 10 млрд. долл. по общей норме доходности на вложенный капитал (1964—1974 гг.) занимали места в пределах 231—368 [14]. Эти факты наталкивают на мысль о **снижающейся капиталистической эффективности** сверхконцентрации производства в условиях научно-технической революции. Те же выводы можно сделать на основании данных табл. 1.

Данное обстоятельство было подмечено рядом буржуазных экономистов (Дж. Гелбрейт и др.) и экономистами-марксистами (С. И. Меньшиков, И. Иванов).

Как видно, из факта падения нормы прибыли буржуазные экономисты делают далеко идущие выводы об изменении цели капиталистического производства. К. Маркс более 100 лет тому назад доказал закон тенденции нормы прибыли к понижению и на этой основе показал историческую ограниченность капиталистического способа производства. Он писал: «Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала» [15]. Это противоречие между целью капиталистического производства и методами ее достижения на современном этапе проявляется в убывающей эффективности (т. е. прибыльности) сверхконцентрации производства. Чтобы компенсировать падающую прибыльность, монополии идут на экономически неоправданное повышение цен, что является одной из основополагающих причин современной инфляции. Как отмечает И. Иванов, «гипертрофированная сверхоптимальная концентрация в США, может, видимо, серьезно рассматриваться как один из самостоятельных аспектов конфликта между производительными силами и производственными отношениями на современной стадии развития капитализма» [16].

Таким образом, масштабы современной концентрации производства под воздействием НТР воочию показывают ограниченность капитализма, его неспособность в силу внутренней сущности обратить гигантские возможности, получаемые на основе НТР, на пользу трудящихся масс.

---

[13] «Fortune», 1975, May, p. 230.
[14] Ibid.
[15] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 274.
[16] «Мировая экономика и международные отношения», 1974, № 2, с. 19.

ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА (на примере ФРГ)

Наиболее ярко основное противоречие буржуазного строя проявляется в несовместимости частной собственности на средства производства и необходимости централизованного, скоординированного в масштабе общества и долгосрочного управления научно-техническим прогрессом. Государственно-монополистическое регулирование является своеобразной реакцией на это противоречие, попыткой возместить неспособность частного капитала решить современные проблемы развития науки и техники, которая официально признается представителями монополий и государства. В пятом отчете о научных исследованиях правительства ФРГ, например, говорится: «стимулирование научных разработок и их применения в промышленности предполагает, что рыночно-хозяйственные силы сами по себе недостаточны для достижения целей исследовательской политики» [1].

Проблема расширения масштабов научных исследований и повышения их эффективности стояла особенно остро перед монополистическим капиталом ФРГ. Вскоре после окончания второй мировой войны обнаружилось значительное отставание ФРГ от некоторых других крупных и малых развитых капиталистических стран в области научных исследований и технологии. Сказывалась многолетняя концентрация затрат и усилий в области науки в период фашизма исключительно в военной области. Отставание еще более усилилось в связи с тем, что в первые послевоенные годы в условиях хозяйственной разрухи исследования по существу не проводились. Значительная часть сделанных ранее, но практически не использованных в годы подготовки и ведения войны открытий в виде технической документации перешли в собственность западных оккупационных властей, в первую очередь оккупационных властей США. В США уехали также некоторые ведущие ученые и инженеры.

В начале 50-х гг., когда в стране происходило восстановление хозяйства примерно в его прежней структуре, а промышленность работала исключительно на внутренний рынок, технологическое отставание чувствовалось не столь остро. Однако уже к середине 50-х гг. ускорение развития научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ стало настоятельной необходимостью в силу следующих причин.

Во-первых, если в период восстановления перед промышленностью стояла задача выпускать как можно больше традиционных товаров, и промышленность решала эту задачу путем экстенсивно-

[1] Bundesbericht Forschung V. 1975, Bonn, Buchruckerei, Bonner Universitäts. S. 7.

го расширения производства за счет привлечения дополнительной рабочей силы, то в середине 50-х гг. главной задачей было не простое расширение, а модернизация производственных мощностей.

Во-вторых, возникли существенные изменения в отраслевой структуре хозяйства, изменения в топливно-энергетическом и сырьевом балансе, началось ускоренное развитие органической химии, электротехники, транспортного машиностроения.

В-третьих, усиливавшаяся интернационализация экономики развитых капиталистических стран, развитие международных хозяйственных связей обострили конкурентную борьбу. Восстановить утерянные позиции на мировых рынках можно было только после коренной модернизации основного капитала, а для этого необходимо было развитие прикладных научных исследований и опытно-конструкторских работ.

Статистика показывает значительное и неуклонное возрастание общих затрат в ФРГ на исследовательские, экспериментальные, расчетные и конструкторские работы. Если в 1950 г. на эти цели было израсходовано 425 млн. марок, то в 1968 — 8,2 млрд., а в 1973 г. — 30,3 млрд. марок. Одновременно доля государства в финансировании исследований повысилась с 24,7% в 1950 г. до 34,3 в 1968 г. и до 63% в 1973 г.[2].

Следует отметить, что значительная часть государственных мероприятий по регулированию научно-технического прогресса осуществляется в виде налоговых льгот применительно к затратам на исследовательские работы. Эта форма государственного стимулирования распространяется все шире как за счет введения новых льгот, так и за счет предоставления их все большему числу фирм. В том же направлении действуют различные налоговые льготы, предоставляемые в связи с переходом на новые стандарты, проведением выставок, научных конференций, семинаров, организацию курсов повышения квалификации и переквалификации, издание научной литературы. Многие из этих затрат не поддаются непосредственному учету.

В развитии научно-технических исследований важную роль играли и государственные меры по обновлению и расширению основного капитала, поощрение прогрессивных изменений в отраслевой структуре, крупные расходы на реконструкцию и развитие государственных объектов в области инфраструктуры — в первую очередь государственных электростанций, железных дорог, почты, радио, телефона и телеграфа. По существу вся государственная политика в области капиталовложений и структурной перестройки экономики содействовала научно-техническому прогрессу.

Одним из важных инструментов поощрения прикладных научных исследований и работ по внедрению новой технологии и оборудования является налоговое законодательство. Неоднократные изменения в налоговой системе ФРГ за истекшую четверть века,

---

[2] Bundesbericht Forschung V..., S. 7.

как правило, служили поощрению научно-технического прогресса. Так, введение в 50-х гг. налога на занятость повысило заинтересованность предпринимателей в интенсификации производства. В этом же направлении действовала и замена налога с оборота налогом на добавленную стоимость, который ставит в привилегированное положение отрасли с высоким органическим строением капитала, поощряет замену живого труда овеществленным. Налоговые льготы на обновление и модернизацию основного капитала предоставляются, как правило, дифференцированно по отраслям. Наибольшие льготы предоставляются так называемым «отраслям-носителям технического прогресса» — станкостроению, электротехнике и электронике, точной механике и оптике. Скидки с налогов предоставляются при проведении внутрифирменных исследований, при заказах на выполнение исследовательских и экспериментальных работ на стороне и при коллективном финансировании таких работ (уплата взносов в научно-исследовательские фонды отраслевого союза предпринимателей, научно-исследовательского центра или университета).

С января 1970 г. введены специальные инвестиционные надбавки на капиталовложения, служащие развитию научных исследований. В настоящее время частным инвесторам предоставляется надбавка на исследовательские работы в размере 7,5% от суммы капиталовложений. Если финансируемый проект связан с изысканиями новых источников энергии или улучшением использования традиционных энергоносителей, инвестиционная надбавка повышается до 15% [3]. Финансирование за счет надбавок в отличие от финансирования из искусственно завышенного амортизационного фонда непосредственно не связано с величиной получаемых прибылей. Это, по утверждению правительства, должно создать дополнительный стимул развития НИОКР средними и мелкими фирмами [4].

Особое место в налоговом регулировании научно-технического прогресса занимает система ускоренного амортизационного списания основного капитала. По действующему законодательству в ФРГ разрешены особые списания в амортизационный фонд в целях финансирования капиталовложений в научные исследования и охрану окружающей среды. Министерство финансов разрешает перечислять в амортизационный фонд наряду с линейными списаниями в течение первых пяти лет 50% стоимости движимых и 30% стоимости недвижимых элементов основного капитала [5]. Это значит, что станок со средним сроком службы в 10 лет будет за 5 лет списан полностью. Кроме того, правительство ФРГ разрешает списывать новейшие виды оборудования, которые заказываются,

---

[3] Bundesbericht Forschung V..., S. 7.

[4] Strukturbericht der Bundesregierung 1969, S. 6.

[5] Informationsdienst zur Finanzpolitik des Auslandes N 4, 1972; Bundesministerium der Finanzen. Bonn, S. 19.

проектируются и устанавливаются впервые, задолго до начала срока их службы. Подобная практика означает, по существу, санкционированное государством финансирование опытно-конструкторских разработок монополий за счет освобожденных от налогообложения прибылей.

Регулирование научно-технического прогресса западноевропейским государством находит свое выражение в растущих бюджетных ассигнованиях. Государственные расходы на исследовательские цели осуществляются из федерального и местных бюджетов. Они выступают в форме субсидий, кредитов и поручительств. Ассигнования могут быть общего и целевого характера. Одним из наиболее распространенных видов целевых ассигнований является осуществление научных исследований по контракту с какой-либо правительственной организацией. Получателями государственных средств являются высшие учебные заведения, государственные научно-исследовательские центры (как правило, они получают субсидии общего и целевого характера), частные научно-исследовательские организации и проектно-конструкторские фирмы, частные предприятия (целевые кредиты и поручительства, реже — субсидии на конкретных условиях).

Структура расходов на науку и исследования с точки зрения субъектов финансирования и получателей ассигнований отражена в табл. 5.

Таблица 5

Расходы на науку и исследования в ФРГ, включая затраты на стимулированные образования и получение академических стипендий (1973 г.)*

Кто осуществляет	Кто финансирует						
	федерация, земли, общины		государство		предприятия и фонды	всего	
	федерация	земли, общины	всего				
	млрд. марок	млрд. марок	млрд. марок	%	млрд. марок	млрд. марок	%
Высшие учебные заведения, клиники	2,5	9,9	12,4	65	0,1	12,5	41
Научные центры вне высших учебных заведений	3,5	0,9	4,4	23	0,6	5,0	17
Предприятия	2,3	—	2,5	12	10,5	12,8	42
Всего	8,3	10,8	19,1	100	11,2	30,3	100

* Bundesbericht Forschung V..., S. 7.

Государственные ассигнования на стимулирование научно-технического прогресса по абсолютным размерам выше, чем в любой стране Западной Европы и Японии. Они примерно равны

сумме расходов на эти цели Великобритании и Италии и уступают только бюджетным ассигнованиям на эти цели США.

Государственно-монополистическое регулирование научно-технического прогресса с исторической точки зрения развивалось следующим образом.

В начале 50-х гг. западногерманское государство ограничивалось созданием общих благоприятных экономических условий для обновления и расширения основного капитала. Определение направлений и масштабов научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности целиком находилось в руках частных монополий. В этот период даже регулирование деятельности государственных научных центров и высших учебных заведений носило спорадический и бессистемный характер.

В середине 50-х гг. государство переходит к общему стимулированию научно-технического прогресса. Для этого используются, главным образом, налоговые и амортизационные льготы, в меньшей степени субсидии. В дальнейшем правительство осуществляет несколько целеустремленных, но не согласованных между собой акций в области расширения подготовки научных кадров, а также принимает участие в значительном расширении сети научно-исследовательских учреждений, производит крупные затраты на военные и аэрокосмические исследования.

С начала 60-х гг. происходит переход к государственным среднесрочным отраслевым программам научных исследований. Одновременно государство берет на себя все большую часть расходов по финансированию научно-технического прогресса. С тех пор среднесрочное отраслевое программирование исследований постоянно развивается и растет как по числу программируемых объектов, так и по ассигнованиям на них, соответствует государственным интересам.

В настоящее время (на начало 1976 г.) в ФРГ осуществляются следующие важнейшие государственные программы научных исследований: четвертая атомная программа, третья программа по совершенствованию системы электронной обработки информации, вторая программа исследования космического пространства, вторая программа изучения моря, исследовательские программы в области воздушного транспорта, совершенствования информации и документации и некоторые другие.

В ФРГ существует специальное федеральное министерство научных исследований и технологии. Оно создает комитеты и рабочие группы для подготовки отдельных отраслевых исследовательских программ. Оно же осуществляет и контроль за их использованием. Проект программы должен быть рассмотрен и одобрен парламентом. Парламент также заслушивает отчет о ее выполнении. Министерство научных исследований и технологии расходует на осуществление программ средства из своего бюджета в соответствии с финансовым планом. Но финансирование осуществляется не только из бюджета этого министерства. Большие затраты на

научные исследования осуществляют министерства обороны, экономики, федеральная почта и телеграф, федеральные железные дороги.

Государственная деятельность в пределах основных программ не ограничивается одной исследовательской работой, но включает в себя и экспериментальные, расчетные и конструкторские разработки, помощь для внедрения в производство, а также соответствующее государственное обеспечение сбыта. Сущность и долгосрочный характер таких программ делает их важными инструментами государственно-монополистической структурной политики.

Заинтересованные монополии включаются в государственное программирование и управление исследованиями через специально созданные органы, например, через комиссию по атомным или комиссию по космическим вопросам. Содержание этих программ, количество предоставляемых для них финансовых средств и центральное государственное управление подчеркивают политическое, экономическое и военное значение, которое правящие круги придают этим программам. Основной инструмент осуществления исследовательских программ — прямые государственные субсидии.

Согласно четвертой атомной программе доля федерального министерства научных исследований и технологии в общем объеме финансирования ядерных исследований и прикладных работ увеличивается до 90% (в основном это расходы на атомные центры, ассигнования на исследования и разработки оборудования для атомных электростанций, атомной промышленности и ядерные исследования в высших учебных заведениях).

В реализации четвертой атомной программы участвуют в качестве подрядчиков 12 электротехнических фирм. 23% из 6,5 млрд. марок — всех ассигнований на программу — предназначено для двух ведущих электротехнических монополий — «Сименс» и «АЭГ-Телефункен». В результате более 80% затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области практического использования ядерной энергии, проводимые в лабораториях этих монополий, финансируется государством.

Сотрудничество монополий и государства в области ядерной энергетики осуществляется через комиссию по атомным вопросам, в которой, наряду с представителями государственного аппарата, участвуют руководители «Сименс», «АЭГ-Телефункен», «Браун-Бовери», а также ведущих монополий цветной металлургии, химии, машиностроения, ведущих банков.

К началу 70-х гг. стали очевидны недостатки отраслевых исследовательских программ. Возникла необходимость более тесной увязки и координации деятельности отдельных учреждений, ответственных за регулирование научных исследований. На повестку дня встал вопрос о разработке общегосударственной политики научно-технического прогресса не в отдельных отраслях, а в целом, о согласовании регулирования научных исследований с политикой в области капиталовложений, с изменениями отраслевой структуры

и развитием инфраструктуры. В четвертом отчете федерального правительства об исследованиях критикуется «большое число планирующих, решающих и финансирующих организаций, которые в своей политике поощрения исследований частично преследуют одни и те же цели»[6] и признается необходимость разработки «единого плана исследований». В отчете далее говорится: «Федеральное правительство будет продолжать работать над улучшением организации исследовательской политики, стимулирования и координации исследований. Развитие всеобщей системы поощрения исследований... настоятельная задача на ближайшие годы»[7].

Существуют несколько главных направлений, по которым государство и монополии совершенствуют и форсируют систему организации и регулирования научно-технического прогресса. В первую очередь следует назвать создание особых исследовательских центров при вузах и их включение в исследовательский союз с соответствующим потенциалом частных монополий. Таким образом, правящие круги ФРГ стремятся сделать научно-исследовательскую работу вузов более эффективной путем концентрации, разделения труда и совместной работы, кооперации с внеуниверситетскими учреждениями. Вместо стихийно возникшего, довольно слабого соединения между отдельными кафедрами и монополиями требуется организуемое государством систематическое сотрудничество. Такая связь должна стимулировать высокоразвитые формы кооперации. Правительство призывает осуществить эту кооперацию «в конструктивном сотрудничестве, учитывая потребности частного хозяйства»[8].

Реорганизация государственного программирования выразилась в сокращении числа задач и объектов политики поощрения исследований при одновременном росте ассигнований на эти цели, в более тесной координации деятельности высших учебных заведений с государственными исследовательскими центрами и частными фирмами.

В пятом отчете об исследованиях руководители Министерства научных исследований и технологии выдвигают на передний план уже не отдельные отраслевые программы, а комплексные цели, такие, как модернизация экономики, повышение конкурентоспособности. Впервые одной из главных задач государственной исследовательской политики названо «повышение производительности науки»[9].

Период между четвертым и пятым отчетах об исследованиях (1972—1975 гг.) знаменателен тем, что в это время происходил переход от отраслевых исследовательских программ к скоординированной межотраслевой исследовательской политике. Это был переход от программирования научных исследований в отдельных отраслях к программированию научно-технического прогресса.

---

[6] Forschungsbericht IV. Bonn, 1972, S. 16.
[7] Ibid., S. 91.
[8] «Deutsche Universitätszeitung». Bonn, 1968, N 8.
[9] Bundesbericht Forschung V..., S. 1.

Дальнейшее направление развития в этой области — координация программирования научно-технического прогресса с программированием капиталовложений, структуры, внешнеэкономических связей и переход к программированию модернизации.

Следует заметить, что как раз в области модернизации, которая до сих пор служила классическим примером для доказательства функционального права на существование капиталистического предпринимателя и для защиты капиталистической собственности, монополии показали свою полную неспособность решить коренные задачи дальнейшего развития производительных сил и обеспечить социальный прогресс в национальном и международном масштабах.

ГЛАВА 5. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (на материалах США)

Одной из характерных особенностей в системе государственно-монополистического капитализма послевоенного периода стало выдвижение на передний план проблемы накопления капитала. Воздействие государства на процесс финансирования монополий, будучи самостоятельным направлением в комплексе мер по государственно-монополистическому регулированию экономики, одновременно с этим тесно связано как с проведением антициклических мероприятий, так и с политикой, направленной на стимулирование экономического роста. Как известно, в обобщенной форме результаты государственно-монополистических мероприятий в области регулирования капиталовложений монополий выразились в увеличении значения самофинансирования, т. е. в повышении доли внутренних источников финансирования, к числу которых относятся нераспределенные прибыли и фонд амортизационных отчислений, в рамках которого монополии получили возможность скрывать значительную часть получаемых прибылей.

Одной из важнейших причин, заставивших государство вступить на путь активного вмешательства в процесс финансирования капиталовложений, явилось развертывание современной научно-технической революции. Процесс освоения результатов НТР, выступая ключевой сферой соперничества двух социально-экономических систем, потребовал от буржуазного государства повысить стабильность капиталовложений и обеспечить рост их массы. Представление о динамике инвестиций в послевоенный период дают следующие цифры, сопоставляющие три двенадцатиквартальных подъема, имевших место в американской экономике в 1954—1957, 1961—1964 и 1971—1973 гг. Если в период первого из перечисленных циклических подъемов американские нефинансовые корпорации мобилизовали за счет внутренних и внешних источников финансирования 110 млрд. долл., то соответствующий показатель для

второго подъема составил 160 млрд. долл., а за циклический подъем начала 70-х гг. была мобилизована гигантская сумма, превысившая 400 млрд. долл.[1]. Не вызывает сомнения тот факт, что главной отличительной особенностью процесса финансирования на протяжении рассматриваемых циклических подъемов являлось преобладающее значение самофинансирования. Однако обеспечение капиталовложений за счет внутренних источников имеет свои границы. Так, с экономической точки зрения, самофинансирование ограничено размерами той прибыли, которую получают монополистические объединения[2].

В силу этого монополии не могут отказаться от привлечения средств из внешних источников. Более того, в настоящее время, как можно судить на основе имеющейся информации, значение рынка ссудных капиталов в финансировании монополистических объединений обнаруживает тенденцию к некоторому увеличению. Вернемся в этой связи к приведенным выше данным о валовых капиталовложениях в периоды трех послевоенных циклических подъемов. Если в течение подъема 1961—1964 гг. доля внутренних источников составила более 68%, то в 1971—1973 гг. было зафиксировано существенное снижение удельного веса самофинансирования — до 51,7%. Ни в коей мере не умаляя роли самофинансирования как одного из основных средств, имеющихся в арсенале государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики, хотелось бы привести ряд соображений, касающихся места внешних источников финансирования в деятельности монополистических объединений на современном этапе.

Этот вопрос самым непосредственным образом связан с теми проблемами, которые ставит НТР перед капиталистической системой хозяйства. Речь в данном случае идет о том, что, с одной стороны, в условиях НТР монополиям потребовалась активная поддержка государства в деле обеспечения стабильности и повышения объема капиталовложений, что и нашло свое выражение в росте значения самофинансирования. С другой стороны, НТР предъявляет такие требования к масштабам капиталовложений, которые не могут быть удовлетворены за счет самофинансирования как механизма, являющегося результатом государственно-монополистического вмешательства в процесс накопления капитала.

Приведем несколько иллюстраций того, насколько остро стоит ныне перед монополиями проблема изыскания средств для финансирования капиталовложений. НТР поставила в повестку дня сооружение электростанций на ядерном топливе. Строительство таких электростанций обходится в 1,5—3,5 раза дороже, чем обычных. Переход к сооружению атомных электростанций влечет за собой резкий рост зависимости от внешних источников финансирования. Американские компании, занимающиеся производством электро-

---

[1] «Survey of Current Business», 1974, April, p. 6.

[2] Подробно об этом см. кн.: Государственно-монополистический капитализм. Общие черты и особенности. М., Политиздат, 1975, с. 300—301.

энергии, в настоящее время обеспечивают за счет внутренних источников только одну треть своих потребностей в капиталовложениях, в то время как еще 10 лет тому назад этот показатель составлял 50%. Эдисоновский электрический институт (США) определяет величину кратко- и долгосрочных финансовых ресурсов, которые потребуются только одной этой отрасли американской промышленности в течение предстоящих 25 лет, колоссальной цифрой — 750 млрд. долл.[3]. Огромные по своим масштабам капиталовложения, составляющие сотни миллионов долларов, требуются не только для строительства атомных электростанций, но и в целом для развития энергетической базы экономики — для разработки нефтяных и газовых месторождений в открытом море и на прибрежном шельфе, сооружения магистральных нефте- и газопроводов, освоения новых источников энергии. Острая потребность в капиталовложениях характерна не только для новых и новейших отраслей, порожденных НТР. Для того, чтобы идти в ногу с НТР, большие капиталовложения необходимо осуществлять и в традиционных отраслях. Так, по имеющимся оценкам, в течение ближайших 10 лет американские сталелитейные компании должны будут мобилизовать около 30 млрд. долл.[4]. Не случайно поэтому то обстоятельство, что проблема финансирования стоит в центре внимания делового мира США и оживленно обсуждается в специальной литературе и экономической периодике. В журнале «Гарвард бизнес ревью» отмечалось недавно, что в настоящее время очень часто повторяются призывы, побуждающие менеджеров «проявлять изобретательность и настойчивость в поиске новых способов мобилизации капиталов»[5].

О чем же конкретно идет речь? Конечно, изобрести принципиально новые методы мобилизации финансовых ресурсов капиталистическая система хозяйства не может. Поэтому фактически речь идет о «повторении пройденного» — о необходимости обращать большее внимание на внешние источники финансирования. Круг замкнулся: самофинансирование возникло и стимулировалось как способ преодолеть ограниченные возможности, предоставляемые рынком ссудных капиталов; теперь же внешние источники финансирования призваны разрешить те проблемы, перед лицом которых оказалось бессильным самофинансирование.

Какие же перспективы открываются для мобилизации финансовых ресурсов на рынке ссудных капиталов? Обратимся прежде всего к традиционному акционерному способу финансирования. В среднем его роль на протяжении всего послевоенного периода была весьма незначительной — на долю эмиссий акций приходилось всего несколько процентов тех совокупных средств, которые направлялись на финансирование капиталовложений. Более того, в 60-х гг. временами наблюдалось превышение изъятий акций из

[3] «Financial World», 1975, July 23, p. 10.
[4] «Harvard Business Review», 1975, March—April, p. 114.
[5] «Harvard Business Review», 1975, September—October, p. 8.

обращения над новыми выпусками. И тем не менее было бы преждевременным сбрасывать со счетов эмиссии акций как источник финансовых ресурсов корпораций.

Необходимо подчеркнуть, что проблему финансирования следует рассматривать на фоне циклического движения капиталистической экономики. При таком подходе становится очевидным, что в последние 10—15 лет наметилась новая интересная закономерность: финансирование с помощью акций стало приобретать повышенное значение в периоды кризисов и депрессий. Ранее, как известно, наблюдалась обратная картина: акционерные общества в больших масштабах эмитировали свои ценные бумаги в периоды циклических подъемов. В связи с этим возникают по меньшей мере два вопроса — в чем причины отсутствия значительных эмиссий акций в периоды роста биржевых курсов и почему корпорации вынуждены прибегать к выпуску акций в периоды кризисных неурядиц? Не давая развернутого ответа на первый вопрос, отметим, что дело здесь заключается, по нашему мнению, в той роли, которую играет в деятельности современной корпорации величина фиктивного капитала, воплощенного в ее акциях: чем больше эта величина, тем активнее корпорация может осуществлять экспансию путем слияний и поглощений, которые, как правило, проводятся посредством обмена акций. Вообще, размеры фиктивного капитала корпорации во многом определяют репутацию фирмы, занимаемое ею место в деловом мире. Поэтому монополии стремятся избегать дополнительных эмиссий акций — их результатом становится падение прибыли, приходящейся на одну акцию, а именно от этого показателя во многом зависит биржевой курс бумаг корпорации.

Из этого следует, что монополии как бы оттягивают эмиссию акций, отодвигая ее настолько, насколько это допускает общая ситуация, складывающаяся в области финансирования. Пока другие источники, и прежде всего самофинансирование, компенсируют отсутствие поступлений за счет дополнительных выпусков акций, монополии могут позволить себе отказаться от этого традиционного способа мобилизации финансовых ресурсов. В этом и содержится ответ на второй из поставленных вопросов: в фазах кризиса и депрессии в функционировании механизма самофинансирования наступают такие перебои, которые заставляют расширить использование внешних источников. Самофинансирование вообще никогда не было в состоянии заменить внешние источники и выступало поэтому в качестве их дополнения. Особенно же наглядно ограниченность возможностей самофинансирования проявляется в периоды кризисного состояния экономики. Так, в 1969—1970 гг., когда американская экономика подверглась кризисным ударам, поступления из внутренних источников финансирования опустились ниже уровня трех предшествующих лет. Выпуск же акций, напротив, существенно возрос и в 1970 г. в полтора раза превысил суммарную эмиссию за 1965—1968 гг.[6].

[6] «Survey of Current Business», 1972, August, p. 36.

В настоящее время потребность монополий в финансовых ресурсах, определяемая в значительной степени ходом НТР, возрастает в такой мере, что их заинтересованность в рынке акций проявляется уже не периодически, а постоянно. По расчетам, проведенным Нью-Йоркской фондовой биржей (НИСЕ), в ближайшие 10 лет американские корпорации должны будут в большой мере удовлетворять свои финансовые потребности за счет эмиссии акций и мобилизовать с их помощью 250 млрд. долл.[7]. Насколько реальна возможность этого?

Анализ процессов, протекающих в настоящее время на рынке ценных бумаг США, заставляет усомниться в том, что выпуск акций можно будет проводить в размерах, достаточных для решения проблем финансирования американских корпораций. В самом деле: начиная с конца 60-х гг. на рынке ценных бумаг США отмечаются наиболее серьезные за весь послевоенный период потрясения. Сила их была такова, что привела биржевую систему страны в состояние глубокого кризиса и вынудила приступить к реформе НИСЕ, могущественнейшей фондовой биржи капиталистического мира, которой в течение целого ряда десятилетий удавалось сохранить в неизменном виде порядок ведения операций с ценными бумагами, порядок, обеспечивавший НИСЕ получение огромных прибылей за счет обладания фактической монополией на важнейший рынок фиктивного капитала, где обращаются ценные бумаги крупнейших американских корпораций. Волна потрясений в биржевой системе еще более ослабила и без того уже подорванную веру рядового инвестора в стабильность рынка ценных бумаг. Поэтому мелкие акционеры на протяжении нескольких последних лет выступают в качестве чистых продавцов акций, ежегодно выбрасывая их на рынок на сумму в несколько миллиардов долларов. Судя по высказываемым в американской литературе мнениям и в их числе по свидетельству такого авторитетного в биржевом мире лица, каким является президент НИСЕ, эта тенденция — причем в растущих масштабах — будет характерна и для последующих лет. Тем самым в качестве свершившегося факта признается, что мелкие акционеры массами покидают рынок акций. Это обстоятельство, естественно, существенно затрудняет успех тех крупномасштабных выпусков акций, которые намереваются осуществить в предстоящие годы американские корпорации.

Важной причиной, затрудняющей мобилизацию финансовых ресурсов посредством выпуска акций, служит повышающаяся частота колебаний биржевых курсов, что выступает одним из проявлений растущей неустойчивости капиталистической экономики. Рынок ценных бумаг и биржа как его основной элемент отражают прогрессирующую монополизацию фиктивного капитала. Проявлением этого процесса послужило значительно ускорившееся в 60—70-х гг. сосредоточение ценных бумаг и прежде всего акций в

[7] «Business Week», 1975, June 16, p. 58.

собственности и под контролем кредитно-финансовых учреждений. Ведущую роль в этом играют коммерческие банки и такие представители монополистического ссудного капитала, как страховые и инвестиционные компании, пенсионные фонды. Процесс концентрации ценных бумаг в кредитно-финансовых учреждениях, выражая важную закономерность движения финансового капитала, выступает одновременно с этим одним из главных факторов, обусловливающих рост неустойчивости биржевых курсов. Кредитно-финансовые институты проводят операции с большими пакетами ценных бумаг, а сделки больших масштабов, как правило, неблагоприятно отражаются на курсах. При этом следует учитывать, что потенциальный размах спекуляций, проводимых монополистическим ссудным капиталом, намного превосходит возможности индивидуальных акционеров. Траектория биржевых курсов становится все более изломанной: в 60-х гг. число колебаний с амплитудой 10% и более равнялось одиннадцати, в то время как только за последние пять лет таких колебаний было тринадцать. Еще одним показателем растущей неустойчивости биржевой конъюнктуры служит тот факт, что в современных условиях объем ежедневных сделок на НИСЕ колеблется в очень больших пределах — от 10 до 35 млн. акций [8]. Вполне понятно, что в обстановке участившихся колебаний курсов корпорациям трудно будет осуществлять новые эмиссии.

Испытывая острую нужду в финансовых ресурсах, корпорации вынуждены были в больших масштабах прибегать к облигационным займам, стремясь тем самым восполнить снижение поступлений от самофинансирования и компенсировать низкий уровень эмиссии акций. Однако выпуск облигаций имеет предел, определяемый отношением заемных средств к собственному капиталу. В качестве «критической» по сложившейся в США традиции принято было считать величину этого отношения, равную 30%. Если займы корпорации составляли более одной трети собственного капитала, то в таком случае ее финансовая структура рассматривалась как шаткая и не внушающая доверия. Однако заемные операции, проводимые корпорациями, увеличивались в таких масштабах, что «критический» рубеж был оставлен далеко позади: за 20 лет рассматриваемый нами коэффициент возрос с 21 до 44% [9]. В результате этого в настоящее время американские корпорации обременены огромными долгами, которые делают весьма затруднительным дальнейший выпуск облигаций.

Представляется целесообразным подчеркнуть то обстоятельство, что НТР ставит в повестку дня осуществление проектов, которые нельзя финансировать традиционными методами, так как размеры требуемых средств исключительно велики. Даже кредит, которым пользуются ведущие корпорации, не может обеспечить финансирование особо крупных проектов. Примеры этого имеются

---

[8] «Financial World», 1973, October, p. 16.
[9] «Harvard Business Review», 1975, March—April, p. 114.

в ряде отраслей экономики. Сумма заемных средств, необходимых для осуществления таких проектов, столь велика, что ни одна корпорация не может показать их в своем балансе, так как это недопустимо нарушило бы соотношение между собственным и заемным капиталом. Корпорации должны поэтому разрабатывать специальную технику финансирования, которая позволила бы мобилизовать большие заемные средства, и в то же время не отразить их в своих балансах, поскольку, как было показано выше, задолженность американских корпораций и без того уже чрезвычайно велика. Один из таких методов получил наименование «финансирование проекта». При его использовании соотношение между собственным капиталом и заемным может достигнуть 1:10, что неосуществимо при обычной практике финансирования акционерных обществ. Однако применение этого и ему подобных методов связано со значительными сложностями и ставит реализацию проектов в зависимость от ситуации на рынке ссудного капитала.

Из сказанного выше следует, что НТР предъявляет такие требования к финансированию новых производств, которые ведут к относительному росту значения внешних источников финансирования монополистических объединений. В результате этого процесс финансирования, от которого во многом зависит практическая реализация научно-технических достижений, еще теснее привязывается к движению рыночной конъюнктуры.

НТР обусловливает такой рост обобществления производства, который требует централизованного распределения капиталовложений в масштабах общества. Производительные силы в своем развитии перерастают и тот уровень, который обеспечивают национальные источники финансирования. Поэтому возникает настоятельная потребность в интернационализации процесса финансирования. Однако в условиях капиталистической системы хозяйства этот процесс осуществляется во внутренне противоречивой форме — в форме интернационального рынка ссудных капиталов, сложившегося на базе кризиса валютной системы и представленного огромными массами евродолларов, которые хаотичностью своего движения усугубляют неустойчивость капиталистической экономики. Итак, неспособность государственно-монополистического капитализма разрешить проблемы финансирования, порожденные ростом обобществления производства в условиях современной научно-технической революции, выступает одной из границ освоения результатов НТР в рамках капитализма.

ГЛАВА 6. ХАРАКТЕР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Послевоенный период характеризуется значительными количественными и качественными изменениями в развитии аграрного сектора капиталистической экономики. Сельское хозяйство разви-

тых капиталистических стран, сравнительно недавно отставшее от промышленности, сейчас переживает небывалый по своим масштабам процесс технической и социально-экономической перестройки. Последняя является результатом современной научно-технической революции, вне которой в настоящее время нельзя рассматривать ни одну сферу капиталистической экономики.

В отличие от промышленной революции XVIII — начала XIX в. и последующих технических переворотов в капиталистическом обществе современная НТР охватила своим воздействием не только промышленность, но и сельское хозяйство. Основные ее направления в этой отрасли сводятся к следующему.

Во-первых, к техническому и технологическому перевооружению отрасли на основе механизации, электрификации и химизации производства. В настоящее время сельское хозяйство, как и промышленность, находится на третьей (машинной) стадии развития капитализма.

Во-вторых, к превращению сельскохозяйственной науки в непосредственную производительную силу, а самого производства в ее технологическое применение.

В-третьих, к организационно-хозяйственной перестройке отрасли, выражающейся в радикальном изменении экономических связей аграрного сектора с другими смежными отраслями национальной экономики и формировании на этой основе агробизнеса или аграрно-промышленного комплекса.

В-четвертых, к новому этапу в развитии концентрации производства и капитала, в процессе которого происходит монополизация сельскохозяйственного производства и в то же время катастрофическое разорение мелких и средних предпринимателей.

Современное сельское хозяйство развитых капиталистических стран располагает орудиями и машинами, обеспечивающими механизацию почти всех видов земледельческих работ, начиная от первичной обработки почвы и кончая послеуборочной обработкой культур. Так, в странах «Общего рынка» в 1972 г. насчитывалось около 4,4 млн. тракторов, около 500 тыс. зерноуборочных комбайнов, много другой техники[1]. Широкое развитие в этой отрасли нашли химизация и электрификация. Однако техническое перевооружение сельского хозяйства в развитых капиталистических странах наталкивается на узкие границы капиталистической частной собственности. Большинство машин используется лишь в короткий сезон работ, поэтому они оказываются неэффективными на тех фермах, где посевная площадь или объем производства в целом незначителен. «Нищенская обеспеченность орудиями и невыносимая дороговизна содержания их, — писал В. И. Ленин, — таков удел мелкого производства при капитализме»[2]. По подсчетам экономистов ФРГ по западноевропейским масштабам производства навесной зерноуборочный комбайн может эффективно использоваться в

[1] «EEC Agricultural and food statistics». London, 1974, p. 34.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 343.

хозяйствах площадью не менее 50 га посевных, картофелеуборочный — при площади не менее 30 га, свеклоуборочный — при площади не менее 30—40 га и т. п. Если учесть, что средний размер хозяйства в странах «Общего рынка» составил в 1970 г. всего лишь 15 га, то очевидно, что только незначительное число ферм отвечает таким условиям [3].

О том, что преобразование производительных сил в сельском хозяйстве носит характер научно-технической революции, свидетельствует роль науки в развитии этой отрасли. Широкое развитие биохимии, агротехники, ветеринарии и других наук обеспечивает частичное высвобождение сельского хозяйства из-под власти природных условий и все большее превращение сельскохозяйственного производства в технологическое применение науки. Сбывается предвидение Маркса: «На место самого рутинного и самого нерационального производства приходит сознательное технологическое применение науки» [4].

Наибольший размах научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства наблюдается в США, где общий объем их финансирования превышает 1 млрд. долл. [5]. Государственные научные учреждения и сельскохозяйственные факультеты университетов разрабатывают, главным образом, теоретические проблемы сельскохозяйственного производства, а промышленные фирмы, производящие удобрения, комбикорма, сельскохозяйственные машины, а также перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, имеют свои собственные научные центры и проводят в области сельского хозяйства исследовательские работы, главным образом прикладного характера.

Коммерческое использование результатов научных и экспериментальных открытий является одним из ключевых факторов конкурентоспособности фермерских хозяйств. Поэтому научные исследования относительно быстро внедряются в сельскохозяйственное производство. Большую роль в этом в странах капитала играют специальные государственные службы, как правило, при министерствах сельского хозяйства, оказывающие сельскохозяйственным производителям консультации по всем вопросам ведения хозяйства, начиная от самых общих проблем хозяйствования до планирования земельного участка, строительства различных коммуникаций, выбора более оптимального сочетания направлений специализации и т. п. В Бельгии на каждого специалиста-консультанта приходится 762 фермы, во Франции — 1200, в Италии — 1352, Дании — 255, Норвегии — 286 [6]. Понятно, что возможность пользования такого рода консультациями предоставляется прежде всего крупным аграрным предпринимателям.

---

[3] «Agricultural adjustment in developed countries». Rome, 1972, p. 87.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 514.

[5] «American journal of agricultural economics», vol. 55, p. 997.

[6] «Research, education and extention in agriculture», ed. by J. Ashton and R. F. Lord, 1969, p. 27.

Научно-техническая революция значительно углубила и расширила производственные связи между сельским хозяйством и промышленностью. Целый ряд функций, традиционно осуществляемых прежде аграрным сектором, перешел к несельскохозяйственным отраслям экономики. В настоящее время почти исключено, чтобы фермер доводил производство своего продукта до полной степени готовности для потребления или чтобы сельское хозяйство само питало себя собственными средствами производства.

От сельского хозяйства отпочковываются и переходят в несельскохозяйственную сферу не только отрасли, связанные со сложной промышленной переработкой аграрного продукта (например, получение сахара из сахарной свеклы), но и операции по первичной обработке продукта (убой скота, сушка и очистка семян и др.). По отношению к промышленным предприятиям, занимающимся переработкой аграрного сырья, фермер выступает как его поставщик.

В результате данных процессов в странах Западной Европы сложился аграрно-промышленный комплекс (АПК), предоставляющий производственно-техническое и организационно-хозяйственное единство трех сфер экономики: I — отраслей, производящих средства производства для сельского хозяйства; II — собственно сельскохозяйственное производство; III — отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию и реализующие ее конечному потребителю.

По данным продовольственной комиссии ООН стоимость продовольственных товаров в развитых капиталистических странах между отдельными сферами АПК распределялась следующим образом [7].

Годы	I сфера	II сфера	III сфера
1950	10%	55%	35%
1965	15%	35%	50%
1980	20%	20%	60%

Таким образом, к 1980 г. ожидается, что на долю сельского хозяйства будет приходиться лишь пятая часть стоимости продовольственных товаров.

В рамках АПК промышленные фирмы начали выполнять целый ряд производственных функций в самом сельском хозяйстве. Так, фирмы, производящие и реализующие средства производства для сельского хозяйства, осуществляют не только снабжение отрасли, но и производственное обслуживание фермерских хозяйств: доставку, а иногда и доработку продукта непосредственно на ферме (например, приготовление комбикормов), ремонт сельскохозяй-

[7] «Agricultural adjustment in developed countries», p. 83.

ственной техники, проведение таких операций, как внесение в почву удобрений, обработку полей инсектицидами, сев и уборочные работы, мелиоративные работы и т. п. Фирмы, закупающие сельскохозяйственную продукцию, берут на себя транспортировку ее с фермы, сортировку, хранение и т. д.

Выполнение такого рода функций несельскохозяйственной сферой АПК сопровождается все большим сосредоточением здесь и труда, овеществленного в сельскохозяйственной продукции. При этом объем производственного обслуживания фермерских хозяйств, выполняемый промышленными фирмами, с каждым годом расширяется и растет. Наиболее полные данные о численности занятых на предприятиях, обслуживающие сельское хозяйство, приводятся в американской статистике. В 1969 г. одновременно со всеобщей сельскохозяйственной переписью проводился и учет предприятий по обслуживанию этой отрасли. Число постоянно занятых (работающих 150 и более дней) на этих предприятиях составило 110 тыс. человек, что эквивалентно одной шестой всей постоянной наемной рабочей силы в сельском хозяйстве. Кроме того, на этих предприятиях было занято 313 тыс. временных работников. Согласно американской статистической отчетности все занятые на обслуживающих предприятиях относятся к промышленным работникам, хотя практически выполняют сельскохозяйственные функции (внесение удобрений на поля, ветеринарное обслуживание и т. п.) [8].

Углубление разделения труда между промышленностью и сельским хозяйством, обособление от последнего многих производственных операций, которые оно ранее выполняло, так же как и развитие агробизнеса само по себе является прогрессивным явлением. Повышается обобществление производства в сфере агропромышленного комплекса, растет производительность труда в производстве продовольственных товаров и т. д. Однако в условиях капитализма эти процессы происходят в антагонистической форме. В силу значительного отставания по уровню концентрации сельское хозяйство попадает в агропромышленном комплексе в подчиненное положение. Современное развитие комплекса сопровождается поэтому усилением эксплуатации фермеров и крестьян со стороны монополий и в сфере обращения (по линии сбыта, снабжения, кредитования), и непосредственно в сфере сельскохозяйственного производства. На страницах журнала американских коммунистов «Политикэл Эффэйрз» указывается по этому поводу: «Американский фермер сегодня формально считается «свободным и независимым» в своей предпринимательской деятельности. Но в действительности его жизнь и деловая активность все больше становятся зависимыми от «Большого бизнеса» [9].

Массовое применение машин, химизация производства и развитие аграрнопромышленных связей вызвали рост капитала в сельском хозяйстве. Еще менее ста лет тому назад его величина опре-

[8] «Political affairs», 1975, March, p. 15.
[9] «Political affairs», 1975, July, p. 24.

делялась поголовьем скота, конным инвентарем да собственными руками фермера. Что же касалось капитала, вложенного в землю и постройки, то он, как правило, переходил от одного поколения к другому, мало видоизменяясь. Сегодня фермерский капитал представляет собой иную картину. Для ведения современной конкурентоспособной фермы, обеспечивающей более или менее приличный доход ее владельцу, необходимо располагать капиталом в десятки раз превышающим его размеры в начале века. Так, в одном американском журнале указывается по этому поводу: «Тридцать пять лет тому назад для того, чтобы заняться бизнесом в сельском хозяйстве, было достаточно производить продукцию на 1 тыс. долл. в год..., а в настоящее время 600 тыс. ферм в США имеют оборот свыше 20 тыс. долл., а сумма активов каждой из них в среднем составляет 221 тыс. долл. ...В среднем, чтобы удержаться в этой сфере бизнеса, нужно располагать капиталом в четверть миллиона долл., а к 1980 г. этот минимум очевидно удвоится» [10].

Капиталовооруженность ферм значительно варьируется от страны к стране: наибольшей капиталоемкостью выделяются фермы в США — в среднем 120 тыс. долл. на одну ферму, а также в Англии (115 тыс. долл.). Такое положение в значительной степени объясняется большими размерами ферм. В Японии же, напротив, капиталоемкость средней фермы невелика, всего 10 тыс. долл., но по вложениям капитала на единицу сельскохозяйственной площади она наряду с Бельгией занимает первое место в мире. Это связано с чрезвычайно интенсивным ведением хозяйства и высокой ценой земли.

В настоящее время по капиталовооруженности труда на одного занятого сельское хозяйство США, Канады, Англии, ФРГ и других стран превзошло обрабатывающую промышленность. Правда, в связи с сезонностью и обширным пространственным расположением производства техническое строение капитала, определяемое отработанным машинным временем, остается ниже, чем в промышленности. Но, несомненно, происходит сближение по уровню технической оснащенности этих двух крупных отраслей капиталистической экономики. По оценке американских экономистов, отношение стоимости потребленного в сельском хозяйстве в 1972 г. основного и оборотного капитала к стоимости рабочей силы составило 4,2 к 1 по сравнению с 1,4 к 1 в 1949 г. [11].

Особенностью сельского хозяйства, указывал К. Маркс, является то, что накопление капитала и рост его органического строения сопровождается не только относительным, но и абсолютным сокращением живого труда. Процесс сокращения рабочей силы в этой отрасли начался разновременно в различных странах. До войны даже в наиболее развитых капиталистических странах, за исключением США и Англии, темпы сокращения сельскохозяйственного населения были менее 0,5%, в Японии и Австралии практически

[10] «Agricultural adjustment in developed countries», p. 83.
[11] «American journal of agricultural economics», 1974, vol. 56, N 1, p. 158.

до 50-х гг. продолжался рост численности занятых в отрасли, а в Новой Зеландии сокращение занятых началось в 60-е гг. В настоящее время миграция сельскохозяйственного населения охватила все страны современного капитализма, и, как показывают данные прогноза сельскохозяйственной и продовольственной комиссии при ООН, этот процесс будет происходить нарастающими темпами и в ближайшее десятилетие.

Переход сельского хозяйства от мануфактурной к машинной стадии производства открыл новый этап поляризации фермерства. С одной стороны, происходит бурный рост концентрации и централизации сельскохозяйственного производства на крупных фермах и, с другой стороны, драматический по своим масштабам процесс обнищания и пролетаризации мелких и средних предпринимателей. На международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве Л. И. Брежнев отметил: «Процесс концентрации сельскохозяйственного производства в руках крупных предпринимателей влечет за собой все усиливающееся разорение мелких и средних фермеров и обострение социальных противоречий в деревне» [12].

В основе усиления позиций крупнокапиталистического аграрного предпринимательства лежит не только гораздо более широкое, чем в мелком производстве, использование достижений НТР, но и те привилегии, которыми пользуется крупный бизнес во всей системе государственно-монополистического капитализма. Сюда можно отнести и более выгодные условия аренды и покупки земли у собственников, и преимущественное субсидирование этих хозяйств государством, и скидки в цене и проценте, представляемые крупным предпринимателям банковскими и торговопромышленными монополиями.

В результате этого в настоящее время процесс концентрации происходит с удвоенной силой. За последние двадцать лет ежегодные темпы роста средних размеров ферм соответственно составили: в США — 3,5%, Канаде — 2,4, Франции — 2,3, в ФРГ — 1,9, Нидерландах и в Италии — 1,6% и т. п. На долю 10% ферм в странах Западной Европы приходится, как правило, 40—50% сельскохозяйственного производства. Наибольшая концентрация производства наблюдается в США и Англии. В 1970 г. на долю 31 тыс. американских ферм, имеющих объем продажи сельскохозяйственной продукции 100 тыс. и более долларов и составляющих лишь 5% всего числа ферм, приходилось более четвертой части всего сельскохозяйственного производства [13].

Как далеко зашел процесс концентрации производства и капитала в странах развитого капитализма, свидетельствует идущий в настоящее время процесс образования сельскохозяйственных моно-

---

[12] Брежнев Л. И. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. М., Политиздат, 1969, с. 22—23.

[13] «Monthly bulletin of agricultural economics and statistics», 1975, vol. 24, N 1, p. 5.

полий, эксплуатирующих сотни и даже тысячи сельскохозяйственных рабочих. Английские экономисты Дональдсоны в книге «Британское сельское хозяйство сегодня» сообщают: «Сельское хозяйство сегодня имеет своих миллионеров, свои корпорации и акционерные общества». В сельском хозяйстве США насчитывалось в 1969 г. 20,5 тыс. корпораций, составляющих лишь 0,6% численности ферм и производящих 15,6% валовой продукции, в том числе около 900 корпораций имели оборот свыше 1 млн. долл.[14]. Примером служит и крупнейшая в Западной Европе ферма-компания «Иствуд и К», сосредоточившая в своих руках несколько миллионов бройлеров, выращиваемых на мясо. Общая площадь фермы 12 тыс. га. Компания эксплуатирует труд 3 тыс. постоянных работников, а чистая прибыль приближается в 3 млн. ф. ст.[15].

Растущий гнет государственно-монополистического капитализма и массовое разорение фермерства в условиях современной НТР создают возможность вовлечения последних в ряды участников антимонополистического фронта, превращения в союзника рабочего класса в борьбе против монополий, империализма за демократическое преобразование социальной системы современной капиталистической деревни. В документах московского международного Совещания коммунистических и рабочих партий указывается: «Сближение интересов крестьянства, городских средних слоев и интеллигенции с интересами рабочего класса, их растущее сотрудничество ведут к сужению социальной базы власти монополий, обостряют ее внутренние противоречия и содействуют мобилизации широких масс на борьбу против монополий, империализма»[16].

Еще в более тяжелом положении в современных условиях оказывается сельский пролетариат. Индустриализация производства влечет за собой все большее сокращение численности этого класса. Сельскохозяйственный пролетариат является наиболее эксплуатируемым отрядом рабочего класса в странах развитого капитализма. Средняя заработная плата сельскохозяйственного рабочего составляет от $^1/_2$ до $^3/_4$ оплаты труда промышленного рабочего. Социальная несправедливость этого особенно очевидна, если принять во внимание, что по уровню квалификации первый фактически не уступает второму, а производительность труда приближается к ее уровню в промышленности. Тяжелое положение сельскохозяйственных рабочих в значительной степени объясняется слабой организованностью, являющейся прямым следствием их разбросанности и распыленности по территории страны.

Все большее число банкротств мелких и средних сельских предпринимателей, резкое ухудшение положения сельского пролетариата выдвигает аграрный вопрос на передний край классовой борьбы. Единственно верными защитниками интересов сельских трудящих-

[14] Donaldsons F. and J. Farming in Britain to-day. London, 1969, p. 7.
[15] «Farmers weekly», 1968, 29 Oct., p. 65.
[16] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., Политиздат, 1969, с. 308.

ся выступают коммунистические партии. Программы компартий США, Великобритании, ФРГ, Италии, Франции и других стран в разделе по аграрному вопросу включают требования: всесторонней помощи мелким и средним хозяйствам в деле их технического оснащения; равенства в оплате труда сельскохозяйственных рабочих с промышленными и распространение на сельскохозяйственный пролетариат социального обеспечения.

Научно-техническая революция в аграрном секторе современного капитализма оказывает огромное воздействие на уровень производительных сил в этой отрасли и в то же время все больше обостряет социально-экономические противоречия. Это усиливает как объективные, так и субъективные предпосылки нового общественного строя. Только в условиях социализма имеется возможность использования результатов НТР в интересах сельских трудящихся, всего общества в целом.

ГЛАВА 7. КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СФЕРЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ РАЗРАБОТОК ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Стремительное развитие сферы научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) является одним из основных признаков НТР. Однако в условиях капитализма, где вся экономика подвержена циклическим спадам, и сфера НИОКР не является исключением, на рубеже 70-х гг. появились признаки того, что в сфере частнокапиталистических исследований и разработок развивается серьезный спад.

Вплоть до 70-х гг. эта сфера развивалась без каких-либо замедлений или спадов — затраты на исследования и разработки неуклонно возрастали, так же как и численность в ней занятых. Причем рост этих величин следовал экспоненциальному закону. Однако на рубеже 70-х гг. положение изменилось. В табл. 6 приведены расходы частных фирм США на исследования и разработки и процент от валового национального продукта (ВНП), который составляют эти расходы. В третьей строке даны расходы в неизменных ценах (1958 г. — 100%).

Из табл. 6 видно, что как удельный вес затрат, так и их абсолютная величина в неизменных ценах достигли максимума в 1969 г., а затем началось их снижение. Это первое снижение за все то время, за которое имеются статистические данные о затратах на НИОКР. В предшествующий период рост ассигнований продолжался вне зависимости от общего состояния экономики страны.

В зарубежной прессе все чаще встречаются высказывания бизнесменов, недовольных результатами работ в принадлежащих им лабораториях и выражающих сомнения в целесообразности дальнейшего наращивания исследований. Если в 60-х гг. руково-

Таблица 6

Расходы частных фирм США на исследования и разработки

	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.
Расходы на НИОКР в млрд. долл.	2,5	4,4	6,5	8,9	9,9	10,3	10,6	11,3
% к ВНП	0,62	0,88	0,94	1,03	1,06	1,05	1,01	0,97
Расходы на НИОКР в неизменных ценах	2,7	4,3	5,9	7,3	7,7	7,6	7,5	7,7

Источник: «Statistical Abstract of the United States». Washington, D. C., 1974, p. 374, 532.

дители фирм делали такие заявления: «Мы сомневаемся, что много крупных компаний в 80-х годах смогут просуществовать десять лет без крупных изменений в выпускаемой продукции... вероятно, что будет больший спрос на людей, способных к творчеству, и они будут цениться выше» [1] или «Введение новых продуктов необходимо для успеха фирмы на современном рынке» [2], то уже в 1973 г. появились высказывания, практически противоположные первым: «Весьма маловероятно, что (в 70-х гг. — *Е. Ф.*) вернется золотая пора в области исследований и разработок с ее упором на рост возможностей и на новые продукты» [3]. (По различным оценкам на разработки новых продуктов идет до 90% всех затрат фирм на НИОКР).

Замедлились темпы создания новых продуктов. Издательство Макгроу-Хилл регулярно проводит опросы фирм, выясняя, какой процент от общего объема продаж придется на новую продукцию фирм через три года, считая от года проведения опроса. И если в 1970 г. ожидалось, что доля новой продукции в 1973 г. достигнет 19% (максимальная цифра за все время проведения опросов), то опрос 1971 г. дал для 1974 г. 16%, а опрос 1973 г. для следующего трехлетия — лишь 13% [4]. (Под новой продукцией понимается продукция, не выпускавшаяся четыре года назад.)

Еще один серьезный признак спада — заметный рост безработицы среди ученых и инженеров. Ведь еще несколько лет назад этим профессиям безработица была практически неизвестна, а в 1971 г. средний процент безработицы среди ученых составил 2,6%, а максимального значения уровень безработицы достиг для группы наиболее молодых ученых (до 24 лет) — 5,5%. Рост безработицы

[1] Richards M., Nielender W. Reading in Managment. Ohio, 1969, p. 41.

[2] «U. S. News and World Report», 1971, 11 January, p. 72.

[3] «Research Management», 1973, May, p. 73.

[4] Magrow-Hill Survey. «Business Plans for Research and Development Expenditures», 1970, May; 1971, May; «Business Week», 1973, 12 May, p. 198.

среди ученых, видимо, привел к появлению специального раздела о безработице в сфере НИОКР в американском статистическом сборнике — Statistical abstract of the United Stases. До 1971 г. такого раздела не было. Рост безработицы очевидно связан с уменьшением общей численности занятых НИОКР. В табл. 7 дана численность ученых и инженеров, занятых исследованиями и разработками в частных фирмах США.

Таблица 7

Численность ученых и инженеров, занятых исследованиями и разработками в частных фирмах США (в тыс.)*

Год	1950	1955	1960	1962	1964	1966	1968	1970	1975
Численность занятых	103	180	282	319	351	370	387	372	360

* Источник: «Statistical abstract of the United States», 1973, p. 527 «Science Resources Studies Highlights», N. S. F., Washington, D. C., 1976, October 27

Следует отметить, что для ученых даже относительно небольшой уровень безработицы будет иметь весьма серьезные последствия. Ученый-исследователь имеет наиболее узкую специализацию среди всех профессий, и поэтому безработному ученому будет значительно сложнее найти новое место работы, чем безработным других специальностей. Отсюда нарастание трудностей в сфере НИОКР может иметь серьезные социальные последствия.

Чем же можно объяснить отмеченные явления? На наш взгляд, одной из основных причин спада в сфере НИОКР служит падающая эффективность затрат на исследования и разработки. Эффективность любой экономической сферы в общем виде измеряется отношением выходных параметров этой сферы к ее входным показателям, отношением «результаты — затраты». Как мы уже упоминали, затраты частных фирм на исследования и разработки росли до 70-х гг. по экспоненте и с 1921 по 1971 г. выросли в 73 раза в текущих ценах. Разумеется, большая часть этого роста имеет инфляционный характер, поэтому рост затрат на НИОКР в неизменных ценах за упомянутый период составляет 28 раз, причем зависимость от времени сохраняет экспоненциальную форму.

Аналогичную картину имеет и динамика занятых исследованиями и разработками. Численность ученых и инженеров в американской промышленности увеличилась за указанный период в 53 раза [5].

[5] Подсчитано по: «Statistical abstract of the United States» и данным, приведенным в книге: Nelson R., Peek M., Kalacheck E. Technology, Economic Growth and Public Policy. Washington, D. C., 1967, p. 46.

Обратимся теперь к выходным параметрам сферы НИОКР. Важнейшим из них, на наш взгляд (применительно к задаче оценки эффективности), является патентная статистика, т. е. число ежегодно регистрируемых изобретений. Именно изобретения, т. е. новые технические решения, и дают рост производительности труда, который является конечной целью всяких исследований и разработок. В отличие от входных показателей сферы НИОКР число патентов, ежегодно выдаваемых патентным ведомством США, не обнаруживает тенденций к стремительному росту. За последние пятьдесят лет число ежегодно выдаваемых в США патентов практически колеблется вокруг уровня в 40 тыс. патентов[6]. Если исключить из рассмотрения годы войны и первые послевоенные годы, то можно получить тренд числа патентов, выдаваемых частным фирмам. Тренд строился с помощью линейного уравнения регрессии. В результате было установлено, что в период 1921—1941 гг. число патентов, выдаваемых за год частным фирмам, увеличилось в 1,7 раза, а за период 1963—1973 гг. эта величина увеличилась в 1,8 раза. Таким образом, число патентов, ежегодно получаемых частными фирмами, за период 1921—1970 гг. увеличилось примерно в 3 раза, а затраты этих фирм на исследования и разработки возросли в 28 раз. Можно также показать, что общее число изобретений в промышленно развитых странах составляет практически постоянный процент к численности населения тех стран, где они сделаны — в среднем 190 патентов на 100 тыс. жителей для периода с 1921 по 1970 г. Таким образом, многократное увеличение затрат на исследования и разработки и численность научного персонала не привели к заметному росту этого показателя.

Ранее нами был получен аналогичный результат для другого выходного параметра научно-технического прогресса, а именно крупных технических решений, под которыми понимались новые наименования промышленной продукции в цензах обрабатывающей промышленности США. По расчетам, в машиностроении США за десятилетний интервал времени появилось около 800 новых крупных технических решений, причем это число было постоянно в интервале с 1921 по 1967 г.[7]. Следует подчеркнуть, что число новых крупных технических решений является совершенно самостоятельным выходным параметром сферы исследований и разработок, он никак не связан с числом патентов.

Таким образом, рост входных параметров сферы НИОКР имеет опережающий характер по сравнению с ростом выходных параметров: экспоненциальный рост (до семидесятых годов) затрат (в 28 раз) и числа занятых (в 53 раза), с одной стороны, и стабильность крупных технических решений в сочетании с небольшим линейным ростом числа ежегодно выдаваемых патентов (только в три раза).

[6] «Journal of the Patent Office Society», 1962, 2 February; «La Proprieté Industrielle, qeuei» за соответствующие годы.

[7] «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 7, с. 53—64.

Полученное соотношение между динамикой входных и выходных показателей сферы НИОКР означает падение эффективности этой сферы, что и является, на наш взгляд, одной из основных причин спада в этой сфере. Поскольку рост затрат не дает адекватного роста результатов в виде изобретений, то в сфере частнокапиталистических невоенных НИОКР рано или поздно возникает своего рода «разочарование», которое может привести к временному прекращению роста капиталовложений в эту сферу или даже к «бегству» капитала из сферы. Стихийность капиталистической экономики придает этому процессу дополнительное ускорение, точно так же как это происходит в период обычного спада (циклического) производства.

Под влиянием успеха нескольких крупных исследовательских проектов типа манхэттенского проекта (создание атомной бомбы) или космических достижений в мире бизнеса на исследования и разработки стали смотреть как на универсальное средство решения всех проблем. В конце 50—60-х гг. научные исследования становятся «модными», иметь исследовательскую лабораторию — дело престижа фирмы. В этот период реклама всячески подчеркивает, что рекламируемый продукт создан в результате больших исследований. Отсюда и стремительный рост затрат на НИОКР. Однако довольно быстро становится ясно, что увеличение расходов на исследования и разработки не приводит к соответствующему росту результатов. Похоже, что увлечение наукой было чрезмерным. «В эру «после спутника» мы чрезмерно поощряли возможные научные достижения и потратили массу денег в погоне за вещами, которые в действительности дали нам очень немного», — писал директор исследовательского центра одной из крупнейших американских радиоэлектронных фирм [8].

Вовлечение в сферу НИОКР все большего числа людей не сопровождается соответствующим ростом числа изобретений. Отсюда и спад интереса со стороны промышленников к научным исследованиям, сокращение числа лабораторий и тому подобные явления. Нужно отметить, что хотя мы вели рассмотрение кризисных явлений в НИОКР на примере США, в других странах капитализма также отмечаются похожие явления и примерно в то же время. Однако там эти кризисные явления не приобрели такую остроту, как в США, что, видимо, связано с тем, что сфера НИОКР США значительно опережает аналогичные сферы других стран и поэтому кризисные явления там проявляются и раньше, и острее.

Нужно подчеркнуть, что отмеченный нами спад в сфере НИОКР не связан непосредственно с экономическим кризисом 70-х гг., поскольку последний развернулся на несколько лет позже начала спада в НИОКР.

Несколько слов следует сказать о сфере военных исследований и разработок. Пока мы рассматривали только сферу невоенных

[8] «U. S. News and World Report» 1974, 5 August, p. 29.

исследований, проводимых частными фирмами. Это вызвано тем, что для сферы военных НИОКР мы не имеем какого-либо выходного показателя, пригодного для статистических исследований. В отличие от гражданской сферы результаты военных НИОКР не патентуются, а засекречиваются. Однако очевидно, что сфера военных исследований не отделена от сферы НИОКР, проводимых в гражданских целях. Обе сферы используют схожие формы организации исследовательской работы. Как над военными, так и над гражданскими исследованиями работают выпускники одних и тех же учебных заведений. Совсем не редкость, когда одна и та же лаборатория разрабатывает и военные, и гражданские объекты или когда ученый переходит от военных исследований к гражданским и наоборот. Поэтому у нас есть все основания предположить, что если бы мы имели для сферы военных исследований какой-либо пригодный для статистической обработки выходной параметр, то соотношение между его динамикой и динамикой затрат (которые, как известно, осуществляются государством) не отличались бы по своему характеру от полученных нами зависимостей «вход — выход» для невоенных исследований.

Вместе с тем очевидно, что спад в НИОКР вряд ли коснется сферы военных исследований и разработок. В этой сфере вопросы эффективности затрат не стоят так остро, как при разработке гражданской техники. Расходы на исследования и разработки военной техники оплачиваются за счет налогоплательщика. Спрос на военную технику не зависит от конъюнктуры. Поэтому в сфере военных исследований не может начаться «бегство капитала» как следствие падающей эффективности затрат. Спад в сфере военных НИОКР возможен, но не по экономическим, а по военно-политическим причинам (например, заключением соглашения о разоружении). Государственные расходы на НИОКР превышают соответствующие затраты частных фирм, поэтому спад в сфере НИОКР неизбежно весьма ограничен. Более того, рост государственных затрат может в определенной степени компенсировать снижение в сфере частного предпринимательства с соответствующим перераспределением ученых и инженеров между этими сферами. То есть спад в НИОКР, вызванный тем, что частный капитал не способен планомерно развивать эту область, ослабляется за счет влияния государственно-монополистической сферы, однако не преодолевается полностью.

Чем можно объяснить падающую эффективность затрат на НИОКР? При анализе этого явления прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что действительно крупные изобретения, явившиеся поворотными пунктами в техническом прогрессе, как правило, сделаны с очень небольшими затратами: транзистор, мазер, лазер, роторный двигатель, схема управления объектами по радио были разработаны группами, состоящими не более чем из десяти человек. Электронная лампа, пенициллин, промышленный способ получения титана, циклотрон, каталитический крекинг неф-

ти, магнитная звукозапись, турбореактивный двигатель, ксерография и ряд других крупных изобретений нашего века сделаны изобретателями-одиночками. Естественно, что затраты на создание перечисленных изобретений были невелики.

С другой стороны, ряд исследователей отмечает, что большинство исследований и разработок в промышленности дают незначительные результаты. «Основная масса исследований и разработок, проводимых частными фирмами, заключается в скромных усовершенствованиях существующей продукции, таких, как ежегодные изменения в конструкции автомобилей, постепенные улучшения холодильников и пылесосов, незначительные увеличения скорости и производительности станков. Радикально новые продукты и процессы являются скорее исключением, чем правилом»[9]. Таким образом, есть основания полагать, что значительная часть затрат на исследования и разработки частными фирмами идет на создание продуктов, в большинстве своем незначительно отличающихся по технико-экономическим параметрам от старых моделей. Например, по некоторым оценкам, лишь три процента от полутора миллиардов долларов, затрачиваемых ежегодно тремя крупнейшими американскими автомобильными компаниями на изменения моделей, идет на действительное улучшение технико-экономических характеристик выпускаемых автомобилей[10].

Конечно, технический прогресс возможен и без крупных изобретений. Разработка новой, более экономичной модели автомобиля или модели самолета, обладающей большей грузоподъемностью и дальностью полета, идет на базе нескольких известных технических решений, которые не меняются от модели к модели. Задуманные технико-экономические параметры достигаются с помощью обычной конструкторской разработки с использованием известной техники и технологии — известным способом повышается прочность конструкции, или наоборот, снижается вес за счет применения облегченных конструкций. Определенная часть исследований (в прямом значении этого слова) носит не творческий, а рутинный характер — например, исследование свойств материала в тех или иных режимах, в которых будет работать создаваемое устройство, или получение характеристик устройств. Такие исследования ведутся по отработанной методике без элементов творчества. Разумеется, в процессе работы, в особенности над крупным и сложным проектом, некоторые усовершенствования отдельных узлов выполняются на уровне изобретений и на них могут быть получены патенты, но значительных изменений не происходит. Исходя из изложенного, можно предложить следующую гипотезу. Научно-технический прогресс за последние пятьдесят лет в странах капитала идет по «экстенсивному» пути — повышение технико-

[9] Nelson R., Peek M., Kalacheck E. Op. cit., p. 54; см.: Мэнсфилд Э. Экономика научно-технического прогресса. М., «Прогресс», 1970, с. 123—124.

[10] «International Herald Tribune», 1971, 19 April.

экономических параметров техники осуществляется не столько за счет поиска оригинальных крупных технических решений, сколько за счет дорогостоящих и трудоемких «массированных» конструкторских разработок и исследований. Нужный эффект достигается суммой незначительных усовершенствований и модификаций известных технический решений.

Возможно, что одной из причин этого явления служит распространение современной системы коллективных НИОКР, которая не поощряет создание крупных изобретений, а направлена на достижение желаемых технических характеристик разрабатываемых устройств. Запланированные характеристики могут быть достигнуты либо с помощью крупного изобретения, либо суммой мелких усовершенствований. Изобретение — это оригинальное, нестандартное решение технической задачи. Естественно, что неопределенность крупного изобретения выше неопределенности суммы усовершенствований. Поэтому для крупного изобретения очень трудно оценить время, которое потребуется на его создание, и величину необходимых для этого затрат. Столь же трудно оценить и характеристики готового продукта, основанного на этом изобретении. Вместе с тем, как мы уже отмечали, крупное изобретение обходится значительно дешевле стандартного подхода к решению технической задачи. Руководитель современного исследовательского подразделения обычно довольно жестко связан сроками разработки изделия и заранее запланированными характеристиками будущего устройства. Поэтому при выборе пути технического решения руководитель проекта неизбежно склоняется на более простой и надежный путь — путь мелких усовершенствований, даваемых массированным использованием рутинных исследований и трудоемкой конструкторской разработки, что и приводит к значительному росту затрат, благо их пределы, как правило, более подвижны, чем сроки разработки и конечные характеристики разрабатываемого изделия.

Рассмотренный нами спад в сфере частнокапиталистических НИОКР не следует отождествлять с «кризисом научно-технического прогресса», «закупоркой производительных сил» и т. п. Трудности в сфере исследований и разработок скорее всего весьма незначительно скажутся на самом научно-техническом прогрессе — видимо, изменятся организационные формы проведения исследований и разработок, временно утихнет наблюдавшийся в послевоенное время «бум» новых продуктов за счет сокращения числа изделий, имеющих чисто внешнюю, нетехническую новизну (рыночную), уменьшится скорость смены новых моделей, которая в настоящее время явно превышает скорость накопления новых технических идей, закладываемых в эти модели. Социальные же последствия этого спада могут быть значительно серьезнее его чисто технических последствий, поскольку этот спад затрагивает прежде всего интеллигенцию.

Раздел III.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА 1. НАЕМНЫЙ ТРУД В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В эпоху перехода человечества к социализму материальной основой и двигателем всех революционных перемен выступает, в конечном счете, развернувшаяся в мире научно-техническая революция. Носителем этих коренных преобразований является международный рабочий класс. В Отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде КПСС был выявлен залог неминуемой победы социалистического мира над капиталистическим: возможность органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социализма. В центре такого беспримерного революционного скачка в производительных силах, как нынешняя научно-техническая революция, и столь фундаментально перестраивающего судьбы общественных отношений переворота, как социалистическая революция, находится, т. е. творит и борется, человек. В условиях противоборства двух систем на арене научно-технической революции большую теоретическую и политическую важность приобретает доказательство того, что система наемного рабства органически несоединима с научно-технической революцией, создающей потребность и необходимость постоянного развития человека. В этой связи проблему можно сформулировать следующим образом: какова роль научно-технической революции в умножении потенций наемного труда, как капиталистическая форма соединения рабочей силы со средствами производства ставит границу реализации достижений НТР в системе капитализма.

Характеристики наемного труда, данные в произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и программных документах международного коммунистического движения, дают основание рассматривать наемный труд в четырех взаимосвязанных отношениях:

а) как главную производительную силу общества в системе производительных сил и самый подвижный их элемент;

б) как форму соединения рабочей силы со средствами производства, живой, «неиссякаемый» источник прибавочной стоимости;

в) как массового потребителя;

г) как антагониста и соперника капитала по освоению научно-технической революции, революционный класс, органически соеди-

няющий развитые производительные силы общества с освобождением самого человечества.

В условиях общего кризиса капитализма ориентация научно-технического прогресса и рационализация производства на предельное выжимание физических сил наемного рабочего натолкнулась на определенные границы. Использование мускульной энергии человека как главного источника прибавочного труда с помощью потогонных систем заработной платы за определенными пределами ведет к быстрому и необратимому разрушению человеческого организма.

Научно-техническая революция поначалу открыла капиталистическим монополиям выход из тупика, создавая возможность мобилизации всех потенций человеческого организма (нервно-психической энергии, интеллектуальных способностей логического мышления, счета, памяти и т. д.) для создания прибавочной стоимости. При этом мобилизация всех сил организма на производство прибыли не могла быть достигнута прежними, потогонными системами (тэйлоризм, фордизм), выжимавшими из пролетария физическую силу, потребовались более изощренные приемы «самоотдачи» потенций рабочей силы, самой личности ее носителя. Такими приемами психического насилования личности в трудовом процессе стали системы «мэйоизма»[1] и другие варианты «человеческих отношений».

В связи с анализом сущности научно-технической революции отмечалось, что самым динамичным элементом в системе производства следует считать человека, способность к труду, т. е. рабочую силу. В. И. Ленин считал трудящихся главной производительной силой. При этом уместно отметить следующее. Иногда ссылаются на известное положение Маркса о том, что исторические эпохи отличаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими орудиями труда[2]. Заметим, что у Маркса между словами «как производится» и «какими орудиями труда» нет слова «то есть». «Как производится» означало для Маркса, в каких системах производственных отношений, какие люди осуществляют преобразование орудий труда и всей техники. Но мало признать, что техника не сама по себе совершенствуется, важно правильно оценить роль человеческого фактора в ее развитии, особенно в условиях такого революционного скачка, каким является научно-техническая революция.

В условиях научно-технической революции наука и техника определяют развитие самой рабочей силы. Однако новые потенции и способности человека раскрываются и мобилизуются исключительно в целях наживы. Здесь заключается основа конечной несовместимости НТР с производством прибыли, ибо невозможно

---

[1] По имени Мэйо, одного из ее родоначальников.

[2] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

развивать рабочую силу, не развивая личности ее носителя. Так, в самой логике НТР содержится предпосылка снятия с этого процесса его капиталистической оболочки.

Что касается капитализма, то следует отметить, что сложный труд чреват большей массой прибавочной стоимости при той же численности занятых. Когда же контингент сложной рабочей силы возрастает, масса эксплуатации растет еще более стремительно. Поэтому формирование рабочей силы, способной к отдаче сложного труда, стало самым характерным спутником НТР и одной из главных функций всех систем государственно-монополистического капитализма. Известно, что К. Маркс в «Капитале» при исчислении стоимости рабочей силы приравнивал расходы на образование к нулю ввиду их ничтожности в те времена. Ныне же ассигнования на систему образования выросли в одну из основных статей государственных бюджетов буржуазных государств, вовлеченных в освоение НТР. В Соединенных Штатах эти расходы перевалили за 70 млрд. долл. ежегодно, в том числе ассигнования на вузы достигли 40 млрд. (Причем если в 50-х гг. существовало резкое отставание ассигнований на высшее образование от расходов на науку, то в 60-х гг. американские вузы обогнали сферу расходов на научные исследования.) Интересно, что если в 30-х гг. расходы на капиталовложения превосходили ассигнования на образование в США, то в 50—60-х гг. суммы, выделенные на образование, были выше расходов в капитал и лишь к 70-м гг. эти сферы сравнялись. Осуществление требований НТР привело к удлинению среднего срока обучения лиц наемного труда до 13 лет. С 1950 по 1970 г. процент обучавшихся более 12 лет вырос с 50,3 до 61%, а проходивших обучение менее 10,5 лет, упал с 19,5 до 8,8%.

Вместе с тем, отставание перестройки школы и формирования рабочей силы нового профиля мешает пользоваться плодами научно-технической революции. Так, в Англии переоборудование промышленного аппарата сдерживается низкой обученностью рабочей силы. В электропромышленности и приборостроении 70% рабочих не соответствуют предъявляемым требованиям.

В условиях освоения научно-технической революции с особой силой подтверждается тезис К. Маркса о том, что производство развивает влечение к потреблению, а потребление порождает новые способности производителя. НТР содействует тому, что у рабочего класса и трудовой интеллигенции рождаются новые запросы и потребности интеллектуального, морального, гражданского характера, растут самосознание и чувство собственного достоинства и нетерпимости к самой торгашеской атмосфере буржуазной цивилизации. Разрыв между все более интенсивным вовлечением самых различных сторон человеческой личности в процессе производства прибавочной стоимости и скудостью средств «внеденежного», внетоварного покрытия трудовых затрат, а порой и подавление запросов выражает усиление действия всеобщего закона капиталистического накопления.

Наконец, весьма сложный политико-экономический вопрос, связанный с изучением характера и места наемного труда в условиях научно-технической революции, заключается в следующем: насколько совместима с целями максимизации прибыли интеллектуализация и индустриализация наемного труда и не сменится ли ее дальнейшее развитие на поворот «вспять», т. е. от усложнения рабочей силы к ее переориентации на «кнопки» и «клавиши»? Это опасность весьма реальная, ибо среди движущих сил современной системы капитализма продолжает существовать и тенденция к загниванию и паразитизму. Уже на современном этапе развития НТР в капиталистическом обществе обнаружились ее тупики и границы. Во-первых, рост стоимости рабочей силы ведет к ограничению нормы прибавочной стоимости. Во-вторых, формирование производственных способностей наемного труда неотделимо от развития пролетариата — коллективной личности носителя рабочей силы. На определенном этапе реализации научно-технической революции повышение уровня самосознания наемного труда вступает в конфликт с социальными установками капитала и его государства (отсюда замедление роста продолжительности школьного обучения, сокращение школьных программ, повышение платы за обучение в вузах и т. д.). Так, в США с 1970 по 1975 г. количество школьников сократилось с 51,3 до 49,2 млн. человек. Среднегодовая стоимость пребывания в американских университетах удвоилась в период с 1965 по 1975 г.

В-третьих, автоматизация производства открывает возможности к новому упрощению трудовых операций, следовательно, таит в себе возможность к новому упрощению наемного труда, к сведению его к более примитивному уровню. Нынешний циклический кризис экономики мирового капитализма произвел обесценение переменного капитала в виде беспримерной девальвации знаний и квалификации, приобретенных наемным трудом. Обесценение полученных в школе знаний подорвало почву для утверждений о том, что долговечность знаний, профессий и квалификации вдвое продолжительнее серийного срока выпуска машин и оборудования.

Разумеется, эти тенденции, диктуемые капиталом, не фатальны. Напротив, рабочий класс, его боевой авангард — коммунистические партии и возглавляемые ими профсоюзы отвергают предложения о выходе из экономического кризиса посредством развития исключительно капиталоемких производств и их автоматизации. Прогрессивные силы держат курс на перестройку экономики на пути развития производств, впитывающих массы обученной сложному труду рабочей силы, носителем которой станет высокоразвитый в политическом, революционном смысле пролетариат.

За треть века интенсивного развития в странах капитала НТР в достаточной степени выявила себя как процесс, не вмещающийся в рамки производственных отношений капитализма, как процесс создания материально-технических, трудовых и личностных предпосылок социалистического и коммунистического производства.

ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ДЕЙСТВИЕ ВСЕОБЩЕГО ЗАКОНА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Анализ влияния научно-технической революции на действие всеобщего закона капиталистического накопления предполагает рассмотрение влияния научно-технической революции на состав совокупной рабочей силы, на условия воспроизводства рабочей силы, на динамику изменения органического строения капитала, на занятость и безработицу и, наконец, на формы, в которых проявляется ухудшение положения рабочего класса.

Научно-техническая революция явилась важнейшим фактором существенных изменений в составе совокупной рабочей силы. Эти изменения идут в следующих основных направлениях. Во-первых, четко обозначилась тенденция к увеличению доли квалифицированных рабочих. Во-вторых, развитие научно-технической революции ускорило изменения в профессиональном составе рабочих. В-третьих, научно-техническая революция ускорила расширение рамок совокупного производительного рабочего за счет увеличения доли научных и инженерно-технических работников, а также служащих, занятых производительным трудом в отраслях материального производства. Особенно наглядно это проявилось в отраслях, оснащенных новейшей техникой. В-четвертых, научно-техническая революция ускорила пролетаризацию трудящихся масс и вызвала существенные сдвиги в социальной структуре рабочего класса. Это проявилось в дальнейшем росте доли занятых наемным трудом, в повышении доли занятых в непроизводственной сфере, в быстром увеличении доли инженерно-технических работников и служащих, в сближении многих категорий инженерно-технических работников и служащих по социально-экономическому положению с квалифицированными промышленными рабочими.

Развитие научно-технической революции ведет к существенным изменениям в условиях воспроизводства рабочей силы. Наряду с увеличением спроса на квалифицированных и высококвалифицированных рабочих, инженерно-технических и научных работников наблюдается повышение необходимого минимума общеобразовательной подготовки рабочей силы.

Существенно изменяются формы профессиональной подготовки квалифицированных рабочих. Подготовка рабочих, обслуживающих высокомеханизированное и автоматизированное производство, может быть успешно осуществлена лишь с помощью специального профессионально-технического обучения, которая обеспечивает приобретение не только необходимых навыков, но и определенный минимум технических знаний и технической грамотности. Характерное для современного развития производительных сил ускорение обесценения многих старых профессий и моральное устаревание ранее приобретенных навыков и знаний делает также актуальной переподготовку рабочей силы.

Условия высокомеханизированного и автоматизированного производства явились источником существенного изменения характера труда рабочих. Эти изменения идут в направлении уменьшения физической тяжести труда, резкого повышения нагрузки на нервную систему и увеличения расходования умственной энергии.

Обусловленные научно-технической революцией повышение необходимого минимума общеобразовательной подготовки, изменение форм и роли профессиональной подготовки, общая тенденция к повышению уровня квалификации рабочей силы и изменения в характере труда ведут к изменению условий воспроизводства рабочей силы, становятся причиной роста уровня необходимых потребностей рабочего класса.

Существенное повышение реальной заработной платы, которого рабочий класс добился ценой упорной классовой борьбы, не обеспечивает полностью удовлетворение возросшего уровня потребностей, а следовательно, не обеспечивает нормальные условия воспроизводства рабочей силы.

Развитие научно-технической революции является фактором дальнейшего повышения органического строения капитала. Особенно быстро растет органическое строение капитала при переходе к полной автоматизации, когда рост производства сопровождается резким уменьшением численности рабочих и увеличением доли постоянного капитала.

Однако рост производительности труда, определяя собой тенденцию роста органического строения капитала, одновременно выступает и как фактор, тормозящий действие этой тенденции. Это связано с тем, что рост производительности труда обусловливает понижение стоимости средств производства, в связи с чем темпы роста органического строения капитала намного отстают от темпов роста технического строения капитала.

Наблюдающееся в последние десятилетия повышение темпов роста производительности труда явилось источником новых явлений в действии факторов, замедляющих повышение органического строения капитала. К числу этих явлений, характерных для наиболее развитых капиталистических стран, и прежде всего США, относятся следующие:

1) на базе расширяющегося внедрения высокоэффективных машин и автоматического оборудования, а также экономии на пассивных элементах орудий труда (производственных зданиях и сооружениях) появилась тенденция к снижению капиталоемкости единицы продукции, выражающаяся в том, что темпы роста основного капитала стали отставать от темпов роста промышленной продукции, тогда как раньше они опережали последние;

2) на базе расширяющегося производства искусственных и синтетических материалов появилась тенденция к ускорению снижения материалоемкости единицы продукции, выражающаяся в том, что темпы роста затрат капитала на сырье и материалы стали в большей мере, чем раньше, отставать от темпов роста промышленной продукции;

3) на базе порожденного современным научно-техническим прогрессом изменения условий воспроизводства рабочей силы и в связи с этим значительного повышения темпов роста уровня необходимых потребностей пролетариата появилась тенденция к замедлению темпов снижения стоимости рабочей силы.

Если первые две тенденции замедляют рост органического строения капитала, поскольку они являются факторами торможения роста постоянного капитала, то последняя тенденция служит источником некоторого замедления падения доли переменного капитала.

Имеются основания для предположения, что по мере расширения масштабов внедрения автоматизации производства и особенно с расширением комплексной автоматизации усилится тенденция изменения органического строения капитала к повышению и несмотря на порожденное самим научно-техническим прогрессом усиление противодействующих факторов рост органического строения капитала ускорится.

Развитие научно-технической революции обостряет проблему занятости и безработицы.

Прежде всего усиливается тенденция выталкивания рабочей силы из сферы материального производства вследствие ускорения темпов роста производительности труда. Так, в США темпы роста средней выработки промышленных рабочих все чаще стали опережать темпы роста промышленного производства, в связи с чем четко обозначилась тенденция к абсолютному уменьшению занятости промышленных рабочих.

Несмотря на то что на нынешнем этапе научно-технической революции автоматизация производства еще не получила значительного распространения, а довольно большое увеличение доли непроизводственной сферы и рост занятости в ней явился важным источником спроса на дополнительную рабочую силу, в большинстве наиболее развитых капиталистических стран налицо обострение проблемы занятости.

В США, которые в капиталистическом мире стоят на первом месте по внедрению новейшей техники, в 70-е гг. безработица имела устойчивую тенденцию к росту. Начавшийся во второй половине 1974 г. экономический кризис явился дополнительным фактором роста безработицы. Если судить по официальным, несомненно преуменьшенным, данным, число только одних полностью безработных в США в 1975 г. приблизилось к 8 млн. человек, превысив уровень 1974 г. в полтора раза. В индустриально развитых странах, по официальным данным, общее число полностью безработных составило в 1975 г. около 20 млн. человек. В 1976 г. безработица в капиталистических странах также продолжала оставаться на высоком уровне.

Антагонистический характер внедрения новой техники проявляется не только в ускорении тенденции к росту общего числа безработных, но и в том, что этот процесс протекает крайне не-

равномерно. В то время как по ряду новых профессий периодически существует значительный недостаток рабочей силы, по многим устаревшим профессиям (и даже целым отраслям и районам страны) образуется огромная застойная безработица. По ряду категорий рабочих безработица устойчиво превышает средний уровень. В США среди молодежи, только что окончившей среднюю школу, безработица в 3 раза, а в целом по категории неквалифицированных рабочих в 2 с лишним раза превышает средний уровень безработицы по стране. В последнее время безработица в США стала распространяться на все категории наемных работников, в том числе и на инженерно-технических и научных работников.

Есть все основания предполагать, что дальнейшее развитие научно-технического прогресса и прежде всего расширение масштабов автоматизации производства и распространение этого процесса на непроизводственную сферу будет чревато для капиталистических стран дальнейшим обострением проблемы занятости и большим ростом безработицы.

Развитие научно-технической революции оказало влияние на формы выражения ухудшения положения пролетариата при капитализме.

В межвоенный период и особенно в течение 30-х гг. ухудшение положения пролетариата наиболее наглядно проявилось в большом росте безработицы и снижении реальной заработной платы рабочих, т. е. в форме абсолютного обнищания, при котором происходит прямое снижение уровня реальных доходов. В этот период происходило абсолютное ухудшение положения пролетариата и, главным образом, в следствие дальнейшего усиления интенсивности труда, а также относительное ухудшение положения пролетариата в форме дальнейшего роста нормы прибавочной стоимости и падения доли заработной платы в национальном доходе.

В условиях научно-технической революции ухудшение положения пролетариата в капиталистических странах происходит прежде всего в форме дальнейшего роста нормы прибавочной стоимости и крайнего усиления неустойчивости положения рабочего класса. Для этого периода характерен и тот факт, что пролетариат капиталистических стран путем усиления классовой борьбы и благодаря существованию мировой социалистической системы сумел в течение ряда послевоенных лет добиться значительного увеличения реальной заработной платы.

Таким образом, в современный, начальный период развития научно-технической революции на первый план выдвинулась форма относительного ухудшения положения пролетариата, выражающаяся в дальнейшем росте нормы прибавочной стоимости и соответствующем падении доли заработной платы в национальном доходе. Однако и в этот период сохранилась форма абсолютного ухудшения положения пролетариата.

В 70-е гг. в США масштабы абсолютного ухудшения положения пролетариата стали расти. Это проявляется, во-первых, в росте численности безработных и, во-вторых, в том, что с 1966 г. в движении реальной заработной платы фабрично-заводских рабочих вновь начала действовать тенденция к понижению [1].

Несомненно, что по мере дальнейшего расширения масштабов автоматизации производства, усиливающей выталкивание из производства рабочих, и вполне вероятного снижения темпов роста производства под влиянием обострения проблемы реализации, ведущего к уменьшению спроса на дополнительных рабочих, будет происходить дальнейший рост численности безработных и снижаться реальная заработная плата. Неизбежным следствием этого будет дальнейшее расширение масштабов абсолютного ухудшения положения пролетариата, в том числе в форме абсолютного обнищания, т. е. прямого снижения уровня реальных доходов.

Развитие научно-технической революции ведет к дальнейшему обострению противоречий между трудом и капиталом. Это является неизбежным следствием того, что при капитализме внедрение новой техники в производство подчинено цели извлечения максимума прибыли и имеет своим результатом ускорение обогащения крупной монополистической буржуазии и ухудшение положения пролетариата.

Наглядным свидетельством обострения противоречий между трудом и капиталом является огромное усиление борьбы пролетариата капиталистических стран за свои жизненные интересы. При этом наряду с борьбой за увеличение заработной платы, все большее внимание уделяется борьбе за гарантированную занятость, сокращение рабочей недели без снижения заработной платы, снижение пенсионного возраста и повышение пособий по безработице.

Однако борьба пролетариата за свои жизненные интересы в рамках капитализма может лишь несколько притормозить действие имманентно присущей капиталистическому производству тенденции ухудшения положения пролетариата, но не ликвидировать ее полностью.

ГЛАВА 3. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В СВЕТЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Научно-техническая революция вносит глубокие изменения не только в сферу взаимоотношений между человеком и природой (техники и технологи производства), но и во многие стороны отношений между людьми по поводу их трудовой деятельности и присвоения ее результатов. В связи с НТР возникает вопрос о современных границах сферы производства стоимости и прибавочной

[1] В 1973 г. реальная заработная плата американских рабочих упала на 4%, а в 1974 г. еще на 5%.

стоимости и основных факторах, которые определяют рост их величины, а также вопрос движения стоимости рабочей силы и степени ее эксплуатации. Система общественного производства в условиях современной НТР все больше усложняется. Появляются новые связи и зависимости между различными видами трудовой деятельности. В трудовых затратах общества в целом резко возросли доля и роль умственного труда.

Состав совокупной рабочей силы значительно расширился, намного усложнилась его профессионально-квалификационная структура. В прошлом связь между трудом и его материализацией в виде определенной потребительной стоимости преимущественно вещного характера была в основном непосредственной. Теперь же определить, причастна ли та или иная категория трудящихся к созданию определенного вида продукции, а тем самым и к созданию воплощенной в ней стоимости бывает очень трудно.

Марксово учение о сущности товарных, стоимостных отношений, остается единственно научной исходной базой для определения действительных рамок этих отношений, а тем самым и рамок капиталистического производства новой стоимости, в том числе и прибавочной стоимости.

Объем производства растет как в физическом, так и в стоимостном выражении. Рост совокупной величины вновь создаваемой стоимости (национального дохода) во все большей мере обеспечивается за счет величины вновь создаваемой стоимости в расчете на одного занятого. Когда удельный вес работающих в общей численности населения индустриально развитых стран уже, как правило, не повышается, только рост создаваемой новой стоимости в расчете на одного занятого может обеспечить рост подушевого национального дохода в стране. При этом такой рост имеет место в условиях, когда продолжительность рабочего дня постепенно сокращается. Тем самым, налицо рост величины новой стоимости, создаваемой в единицу времени. Относить его полностью на счет повышения интенсивности труда нет оснований, поскольку возможности в этом направлении ограничены многими факторами как биологического, так и социального порядка.

В этих условиях напрашивается вывод, что рост новой стоимости, создаваемой работником в единицу времени, во все большей мере происходит за счет увеличения стоимостеобразующей способности труда в связи с его усложнением и что повышение производительности труда в современных условиях означает уже не просто рост количества потребительных стоимостей, производимых за определенное время, но и величины новой стоимости, создаваемой за единицу времени.

Если в прошлом в качестве основных факторов роста величины вновь создаваемой стоимости выступали рост количества работающих и увеличение продолжительности (или интенсивности) их труда, то теперь на первый план вышли рост уровня квалификации работников и соответственно сложности выполняемого ими труда.

Научно-техническая революция означает коренной, качественный сдвиг в этом отношении, интенсифицирует не только технологические процессы, но и процессы образования стоимости.

По мере совершенствования техники и технологии производства затраты живого труда на изготовление единицы одинаковой продукции, измеряемые в человеко-часах, сокращаются. Если бы степень сложности труда при этом не повышалась, стоимость единицы продукции должна была бы снижаться в соответствии с сокращением рабочего времени, необходимого для ее изготовления. Однако уровень сложности труда в целом повышается. Сами по себе трудовые операции при этом могут становиться внешне простыми и легкими, однако они выступают уже как функции более сложной рабочей силы общественного труда. В связи с этим сокращение затрат живого труда на изготовление единицы продукции, измеряемых в человеко-часах, на наш взгляд, не обязательно должно означать соответственное снижение стоимости каждой единицы этой продукции. Все зависит от соотношения темпов сокращения затрат труда в человеко-часах и роста уровня сложности труда. В связи с этим теоретически допустимо повышение стоимости продукции даже при сокращении продолжительности рабочего времени, которое затрачивается на ее изготовление.

В прошлом, когда уровень квалификации наемных работников и сложности выполняемого ими труда был значительно более однородным, общая масса стоимости, создаваемой в отрасли или на предприятии, зависела прежде всего от общего числа занятых. Величина же новой стоимости, воплощенной в товарной продукции предприятия или отрасли, деленная на количество занятых, могла служить приблизительным показателем способности подавляющей массы работников к образованию стоимости.

В ходе научно-технической революции наступает определенный качественный сдвиг в возрастании роли, которую играют в системе производства исследователи, конструкторы, технологи и другие специалисты. Эта роль растет быстрее их удельного веса в общей численности занятых. Есть основания полагать, что растет и их роль в создании новой стоимости, что общая масса новой стоимости, создаваемой в отрасли или на предприятии, зависит уже не столько от общего количества занятых, сколько от уровня их квалификации, от количества и уровня занятых в отрасли или на предприятии специалистов. Об этом свидетельствует, в частности, высокая стоимость продукции, в которой воплощено сравнительно много научного и инженерного труда.

Сравнительно нетрудно констатировать, что ни возникновение, ни дальнейшее развитие производства данного вида продукции не были бы возможными без определенных научно-исследовательских или опытно-конструкторских разработок, которыми в данной отрасли или фирме занята известная часть работающих. Но как определить их действительный вклад в новую стоимость, созданную в отрасли или фирме? Эта задача решается сравнительно просто,

когда идет речь о специалистах, составляющих основную массу занятых в обособившихся в самостоятельные хозяйственные единицы конструкторских бюро или других научных учреждениях, самостоятельно выпускающих свою продукцию в качестве товарной продукции. Но как измерить способность к образованию стоимости функции труда специалистов, если они самостоятельно не создают готовой товарной продукции, а выступают в качестве составной части совокупного рабочего крупных фирм?

В прошлом, когда численность специалистов, работающих на капиталистических предприятиях, была небольшой, этот вопрос мог не иметь сколько-нибудь существенного значения. Теперь же, когда в систему капиталистического производства вовлечены в качестве наемных работников миллионы специалистов, значение этого вопроса намного возросло. Без определения их вклада в создание новой стоимости нельзя определить степень их эксплуатации капиталом. Некоторые авторы полагают, например, что степень эксплуатации специалистов ниже, чем степень эксплуатации простых рабочих [1]. К такому выводу может склонять более высокий уровень зарплаты и соответственно потребления специалистов. Однако более высокая оплата труда той или иной категории наемных работников сама по себе еще не означает, что ниже степень их эксплуатации. Высокие прибыли фирм, на которых занято сравнительно много специалистов, вынуждают предполагать обратное. Уровень зарплаты определенной категории работников должен сопоставляться с величиной новой стоимости, которую они создают.

Определяя источники и природу повышенной стоимостеобразующей функции более сложного труда, некоторые авторы главное видят или в повышенной интенсивности сложного труда, проявляющегося прежде всего в более высоких энергетических затратах, сопровождающих более сложный труд, или в том, что стоимость продукции, произведенной при участии сложного труда, включает стоимость затрат, связанных с приобретением квалификации работника [2]. Думается, что все гораздо сложнее. Величина новой стоимости, создаваемой живым трудом, не находится в сколько-нибудь жесткой зависимости от энергетических затрат, которыми он сопровождается. Категория сложного труда выражает намного более сложное явление, нежели простой труд повышенной интенсивности. Вместе с тем нельзя согласиться и с тем, что величина новой стоимости, создаваемой трудом специалиста, растет за счет

---

[1] См.: Ковыженко В. Проблема редукции сложного труда к простому в марксистской политической экономии.— «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 1; Тюльпанов С. И., Шейнис В. Л. Актуальные проблемы политической экономии современного капитализма. Изд-во Ленингр. ун-та, 1973, с. 248.

[2] См.: Жамин В. А., Егиазарян Г. А. Эффективность квалифицированного труда. М., «Экономика», 1968, с. 103—104; Ковыженко В. Проблема редукции сложного труда к простому в марксистской политической экономии.— «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 1, с. 110.

перенесения на продукт затрат на его образование. На наш взгляд, затраты на образование работника не переносятся им на продукт его труда так же, как не переносятся затраты на то, чтобы вырастить человека. Как писал К. Маркс, стоимость рабочей силы не переносится на продукт, а воспроизводится в процессе ее производительного использования. Это, на наш взгляд, в полной мере относится и к высококвалифицированной рабочей силе. История развития общественного производства показывает, что, чем менее подготовленной была рабочая сила, тем больше требовалось времени для воспроизводства ее стоимости. По-видимому, можно считать правилом, что, чем выше уровень образовательной и профессиональной подготовки работника и соответственно выше степень сложности его труда, тем за меньшее время он в состоянии воспроизвести стоимость своей рабочей силы. Можно, по-видимому, также считать, что труд высококвалифицированных специалистов — это труд, отличающийся повышенным коэффициентом полезного действия в смысле стоимостеобразования. Источник этой повышенной способности к стоимостеобразованию, которую обнаруживает высококвалифицированный труд, коренится не столько в энергетических возможностях организма человека, сколько в творческих способностях его интеллекта. Это особенно относится к условиям научно-технической революции.

Важным элементом теории прибавочной стоимости является вопрос о стоимости рабочей силы. Определение величины стоимости рабочей силы и ее динамики — одна из самых сложных проблем политической экономии капитализма. Эту величину нельзя получить путем простого суммирования расходов, которые имели место, чтобы вырастить работника и дать ему необходимые образование и квалификацию. Ее определяют в основном текущие потребности работника в расходах на себя и семью с учетом сложившегося в стране уровня потребностей людей, имеющих данную квалификацию и выполняющих определенную работу. Почти невозможно точно установить круг потребностей в разных вещах и услугах, удовлетворение которых должно быть признано необходимым. Они не одинаковы в разных странах, на разных уровнях экономического развития, у разных категорий работников. Практически не поддается точному определению действительная величина стоимости всех предметов и услуг, которые покупают рабочие капиталистических стран. Ведь цены на товары обычно отклоняются от их стоимости. Под влиянием деятельности монополий, вмешательства государства в процессы ценообразования и инфляции эти отклонения приобретают все большие размеры. Наконец, в ряде стран вопрос о стоимости рабочей силы значительно усложнила ее международная миграция.

Что же касается влияния, оказываемого НТР, то одним из ее важнейших последствий стало расширение круга жизненных потребностей работников и особенно — быстрое «переключение» этих потребностей на новые виды промышленной продукции, мно-

гие из которых еще в недалеком прошлом были вообще неизвестны. Конечно, и при росте объема потребления совокупная стоимость потребляемых средств существования могла бы снижаться, если бы номенклатура потребляемых средств существования оставалась неизменной, а стоимость каждого из них снижалась быстрее, нежели растет общий объем потребляемых средств. Некоторые авторы считают, что нечто подобное действительно имеет место и стоимость рабочей силы в целом снижается. Однако такой вывод оказывается в очевидном противоречии с показателями роста стоимости жизни и заработной платы, в том числе реальной; с показателями более высокой стоимости рабочей силы в более развитых капиталистических странах; с тенденцией замены рабочей силы все более дорогостоящими машинами. Именно поэтому мы считаем, что преобладает тенденция к повышению стоимости рабочей силы.

Более того, рост производства и потребления (в стоимостном выражении), который имел место в странах развитого капитализма в последние десятилетия, приводит к выводу, что наряду с характерной для современного этапа развития общественного производства интенсификацией процессов стоимостеобразования интенсифицируется и рост стоимости рабочей силы.

Наконец, необходимо отметить, что рост стоимости рабочей силы отнюдь не означает, что в той же мере должны увеличиваться необходимое рабочее время и снижаться (при неизменной продолжительности рабочего дня) степень ее эксплуатации. Рост стоимости рабочей силы обязательно предполагал бы увеличение времени, необходимого для ее воспроизводства, лишь при условии, если бы сложность труда и соответственно его стоимостеобразующая функция либо оставалась неизменной, либо росла медленнее, нежели стоимость рабочей силы. Усложнение труда и повышение на этой основе его способности к стоимостеобразованию сделало возможным сокращение времени, необходимого для воспроизводства стоимости рабочей силы, и при росте величины последней. Это имеет место, когда рост сложности и соответственно способности наемного работника к образованию стоимости опережает рост стоимости его рабочей силы. Для условий современной НТР такую ситуацию можно считать типичной.

Таковы в самом общем виде те важнейшие вопросы теории стоимости и прибавочной стоимости, которые в связи с НТР получают особую актуальность. Их решение возможно лишь на основе марксистско-ленинской методологии.

ГЛАВА 4. ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕНЫ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вопрос о закономерностях движения цены товара рабочая сила имеет большое теоретическое и практическое значение.

Марксистская методология является единственной основой

научного анализа сложнейшей совокупности технико-экономических и социальных процессов, которые формируют уровень, динамику и структуру цены рабочей силы в условиях научно-технической революции и государственно-монополистического капитализма.

Исследуя особенности формирования цены рабочей силы в этих условиях, необходимо исходить из анализа не только цены, но и стоимости рабочей силы.

В основе движения цены рабочей силы лежит закон стоимости. Этот закон в конечном счете проявляется в динамике доходов. Действие закона стоимости в отношении товара рабочая сила проявляется в широко известных фактах прямого понижения реальной заработной платы в годы, когда кризис реально угрожает прибылям монополий. Об этом говорят расчеты, показывающие повышение норм прибавочного продукта в США и в ряде других развитых капиталистических стран. Эти расчеты обнаруживают тенденцию периодического понижения, либо отсутствие устойчивого роста доли дохода тех категорий наемного труда, которые могут быть отнесены к рабочему классу. В то же время расчеты подтверждают тенденцию роста доли корпоративных доходов — доходов монополистической буржуазии.

Вместе с тем следует отметить, что в условиях научно-технической революции действует также тенденция к росту стоимости рабочей силы. НТР повышает требования к качеству рабочей силы. Это является одной из причин изменения структуры общественного и личного потребления, повышения уровня социального обеспечения рабочей силы.

Однако несмотря на некоторое повышение цены рабочей силы, 10—20% населения находится на грани физической нищеты. Во всех развитых капиталистических странах растут недовольство и борьба трудящихся масс за увеличение заработной платы.

Определяющим в движении заработной платы при капитализме является тот факт, что в силу действия закона прибавочной стоимости рост заработной платы приспосабливается не к возрастающей экономической и социальной роли рабочего класса, а к потребностям расширенного воспроизводства капитала.

Известно, что стоимость рабочей силы определяется стоимостью жизненных средств, необходимых для поддержания жизни работника, обеспечивающих нормальную трудовую деятельность. Кроме того, стоимость рабочей силы включает в себя, по выражению К. Маркса, моральный и исторический элемент.

В процессе исторического развития рабочей силы возрастают если не количество, то качество питания, а также качество и количественный минимум жилищных условий, одежды и других жизненных средств. Но этот рост количественного объема и качественных показателей потребления не ведет к повышению стоимости физически необходимого элемента стоимости рабочей силы, так как повышение общественной производительности труда понижает

стоимость физически необходимого минимума питания, жилищных условий, одежды и т. п.

Предметы и услуги, необходимые для физического существования, почти не претерпевают качественных изменений и, как правило, являются продуктом массового, удешевленного, конвейерного производства.

В то же время потребительские товары и услуги, формирующие моральный и исторический элемент стоимости рабочей силы, непрестанно меняются и совершенствуются. В структуре стоимости рабочей силы возрастает удельный вес этого элемента. При этом его рост с избытком компенсирует понижение физического элемента стоимости рабочей силы. В итоге, в целом, увеличивается стоимость товаров и услуг, необходимых для функционирования рабочей силы [1].

Но рост морально-исторического элемента стоимости рабочей силы происходит не всегда и неравномерно. Если физический элемент стоимости рабочей силы формируется в основном биологическими потребностями человека и является довольно стабильным, то естественная тенденция расширения морально-исторического элемента постоянно наталкивается на ограничивающее давление капитала. Капитал неизменно ведет борьбу за экономию затрат живого и прошлого труда, затрат на подготовку рабочей силы, «рационализирует» эти затраты таким образом, чтобы они строго соответствовали нуждам капиталистического воспроизводства.

Ограничивающее давление капитала не способно остановить общую тенденцию повышения стоимости рабочей силы, но оно способно оказать определенное воздействие на денежный эквивалент стоимости рабочей силы, т. е. на движение цены рабочей силы.

В условиях научно-технической революции значение квалифицированной рабочей силы в производстве относительно возрастает. В этой обстановке нехватка рабочей силы определенного качества и соответствующая недогрузка производственных мощностей угрожает существованию огромных масс капитала как стоимости, порождающей прибавочную стоимость.

Подсчеты Э. Денисона и многих других экономистов свидетельствуют об огромном значении в повышении производительности труда так называемого «человеческого капитала». Это приводит к активизации предпринимательской политики намеренного варьирования ценой рабочей силы с целью повышения эффективности эксплуатации рабочей силы.

---

[1] Сказанное о тенденции стоимости рабочей силы к повышению не означает, что норма прибавочной стоимости вследствие этого уменьшается. Норма прибавочной стоимости растет в силу того, что стоимость, создаваемая рабочей силой в единицу времени, растет более высокими темпами, в том числе и за счет роста сложности рабочей силы. См. об этом гл. 3 раздела III настоящей книги.

Предпринимательский, капиталистический подход к цене рабочей силы несет в себе заранее обусловленный отказ от учета полной величины стоимости рабочей силы, т. е. той стоимости, при которой возможно воспроизводство данного товара в долгосрочном плане. Предприниматель мало озабочен максимальным сохранением трудоспособности трудящегося, приспособлением уровня его квалификации к требованиям научно-технического прогресса, воспроизводством и подготовкой нового поколения рабочей силы. Таким образом, создается разрыв между субъективным подходом капиталиста к цене рабочей силы и объективной тенденцией к повышению стоимости рабочей силы.

Анализируя движение цены товара рабочая сила, следует отметить, что ценовой эквивалент стоимости товара рабочая сила состоит из различных частей. Одной из них является та часть цены рабочей силы, которая поступает в распоряжение рабочего при первичном распределении денежных доходов на уровне предприятия и выражается в виде ставок заработной платы. Эта часть, составляющая от 50 до 80% общего уровня цены рабочей силы, близка к физическому элементу стоимости рабочей силы. Она наименее поддается понижению. Другая часть цены рабочей силы в основном связана с динамикой производительности труда и выступает в виде денежных надбавок к ставкам заработной платы. Эти надбавки могут составлять 10—30% от ставки заработной платы. Эта часть цены рабочей силы, соответствующая главным образом морально-историческому элементу стоимости рабочей силы, является более «гибкой». Именно за счет этой части производится экономия на издержках труда, а также подчинение движения цены рабочей силы экономическим и политическим интересам капитала.

В условиях современного капиталистического производства предприниматель имеет возможность изменять цену рабочей силы, устойчиво отклоняя ее от стоимости рабочей силы и не нарушая при этом процесса краткосрочного, конъюнктурного воспроизводства этой рабочей силы. Обстоятельством, позволяющим варьировать отклонения цены рабочей силы от стоимости, является то, что единицы рабочей силы различаются по качеству, которое проявляется в процессе производства, требующего разнообразной сложности труда [2]. Различия в стоимости рабочей силы создаются также различиями производительной силы общественного труда и исторической преемственностью уровня общественных потребностей.

Следует также отметить, что цена рабочей силы все в большей мере начинает регулироваться долгосрочными интересами крупного капитала. Следствием этого становится усиление и усложнение государственно-монополистического механизма регулирования

---

[2] См.: Иванов Н. П. Стоимость рабочей силы и проблемы образования.— «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 11.

цены рабочей силы, способность этого механизма добиваться долгосрочного отрыва цены от стоимости рабочей силы тех или иных категорий труда. Естественно, что для отдельных категорий трудящихся это приводит к повышению цены рабочей силы над ее стоимостью, но для большинства имеет обратный характер.

Таким образом, различия в стоимости рабочей силы и колебания цен вокруг стоимости становятся основой капиталистической политики дифференциации оплаты труда.

Регулирование цены рабочей силы происходит не только непосредственно, но и через более мощный, более обширный механизм общего товарного ценообразования, в котором господствует капитал. Таким образом проявляется внутренняя противоречивость всеобщего закона капиталистического накопления, выходят на поверхность новые, более широкие, в конечном счете, более антагонистические формы противоречий капиталистического воспроизводства.

Потребности воспроизводства самого капитала, воспроизводства рабочей силы, вызываемые НТР потребности обобществления всех сфер производства и жизни при ожесточении крупных социальных столкновений расшатывают систему в целом. Рост зарплаты, необходимый для повышения общественной производительности труда, приходит в противоречие с ростом капитала и производительности труда.

ГЛАВА 5. ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА РЕГУЛИРОВАНИЕ БУРЖУАЗНЫМ ГОСУДАРСТВОМ РЫНКА ТРУДА

Общеизвестно положение марксизма о существовании глубокой взаимозависимости между состоянием техники и развитием рабочей силы. Изменения в орудиях труда на разных этапах развития капиталистического общества оказывали подчас противоположное по своему характеру влияние на сложность труда и его квалификацию. В свою очередь уровень подготовки и уровень квалифицированности рабочей силы стимулируют или, напротив, тормозят усовершенствование техники.

Капиталистическая фабрика на заре своего развития не нуждалась в массе квалифицированной рабочей силы. Раздробление труда на отдельные операции, преобладание ручной техники не требовали от рабочей силы специального обучения и подготовки. Да и сам рабочий класс, формировавшийся в основном из бывших крестьян, не мог предложить что-либо иное. Для подавляющего большинства рабочих, чей труд был простым и, следовательно, потребление ограничивалось физическим минимумом, образование даже в незначительных размерах было излишним и недоступным.

Постепенно развитие общественного производства порождает

спрос на более образованную и подготовленную рабочую силу. Желая своим детям лучшей доли, многие рабочие семьи из кожи вон лезли для того, чтобы дать им хоть какое-нибудь образование. Оба эти процесса развивались отнюдь не гармонично. В периоды кризисов и квалифицированные рабочие не всегда находят работу, с распространением образования среди все более широких слоев населения и квалифицированный труд подвергается постепенному обесцениванию.

НТР — это своего рода взрыв в эволюционном развитии производительных сил. Он в равной мере затрагивает как объективный, так и субъективный факторы производства. Последний начинает характеризоваться небывало высокими темпами распространения общего и специального образования, повышения его уровня для все возрастающего числа членов общества. За период с 1952—1975 гг. среднее число лет обучения трудящихся США выросло с 10,9 лет до 12,5 лет [1]; если за время с 1947 по 1971 г. рост внутренних частных инвестиций составил 485%, то рост общих расходов на образование превысил его почти вдвое — 836,4% [2]. «Человеческий фактор» становится решающим для успешного развития НТР. По подсчетам известного экономиста Т. Шульца, «более 3/4 дохода современной экономики связано с вкладом субъективного фактора производства» [3], т. е. с повышением его сложности в результате роста образования и квалификации.

Значительные изменения в структуре и облике современного производства усиливают действие закона перемены труда. Для трудящихся это означает перспективу частой смены рабочего места и квалификации.

Не удивительно, что в условиях НТР уровень образования потерял связь со стабильностью трудоустройства. Действительно, в начале 50-х гг., когда для гражданских отраслей экономики НТР лишь маячила на горизонте, различие в уровне образования активной и пассивной частей рабочей силы страны было весьма незначительно: 10,9 и 10,1 года соответственно. Последующие годы принесли с собой немало технико-организационных новшеств, что потребовало от трудящихся повышения их образования. В результате разрыв в уровнях образования обеих групп наемной рабочей силы стал возрастать при общем повышении этого уровня. Так, в 1957 г. он достиг 2,3 года (11,7 и 9,4 года соответственно), в 1962 г. — 16,5 года (12,1 года и 10,6 лет). Но уже в 1969 г. разрыв сократился до 0,5 года при общем увеличении уровня образования до 12,4 лет для занятых и 11,9 лет для безработных. 70-е гг. характеризуются дальнейшим развитием отмеченной тенденции.

Так, в 1975 г. среднее количество лет образования занятой части рабочей силы составлял 12,6 лет, а безработных — 12,1 года,

---

[1] «Employment and Training Report of the President», 1976, June, p. 278.

[2] Подсчитано по: «Pocket data book», U. S. A., p. 156.

[3] «Special analyses of the United States Government», Federal Government 1973. Washington, 1972.

т. е. разрыв между ними сохранился прежним [4]. Отмеченная стойкая тенденция к сближению уровня образования активной и пассивной части рабочей силы объясняется не только общим повышением уровня образования, но и высокой нормой безработицы среди лиц с высшим образованием.

За этой обобщающей характеристикой рабочей силы страны скрываются тем не менее некоторые существенные различия. Если ориентироваться на принятую в 1967 г. классификацию состава резервной армии труда, согласно которой она состоит из лиц, потерявших работу, оставивших ее, и тех, кто впервые пришел на рынок труда, то данные обследования Бюро статистики труда, проведенного в 1968 г., обнаруживают немалые различия в уровне их образования. При общем уровне образования занятой части рабочей силы в 12,3 года для лиц, потерявших рабочее место, он составляет лишь 10,9 лет, оставивших работу, — 12,2 года, и новичков на рынке труда — 12,3 года [5].

Следовательно, для положения рабочей силы США в эпоху НТР (в ее соотнесении с развитием техники) характерны два момента:

1) отставание уровня ее развития от технического прогресса, в результате чего даже лица с образованием около 11 лет оказываются не у дел;

2) несоответствие техники, условий труда более высокому качеству рабочей силы.

Уровень интересов и запросов значительной части трудящихся оказывается выше предлагаемого им часто монотонного и малопривлекательного труда. С возрастанием уровня образования вырастают и духовные запросы членов общества. Отсюда и позволяемая себе «роскошь» отказа от первой попавшейся под руку работы, поиски нового, более интересного места. Следовательно, приобретение знаний, хотя и связано с прагматическими ценностями, имеет и свою самостоятельную ценность.

Результатом обоих процессов явился беспрецендентный для послевоенного периода США рост безработицы. Переплетение во второй половине 50-х гг. в экономике страны таких факторов, как структурные сдвиги, введение автоматизации, общее замедление и неравномерность темпов роста, привело к тому, что безработица поразила не только целые профессии, географические районы и возрастные группы, но она приняла хронический характер, не зависящий по существу от фазы цикла. В периоды же экономических кризисов перепроизводства масштабы безработицы и ее уровень возрастают чрезвычайно. Так, в 1973 предкризисном году норма безработицы составляла 4,9% рабочей силы, в 1974 г. она поднялась до 5,6, в 1975 г. — до 7,5 и в 1976 г. — 7,7% [6].

---

[4] «Employment and Training Report of the President», 1976, June, p. 281.
[5] «Monthly Labour Review», 1969, April, p. 25.
[6] «Employment and Training Report of the President», 1976, June, p. 239; «Monthly Labour Review», 1977, August, p. 67.

Помимо того социального заряда, который несет в себе масса трудоспособных, но полностью или частично незанятых людей, рост относительного перенаселения связан с огромными экономическими потерями для общества, превращается для него в тяжелое моральное и материальное бремя. Вместе с тем удлинение сроков подготовки рабочей силы и, следовательно, удорожание ее стоимости объясняют обстоятельства, почему монополии, неся убытки от высокой текучести кадров и наличия большого числа вакантных мест, лишь в редких случаях идут на создание курсов и организацию переподготовки, повышение квалификации наемной рабочей силы. Даже во второй половине 60-х гг., когда НТР вступила во второе свое десятилетие, из опрошенных 84 крупных корпораций, по данным Совета конференции — независимой некоммерческой исследовательской организации — только 24 компании смогли сообщить кое-какие сведения о своей деятельности в данной области, да и то за последние пять лет. Курсы чаще организуются на крупных, чем на средних и мелких предприятиях, что лишает возможности переквалификации значительные группы трудящихся[7].

Таким образом, с развитием НТР во весь рост встает проблема взаимной адаптации рабочей силы и производства. Сама по себе не простая, она усложняется еще и тем, что одновременно с ней возникает и другая — проблема организатора ее разрешения и финансового источника.

Поскольку монополии — основные потребители рабочей силы возрастающей сложности — оказываются не в состоянии решать данную проблему, на внутриполитическую сцену выходит государство. Специфика НТР состоит в том, что она порождает общие проблемы, в решении которых заинтересован весь класс капиталистов в целом, однако в силу разъединяющей его конкуренции он не в состоянии решить их на уровне, наиболее эффективном для дальнейшего развития всего производства.

НТР обусловливает также и возможность государственного регулирования рынка труда, поскольку способствует бурному развитию принципиально новых направлений в науке, новых отраслей, географических районов, профессий и специальностей, расширяя тем самым масштабы общественного воспроизводства. Капиталистическое государство получает возможность реализовать свою возросшую экономическую силу на более обширном поле деятельности, где влияние фирменных «межевых знаков» несколько ослаблено, где возникла большая новая группа рабочей силы, занятая на государственных предприятиях и учреждениях.

Каковы же формы регулирования государством США рынка труда?

---

[7] Patten T. H. Manpower planning and the development of human resourses. New York, 1970, p. 207.

Несомненно, в данной стране они обусловлены характером НТР. Поэтому важнейшее направление регулирования рынка труда состоит в создании нового рынка рабочей силы, порожденного потребностями милитаризации. Масштабы и темпы роста этого рынка беспрецендентны. Так, по признанию министерства труда США, в 1965 г. в связи с развязыванием войны во Вьетнаме, резко возросла занятость в пяти отраслях военного производства — самолетостроении, судостроении, производстве оборудования для связи, электронике и артиллерии. Их рост, превысивший показатель предыдущего года на 10%, оказался вдвое выше показателя роста занятости во всей обрабатывающей промышленности[8]. Г. Гольштейн, заместитель министра труда США, признавал, что важнейшими факторами роста занятости и дальнейшего сокращения безработицы в 60-х гг. будут «рост вооруженных сил» и «рост расходов, связанных с обороной»[9]. Эта тенденция полностью сохраняется в 70-е гг. в условиях гипертрофированного военного бюджета страны.

Но решение проблемы занятости ценой военных расходов и увеличения вооруженных сил порождает глубокие и непримиримые противоречия в экономике, а технический прогресс в военных отраслях оказывает на рынок труда, как известно, дестабилизирующее влияние.

Поэтому государство развивает и другое направление воздействия на рынок труда, пытаясь контролировать влияние на него НТР. Это выразилось в создании по всей стране курсов обучения и подготовки безработных. За 11 лет своего действия, с 1963 по 1973 г., курсами было охвачено более двух миллионов человек. Подготовка велась в среднем для 750 профессий, что позволяет говорить об универсальном характере курсов. Основной упор в профессиональном обучении мужчин делался на подготовку квалифицированных и полуквалифицированных рабочих, а в обучении женщин — работниц контор, торговли и сферы обслуживания. Однако несмотря на периодический пересмотр программ и расширение некоторых льгот для обучающихся деятельность курсов характеризовалась постоянно высокой нормой отсева и низкой (по отношению к первоначальному списочному составу) нормой трудоустройства.

Изменения в процентах отсева и трудоустройства в зависимости от фазы цикла убеждают нас в том, что курсы скорее ставят своей целью приспособить рабочую силу к фазам цикла, а не решают структурных проблем. Действительно, сопоставим 1970 г. — год экономического кризиса, и 1973 г. — экономического подъема. В первом случае наблюдается высокий отсев и низкая общая норма трудоустройства, во втором — самая низкая за все годы норма отсева и наивысшая норма трудоустройства. Очевидно, не

[8] «Economic notes», 1966, March, p. 10.
[9] «Monthly labour reveiw», 1968, September, p. 6.

видя перспектив во время кризисов, трудящиеся считают нецелесообразным посещение таких курсов, в период же подъема возможности нахождения работы после некоторого переобучения расширяются. Справедливость нашего предположения подтверждается данными другой программы обучения, начатой в 1974 г.

Таблица 8

Анализ посещаемости и результаты обучения на государственных профессиональных курсах*

	1963 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.**
Процент завершивших учебу	60	66	61	66	73	70	73	66	53	70	80
Трудоустроились:											
а) в процентах от общего списка учащихся	47	50	46	53	58	53	56	52	41	57	66
б) в процентах от завершивших учебу	80	77	77	70	79	78	80	78	77	81	83
Процент безработных	5,7	5,2	4,5	3,8	3,8	3,6	3,5	4,9	5,9	5,6	4,9

* Подсчитано на основе данных «Manpower report of the President», 1974, April, p. 275, 361.

** В 1973 г. деятельность исследуемой программы была прекращена.

Хотя официальная статистика не дает нам детальных сведений, как прежде, однако известно, что в 1975 кризисном году из общего числа 658 тыс. человек, записанных во все программы обучения, консультирования и трудоустройства, ушло из программ 202,3 тыс. человек, т. е. около 30%. Нельзя не согласиться с мнением проф. Паттена об ограниченных возможностях курсов, так как учащиеся обучаются на них «не тем профессиям, где существует нехватка рабочей силы, а тем, где имеется надежда на трудоустройство. Объяснение состоит в том, что подготовка к профессиям, где ощущается нехватка рабочих рук, требует обучения не менее двух лет и практики в течение года. Учащиеся же получают помощь лишь в течение одного года, а в тех случаях, когда им позволяют обучаться и следующий год, финансовую поддержку они уже не получают. Поэтому не многие бедняки могут получить необходимую им и хорошо оплачиваемую профессию»[10].

Следующим направлением государственного воздействия на рынок труда является стремление контролировать состояние рынка труда молодежи. Почему именно этой части населения уделяется особое внимание? Потому что в США раньше, чем в других развитых капиталистических странах, проявилась в самой жестокой форме проблема неустроенности молодежи, превращение людей

[10] Patten T. H. Op. cit., p. 651.

молодого возраста в наиболее дискриминируемый слой населения. Так, в августе 1976 г. более 3,5 млн. молодых американцев находились без работы. При общей норме безработицы в 1976 г. 7,7% рабочей силы, для молодежи 16—19 лет она составляла 19,0%, а для лиц 20—24 лет — 12,0% [11]. Объяснение этому следует искать не столько в проблемах демографических или педагогических, сколько в социальных — в нежелании и неспособности капиталистической системы в целом экономно и планомерно использовать главное богатство общества. Несоответствие между достигнутым уровнем развития техники и науки, накопленным вещественным богатством общества и масштабами неучастия в их создании молодежи, столь велико, что совершенно очевиден антисоциальный характер общества. Это и вынуждает правительство США принять ряд мер для решения проблемы трудоустройства молодежи.

Среди них следует отметить: введение для школьников специальных курсов профессиональной ориентации в каждом географическом районе, организацию профессионального обучения в стенах школы и по ее завершении, создание программ летних работ и трудоустройства в течение учебного года для тех, кто вынужден подрабатывать, чтобы иметь возможность окончить школу, создание «Рабочих корпусов» для молодежи из районов гетто и т. п. Все это несколько облегчает решение проблемы трудоустройства, однако до снятия ее с повестки дня еще очень далеко. Так, норма безработицы среди выпускников школы несколько снизилась по сравнению с соответствующими показателями для молодежи 16—24 лет: в 1967 г. она составляла 4,7 и 8,7%, а в 1968 г. — 5,8 и 8,7% соответственно [12]. Однако, как показали последующие события, некоторое понижение в 60-х гг. процента безработных среди выпускников средней школы было с лихвой компенсировано его повышением в годы экономических кризисов. Так, в 1975 г. он составил уже 15,6% для лиц, завершивших среднюю школу; для тех же, кто ее оставил до окончания учебного курса, он достигал 25,9% [13].

Подавляющее большинство тех выпускников, которые нашли работу по окончанию школы, смогли трудиться по приобретенной специальности. При этом наибольший шанс на трудоустройство был у тех, кто готовился к профессиям в сфере обслуживания, о чем свидетельствуют результаты обследования трудоустройства молодежи в трех крупных городах страны в 1967 г. [14].

---

[11] Youth unemployment. Hearing before the Joint Economic Committee Congress of the US. September 9, 1976. Washington, 1977, p. 2; «Monthly labour review», 1977, August, p. 67.

[12] «Manpower report of the President», 1974, April, p. 261; 1970, March, p. 69.

[13] Youth unemployment. Hearing..., p. 19.

[14] Mangum G. L. Reorienting vocational education. Washington, 1968, p. 33.

Таблица 9

Характер трудоустройства и масштабы выпускников средней школы

Программы профобучения	Процент молодежи, получившей работу по окончании школы	Число лиц, получивших работу
Коммерция	81	463
Косметика	81	74
Швейное дело	61	41
Бухгалтерский учет	51	69
Полиграфия	45	66
Черчение	40	50
Автомеханика	33	141
Электроника	31	111
Няни-сиделки	31	26
Электротехническая	12	64

Как видно из приведенных данных, процент трудоустроенных резко падает по мере усложнения труда. Это может быть объяснено и недостаточно глубокими знаниями, приобретенными в процессе обучения, и более высоким спросом на труд в сфере обслуживания.

Однако, как вынуждено было признать министерство труда США, «в периоды относительно высокой безработицы одна лишь опора на обучение рабочей силы не гарантирует помощи безработным»[15]. Поэтому государство разрабатывает и такое направление воздействия на рынок труда, как создание программ трудоустройства взрослых безработных на государственных и частных предприятиях и учреждениях. Предпочтение оказывается неграм и др. национально-этническим меньшинствам, а также лицам пожилого возраста и инвалидам. Это социальное заигрывание стоит властям недорого, масштабы программ незначительны, так что речь в данном случае скорее идет о политическом капитале правительства, чем о реальном решении им актуальных вопросов. К реализации программ правительство стремится привлечь деловые круги. Образующееся партнерство — явление малоизученное в советской экономической литературе — представляет, на наш взгляд, один из перспективных методов реализации государственных программ.

Небезынтересными представляются и такие попытки воздействия государства на рынок труда с целью его усовершенствования, как развитие разнообразной информации о структуре и величине спроса и предложения рабочей силы, организация ее перемещения в перспективные для трудоустройства районы, частичное ограничение действия различных дискриминационных барьеров при найме и продвижении по служебной лестнице и т. п.

---

[15] «Manpower report of the President», 1972, March, p. 21.

В 60-е гг., когда в США создавалось большинство ныне действующих направлений государственно-монополистического регулирования рынка труда, масштабы программ в области подготовки и переподготовки рабочей силы, ее последующего трудоустройства в целом были невелики. За неполное прошедшее десятилетие ими было охвачено примерно 4 млн. человек (учитывая и массовые летние программы трудоустройства молодежи), что составило 8,5% резервной армии труда 60-х гг. 70-е же годы, в отличие от 60-х гг., характеризует тенденция к экономическим застоям и кризисам. Чтобы затушить пламя возмущения трудящихся их бедственным положением, власти идут на расширение масштабов программ. Так, в 1975 г. программами в области переподготовки и трудоустройства трудящихся, подготовки молодежи к труду в течение учебного года и на летних каникулах было охвачено 1,5 млн. человек. Это составило около 20% общего числа безработных того же года (и 1,78% по отношению к общему числу занятых в стране) [16].

Практикуемое уже второе десятилетие государственное воздействие на рынок труда — явление беспрецедентное для истории США. Оно свидетельствует о попытке государственной надстройки буржуазного общества активно воздействовать на его базис, обуздать стихийное действие законов воспроизводства рабочей силы, анархию рынка труда, т. е. элементы сознательного использования экономических законов проявляются и на «верхних этажах» капиталистического общества. Нынешние формы государственного регулирования и методы их осуществления могут изменяться, но воздействие государства на рынок труда — явление необратимого порядка, без него капиталистическая система хозяйства функционировать уже не может.

В этой связи возникает вопрос о месте государственного регулирования рынка труда в США в системе предпосылок социализма, возникающих в недрах капиталистического общества. 70-е гг. связаны уже не с возникновением системы регулирования, а со шлифовкой механизма ее действия, с «координацией деятельности федеральных программ с точки зрения их последствий для трудовых ресурсов» [17]. Принятый в 1973 г. Закон о всестороннем обучении и трудоустройстве «ставит конец лоскутной системе разрозненных программ для трудовых ресурсов, созданных в начале 60-х гг.» [18]. Конечно, от деклараций правительства страны до реальной помощи ее трудящимся дистанция огромного размера. В данном случае нас интересует лишь сам факт формирования государственной системы воздействия на рынок труда.

В 60-х гг. расходы государства на одного участника программы (безотносительно к ее содержанию) составляли в среднем

---

[16] Подсчитано по: «Employment and Training Report of the President», 1976, June, p. 238, 246, 339.

[17] «Manpower report of the President», 1972, March, p. 20.

[18] «Manpower report of the President», 1974, April, p. 191.

1300 долл. В 70-х гг. средние расходы на одного участника программы удвоились, достигнув 2627 долл.[19]. В 1975 г. они колебались в пределах от 500 долл. на одного участника программы приобретения рабочего опыта до 5800 долл. в программе по созданию рабочих мест и трудоустройству в них безработных[20]. Увеличение государственных расходов на воспроизводство рабочей силы свидетельствуют о том, что производительные силы современного капиталистического общества перерастают старые общественные отношения. Об этом свидетельствуют как раз те меры, с помощью которых капиталистическое государство пытается приспособить объективные экономические законы развития рабочей силы к интересам своего строя.

В условиях НТР возникает новая форма проявления основного противоречия капитализма — между зрелыми предпосылками социализма и частнокапиталистической формой присвоения результатов все более сложного по своему характеру труда. Развитие и углубление этого противоречия, проявляющегося в настоящее время и в формировании единства антимонополистических сил, и в новых формах активной и все более массовой классовой борьбы, чревато острыми социальными и политическими коллизиями для капиталистической системы.

---

[19] Подсчитано по: «Employment and Training Report of the President», 1976, June, p. 339, 340.

[20] «Employment and Training Programs». Congressional Budget Office. Washington, 1976, p. XI.

Раздел IV.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В МИРОВОМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В ЭПОХУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА 1. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Оказывая далеко идущее воздействие на все стороны жизни общества, научно-техническая революция современности активно влияет и на международное разделение труда. Радикальное преобразование материально-технического базиса производства на основе новой техники сопровождается его растущей интернационализацией, быстрым обновлением товарной продукции, развитием специализации и кооперирования. «Одна из особенностей нашего времени, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, товарищ Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде КПСС, — растущее использование международного разделения труда для развития каждой страны, независимо от ее богатства и достигнутого ею экономического уровня» [1]. Соответственно растет зависимость всех без исключения стран от внешних экономических связей, умножаются и усложняются их формы, меняется инструментарий торговой политики. Тем самым интенсифицируется действие отмеченной В. И. Лениным тенденции к хозяйственному сближению наций, а сама внешняя торговля превращается для всех без исключения стран в один из важнейших участков экономики, в фактор экономического роста. Наконец, международное разделение труда и специализация охватывают и сам процесс исследований, попутно порождая быстрый рост лицензионной торговли.

Известно, что развитие производительных сил, начиная с этапа формирования крупной машинной промышленности, идет рука об руку с их опережающей интернационализацией, перерастает «ограниченные рамки национально-государственных делений...» [2]. Это находит свое выражение прежде всего в опережающем росте международного товарооборота. За послевоенный период он возрастал более чем в 2 раза быстрее, чем валовой национальный продукт капиталистических стран. Более того, наивысшие темпы экономического роста показывали как раз те страны, которые наиболее активно вовлечены в международное разделение труда.

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 56.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.

Стала необратимой и постоянно растет зависимость отдельных капиталистических стран от внешней торговли, причем как в реализации на внешних рынках прироста производства, так и в снабжении его необходимым сырьем и топливом. В свою очередь, рост такой зависимости в значительной степени определяется тенденциями научно-технической революции.

Прежде всего потребности современного производства далеко превышают наличные природные ресурсы любой отдельно взятой страны, так что правилом для любой высокоразвитой экономики стала ориентация на обеспечение национального хозяйства за счет внешних источников[3].

Одновременно растет зависимость от внешних рынков по линии экспорта. Так, экспортируемая доля материального производства с 1950 по 1976 г. возросла (в %) в США с 9,1 до 15,0, в странах — членах ЕЭС — с 18,6 до 22,8, в Японии — с 20,7 до 31,9, Канаде — с 42,5 до 71,3. Работа сразу на мировой, а не на узконациональный рынок все более становится закономерностью высокоразвитой экономики, причем наиболее зримо эти процессы протекают как раз там, где наиболее тесно переплетаются процессы международного разделения труда и научно-технической революции — в производстве и торговле машинами и оборудованием. Так, в 1974 г. экспортировалось 42% капиталистического производства тракторов, 55 — целлюлозно-бумажного оборудования, 73 — судов, 75% — двигателей внутреннего сгорания и т. д.

При этом важно отметить, что в отличие от прошлого внешняя торговля привлекается ныне отнюдь не только для реализации физических излишков или покрытия очевидных дефицитов. Она активно служит формированию хозяйственной специализации страны, «вымывая» нерентабельные производства и обогащая ассортимент товаров, обращающихся на внутреннем рынке. В целом это способствует повышению производительности общественного труда, его экономии и тем самым повышению эффективности развития хозяйства, специализирующегося в итоге международной конкуренции на производстве, в первую очередь, наиболее эффективных товаров. Именно поэтому углубление международного разделения труда в эпоху НТР уже не только межотраслевого, но и внутриотраслевого, превращает все страны одновременно в экспортеров и импортеров одних и тех же категорий товаров, в первую очередь промышленных. Например, фирмы США, экспортировав в 1974 г. машин и оборудования на 36,2 млрд. долл., одновременно завезли его на 24,1 млрд. долл. Аналогичные показатели для ФРГ равны

---

[3] По этому пути идут даже США при всех громадных природных богатствах. Сосредоточивая около 6% мирового населения, они потребляют 1/3 мирового производства сырья. При этом доля США в мировой добыче сырья сократилась с 40% в 1940 г. до 20% в начале 70-х гг., а доля импортного сырья и топлива во внутреннем их потреблении достигла 1/3. Еще ощутимее подобная зависимость в других странах капитализма, менее обеспеченных природными ресурсами.

(млрд. долл.) 37,8 и 9,9; Японии — 25,0 и 4,2; Англии — 13,6 и 9,3; Франции — 13,0 и 11,1; Италии — 10,0 и 6,3 и т. д.

В свою очередь, научно-техническая революция остро нуждается в мировом рынке как в адекватной арене для освоения ее достижений. Все возрастающая стоимость такого освоения резко увеличивает оптимальные размеры предприятия. Для этих предприятий становятся узки границы отдельных стран. В итоге многие новые отрасли промышленности (ЭВМ, авиакосмическая и др.) сразу же рождаются как международные, т. е. зависящие уже «...исключительно от мирового рынка, от международного обмена и международного разделения труда»[4].

Повышение серийности и оптимального размера предприятий на базе их включения в международное разделение труда способствует не только быстрому освоению, но и снижению себестоимости новинок. Например, доказано, что каждое удвоение серии в машиностроении дает экономию в 20% на затратах труда и 10% на затратах материалов. В химии себестоимость одного фунта синтетических волокон при установленной мощности завода в 5 млн. ф. в год равна 2 долл., а при мощности в 70 млн. ф. — всего 0,7 долл. и т. д.

Наибольшее распространение в мировой торговле получила пока предметная специализация. В определенных узких границах производств в расчете на весь мировой рынок работают лишь ограниченный круг стран или фирм. Например, производство атомного энергетического оборудования все более стягивается в США, Англию, Францию, ФРГ, Японию и Канаду. Крупные гидротурбины сооружаются, по сути дела, лишь в США, Швеции и Швейцарии, реактивные гражданские самолеты — в США, Англии и Франции и т. д. Вместе с тем научно-техническая революция позволила сделать в этой области еще один принципиальный шаг вперед, а именно: перейти от предметной к постадийной и подетальной специализации, т. е. использованию в международном масштабе, вслед за общим и частным, уже и единичного разделения труда[5]. Это обусловило быстрое развитие технологического кооперирования, при котором международно рассредоточенным оказывается уже сам процесс производства готовой продукции. Предприятия отдельных стран превращаются как бы в цехи международно организованного комбината, т. е. традиционная международная торговля фактически заменяется международным производством[6].

---

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 157.

[5] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 363.

[6] Современное технологическое кооперирование приобретает самые разные формы. Наиболее распространенная из них — субпоставки, особенно часто применяемые либо в производстве стандартных изделий массовой серийности (автомобили, бытовые приборы), где это открывает путь к снижению себестоимости, либо в производстве систем техники, для которых необходимо объединение технологических усилий сразу нескольких стран. Например, существует самый широкий обмен деталями между автопромышленностью США и Канады. К югу от Рио-Гранде на территории Мексики создан целый «электронный

Таким образом, НТР ускоряет и углубляет международное разделение труда, интернационализирует те его формы, которые раньше практиковались лишь в рамках отдельных стран или даже внутри отдельных предприятий. Однако и этим ее воздействие на мирохозяйственные связи отнюдь не ограничивается.

Изменения в техническом облике производства, как в зеркале, отражаются и в самом товарном составе мировой торговли, обусловливая его постоянное обновление. В частности, в мировой торговле растет доля готовых изделий (с 58,6% в 1965 г. до 65% в 1976 г.), а среди них — машин, оборудования и химикатов, и эту тенденцию существенно не изменили даже последние события в области мировых цен, вызвавшие серьезные изменения в стоимостных пропорциях мировой торговли в пользу сырьевых товаров.

Одновременно внутри индустриальной части экспорта быстро растет доля продукции новейших отраслей, непосредственно связанных с освоением достижений НТР, таких, как электроника, энергетическое оборудование, бытовые приборы и т. д. Аналогичные процессы происходят и в области химии, где в конкуренции с натуральным сырьем продолжает складываться искусственная сырьевая база промышленности, а также рождаются новые производства. Ныне не осталось ни одного промышленного сырьевого материала, растительного или животного происхождения, у которого не было бы искусственного заменителя.

Сдвиги на отраслевых уровнях сопровождаются массовым появлением новых товаров во всех видах производстства[7]. Только

пояс», предприятия которого специализируются на субпоставках электронным компаниям США. Что касается системы техники, то при разработке модифицированной второй ступени ракеты-носителя «Сатурн» исполнитель контракта «Роквелл интернейшнл» (США) привлекла в качестве субпоставщиков 12 фирм из ФРГ, Канады, Англии, Швеции и Норвегии.

Нередко сотрудничество между партнерами организуется на более широкой базе, предусматривая совместное производство (или проектирование и производство) отдельных изделий, примером чего может служить англо-французский сверхзвуковой самолет «Конкорд» или англо-западногерманское сотрудничество в разработке и создании ультрацентрифуги для атомной промышленности.

Технологическое кооперирование, наконец, может быть и постадийным. Так, Англия в значительных количествах ввозит из Индии и Пакистана пряжу и полуфабрикаты тканей, дорабатывая их в готовый текстиль. И наоборот, в целях удешевления сборки США, ФРГ и Швейцария вынесли в страны Юго-Восточной Азии многие операции по сборке оптики, электроники и часов.

[7] В сырьевых отраслях — это прежде всего различные виды сырья, прошедшие первичную обработку (растворимый кофе, растворимый чай, древесностружечные плиты, древесный шюн и т. д.), а в обрабатывающих — результаты освоения новых технических решений. Таким образом, за последние десять лет многие новые модели товаров роднит со старыми лишь их название. Так, за этот период вышли на рынок ЭВМ третьего и четвертого поколения широкофюзеляжные реактивные пассажирские самолеты, стереофоническая бытовая техника, автомобили с роторными двигателями, новые виды атомных реакторов, оборудование для бурения и добычи нефти и газа на шельфе, новые медикаменты, оборудование космической связи, метеорологические ракеты, станки с программным управлением, лазерная техника, элитные семена высокоурожай-

в США, по оценке агентства «Макгроу-Хилл», в 1975 г. доля новой продукции (не производившейся в 1972 г.) составила около 1/5. Не будет преувеличением сказать, что товарный состав мировой торговли ежегодно обновляется более чем на 5%. В свою очередь постоянное обновление товарного состава экспорта диктуется обострением и изменением характера международной конкуренции, где НТР также оставляет свой ясно видимый след.

Известно, что применение новинок науки и техники всегда давало капиталу возможность извлечь дополнительные прибыли из технических усовершенствований и укрепить позиции фирм на рынке. «...Наука и техника, — писал К. Маркс, — сообщают функционирующему капиталу способность к расширению, не зависящую от его данной величины»[8], а также «в известных границах расширяют его арену действия»[9], что, естественно, особо важно для внешних экономических связей. Однако НТР вносит сюда прежде всего то изменение, что она делает усилия фирм по освоению НИОКР условием их выживания как функционирующих капиталистов вообще и в особенности на мировом рынке.

Научно-технический прогресс меняет прежде всего саму сферу конкуренции, распространяет ее не только на рынок, но и на производственные предприятия и лаборатории промышленности. Все большая часть заказов (уникальные станки, суда, самолеты, системы техники) выдаются на товары даже еще не существующие, а только намечаемые к постройке. Резко сокращаются и сроки морального старения оборудования вплоть до того, что физический износ перестает быть определяющим в сроках его эксплуатации. Получает распространение даже такой прием, как «запланированное устаревание», когда фирма сама меняет на рынке модели своих товаров, не дожидаясь даже их морального износа — прежде, чем у них могут появиться конкуренты. Такой практике следуют, например, многие электронные компании.

Наконец, вслед за усложнением продукции и технологических требований производства конкуренция все более смещается из области цен в область качества товаров, когда потребитель готов платить «премию за совершенство» более качественной продукции. Например, опрос ведущих машиностроительных фирм США выявил, что цены и сроки поставок определяли успех лишь для соответственно 14 и 5% номенклатуры их экспортной продукции, тогда как инженерный уровень — для 39%, уникальность — 14, репутация фирмы — 15%.

Все эти обстоятельства служат дополнительным стимулом для увеличения выпуска новых товаров, который ныне играет в конку-

---

ных сортов зерновых, трубы сверхвысокого давления и диаметра, электронные телефонные станции, мини-ЭВМ, электронные карманные калькуляторы, новые виды пластмасс, синтетических волокон, ядохимикатов, промышленные роботы и т. д.

[8] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 619.

[9] Там же, с. 623.

ренции за потребительский спрос ту же роль, что ранее манипулирование ценами. К тому же, как показывает практика, новизна продукции дает фирме-пионеру на время определенную свободу в определении верхней границы цены товара, а это позволяет извлекать монопольные прибыли на базе одной лишь технической новизны (особенно если она подкреплена патентной защитой). Например, будучи в течение 15 лет монополистом в производстве нейлона, «Дюпон де Немур» получила на нем по 30—40% всего объема своих прибылей, а у «ИБМ» доля прибыли в цене ее новой продукции достигала подчас 60—70%.

Не удивительно, что в этих условиях резко возрастают затраты фирм и буржуазных государств на научно-исследовательские работы и внедрения, поскольку они превращаются в одну из основ конкурентоспособности на современном мировом рынке. В 1974 г. в капиталистическом мире на развитие науки и техники было израсходовано 55—58 против 20 млрд. долл. в 1962 г. Около половины этих расходов приходится на США, в том числе 70% американских расходов на науку и технику было потрачено в области машиностроения. Усилия частных фирм активно дополняются вмешательством буржуазного государства, из бюджета которого покрывается около половины расходов на науку и технику в странах капитала.

В свою очередь эта громадная сфера общественной деятельности также начинает испытывать на себе влияние международного разделения труда. В эпоху НТР это происходит в двух главных направлениях: формируется разделение труда и специализация в исследованиях между странами и на этой базе резко возрастает коммерческий обмен результатами исследований между странами. В результате новая технология уже превратилась в важный и самостоятельный объект международной торговли.

Что касается специализации, то практика доказала, что ныне ни одна страна, даже сверхкрупная, уже не в состоянии одинаково интенсивно продвигаться вперед по всем направлениям научно-технического прогресса сразу. Это вновь, теперь уже на экономической базе, доказало интернациональный характер развития науки и техники. В итоге имеет место все углубляющаяся специализация в исследованиях, служащая как бы опережающим признаком последующей специализации в производстве. В свою очередь это заставляет страны и фирмы полагаться на импорт зарубежной технологии на тех участках, где национальный (фирменный) научно-технический потенциал недостаточен или же уровень исследований далеко отстает от мирового.

Учитывая, что международный технологический обмен в мире капитала ведется прежде всего на коммерческих началах, это обусловливает чрезвычайно быстрый рост международной торговли патентами и лицензиями. Доходы от международной торговли технологией в рамках капиталистического мира в 1974 г. превысили 4 против 0,8 млрд. долл. в 1963 г., причем главную роль в ней

играют наиболее развитые капиталистические страны. Около 60% таких доходов приходится на долю США, которые за послевоенные годы выступили пионерами в разработке 60% и внедрении 75% важнейших изобретений в капиталистическом мире [10].

Все более важная роль, которую играют наука и техника в экономическом росте, в повышении эффективности народного хозяйства и конкурентоспособности экспорта товаров и капиталов, сделала темп и уровень их развития одним из основных показателей, определяющих международные позиции отдельных стран. Соответственно в антагонистической системе мирового капиталистического хозяйства наука и техника стали одной из главных сфер развертывания межимпериалистических противоречий, причем как на межгосударственном, так и на межфирменном уровне.

Коренные сдвиги в расстановке сил в современном мире, позиции обороны перед лицом социализма и национально-освободительного движения, на которые вынужден был перейти империализм, в серьезнейшей степени изменили характер проявления и формы разрешения межимпериалистических противоречий. Сознавая, что применение прежних военных методов в данной обстановке было бы губительным для империализма как системы, западные страны с тем большим ожесточением включились в экономическую борьбу между собой, и, как было показано выше, все большую роль в этой борьбе играет научно-технический потенциал конкурирующих стран. Отсюда и та гонка по его расширению, которая была предпринята западными странами за последние двадцать лет. Так, например, темпы роста экспорта отдельных стран оказываются в прямой зависимости от динамики производительности труда и от качества товаров, предопределяемого темпами научно-технического прогресса. «Соединенные Штаты, — указывалось во внешнеэкономическом докладе президента за 1973 г., — продолжают сохранять значительный актив в торговле по всем товарам, которые являются высокотехнологичными. В те годы, когда наш общий торговый баланс попадал в тяжелое положение, наш экспорт высокотехнологичной продукции предотвращал появление в нем еще худших дефицитов» [11]. Это со всей наглядностью явствует из табл. 10.

---

[10] Чрезвычайная ценность технологии как товара в эпоху научно-технической революции легко объяснима. Странам (фирмам)-продавцам ее продажи позволяют извлекать дополнительные прибыли без расширения производства, капиталовложений и товарного экспорта, полнее и быстрее осваивать мировой рынок, преодолевать торгово-политические барьеры, облегчать внешнеэкономическую экспансию, устанавливать технологический контроль над своими конкурентами. В свою очередь, страна (фирма)-покупатель технологии получает возможность сэкономить время и средства при обновлении номенклатуры своих продаж и создании новых производств, что имеет решающее значение в современной конкуренции, а также сконцентрировать собственные усилия на поддержании своих позиций на тех направлениях науки, где она идет впереди.

[11] «International Economic Report of the President». Washington, 1973, p. 70.

Обладая самым высокотехничным в мире сельским хозяйством, США захватили лидирующие позиции и в производстве и в экспорте сельхозтоваров умеренной климатической зоны. Так, доля США в капиталистическом экспорте пшеницы с 1967—1971 гг. по 1971—1974 гг. возросла соответственно с 31,5 до 42,8%, маслосемян — с 52,5 до 57,0%, риса — с 25,2 до 27,8%, кормового зерна — с 40,8 до 50,1%. Основные протекционистские барьеры воздвигнуты в США против импорта таких товаров, как черные металлы, текстиль, обувь, автомобили, тогда как Западная Европа отгораживается в первую очередь от «таранящего» экспорта американских сельхозпродуктов.

Однако еще нагляднее эти противоречия проявляются в сфере экспорта капитала. Новейшая техника выступает здесь как «универсальная отмычка» к рынкам других стран, стремящихся приобщиться к ее достижениям. Например, в 1962 г. Французское правительство отказало «Дженерал электрик» в покупке 20% акций местной электронной компании «Бюлль», однако уже в 1964 г. вынуждено было ввиду крайней нужды страны в технологии для производства ЭВМ разрешить эту сделку, причем «Дженерал электрик» получила уже 50% акций. Таким образом, «ранее самостоятельные голландские компании, которые использовали лицензии своих западногерманских партнеров, постепенно превратились в их 100% дочерние фирмы», — писала западногерманская «Ди Виртшафт».

Технологическое первенство выступает так же как база не только для экономического, но и политического доминирования. «Нынешний разрыв (в уровнях техники. — *И. И.*) соответствует, конечно, национальным интересам Америки, — заявлял вице-президент американской компании «Мерк» А. Кнопперс, — тогда как его исчезновение очень серьезно ограничило бы роль Америки в мире и ослабило бы ее военные и политические позиции». Таким образом, на современном опыте межимпериалистических противоречий подтверждается правота слов В. И. Ленина о том, что научно-технический прогресс «сопровождается, как и все другие прогрессы капитализма, также и «прогрессом» противоречий, т. е. обострением и расширением их» [12].

Переплетение НТР и интернационализации производства непосредственно сказалось и на деятельности промышленных корпораций, причем на их уровне тенденция к интернационализации операций действовала с еще большей силой. В начале 70-х гг. эксперты ООН насчитывали уже 650 корпораций, активно участвующих в международном производстве с оборотом свыше 300 млн. долл. каждая. Из вышеназванного числа выделилась также элита в 200 корпораций-миллиардеров, имевших предприятия более чем

---

[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 180.

в 20 странах каждая — прежде всего в тех, которые располагали новейшей техникой, ибо именно солидная научно-техническая база позволяла МНК, во-первых, наиболее полно воспользоваться новейшими изменениями в международном разделении труда, а во-вторых, активно проникать на этой базе на рынке иностранных государств.

Рождение подобных международно-оперирующих корпораций в существенной степени изменило, интернационализировало капиталистический рынок капитала, процессы найма и эксплуатации рабочей силы, самого производства прибавочной стоимости. Международный характер приняло внутрифирменное планирование их операций. Все более отрываясь от национальной почвы, МНК взяли ориентировку на «всемирное» снабжение, «всемирный» сбыт и широкое географическое размещение своих предприятий по принципу минимизации издержек. Одновременно технический прогресс все более соединял их филиалы, прежде автономно работавшие на локальных рынках, в единую технологически интегрированную систему под централизованным руководством и управлением.

В результате МНК превратились ныне в хозяев капиталистического рынка, в главное орудие межимпериалистической борьбы для своих стран. В начале 70-х гг. на их долю приходилось уже 1/3 ВНП и такая же часть внешнеторгового оборота капиталистического мира, а их ликвидные средства превышали активы всех центральных банков капиталистических стран. Более того, крупнейшие из них стали уже сопоставимыми с этими странами по экономической мощи.

В международную конкурентную борьбу на арене новой техники активно вмешивается буржуазное государство. Это вмешательство идет по двум главным направлениям: стимулирование научно-технического прогресса, в том числе в экспортном секторе

Таблица 10

Доля государства в финансировании исследований и разработок (1973 г., в %)

США — 52	ФРГ — 45
Англия — 55	Япония — 35
Франция — 69	Канада — 66

Источник: «International Economic Report of the President 1974».

экономики, и усиление торгово-политического регулирования во внешнеэкономической сфере. Ныне почти во всех странах правительства берут на себя риск осуществления крупных проектов, теоретических исследований, налаживают техническую информацию, пытаются упорядочить анархию тематики исследований в частном секторе, финансируют внедрение.

Государство целенаправленно стимулирует не только производство, но и внедрение новых знаний [13].

Взятые в целом, государственные мероприятия по регулированию внешней торговли, в том числе в связи с НТР, разумеется, усиливают позицию «своих» национальных финансовых капиталов. Однако это вносит в международное разделение труда и его углубление диспропорции, неопределенность, элементы внеэкономического принуждения. В этом наглядно сказывается весь антагонизм мирового капиталистического хозяйства, в котором объективные тенденции к хозяйственному сближению наций, к развертыванию НТР как всемирного естественноисторического процесса хотя и пробивают себе дорогу и даже являются преобладающими, однако, наталкиваются при этом на межимпериалистические противоречия национально-обособленных государственно-монополистических комплексов.

Дело, однако, отнюдь не ограничивается технико-экономическими сдвигами. Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что последние всегда чреваты социальными и политическими последствиями. Поэтому и научно-техническая революция в сфере мирохозяйственных связей является ныне полем, где развертывается новый комплекс важных социально-исторических процессов.

Во-первых, это касается соревнования двух систем, одним из аспектов которого является противостояние и противоборство двух путей хозяйственного сближения наций. Эти два пути демонстрируют различные возможности и последствия переплетения тенденций к техническому преобразованию производства и его интернационализации в их взаимной связи при социализме и при капитализме. Если при социализме овладение достижениями НТР является одной из стержневых задач комплексной программы социали-

---

[13] Так, в США государственные закупки создали гарантированный рынок сбыта и тем самым во многом уменьшили риск освоения ЭВМ, станков с программным управлением, лазерной техники. Ускоренная амортизация, в ходе которой разрешается списывать 2/3 стоимости машин в первую половину срока их службы, расчищает дорогу для внедрения нововведений. Расходы на исследования списываются с прибылей, подлежащих налогообложению и, кроме того, дается еще 10%-ная налоговая скидка для капиталовложений в новую технику. В Японии государство покрывает частным фирмам 60—80% стоимости проектов с высокой степенью риска и также дает амортизационные и налоговые льготы. В Канаде им покрывается 50% объема предварительных и 25% фактических исследований. Во Франции для этих целей предоставляются субсидии, покрываются перерасходы фирм по исследованиям с большой степенью риска, разрешается ускоренная амортизация, в ФРГ даются налоговые льготы, в Англии — финансируются внедрения и т. д. Одновременно правительства зачастую поощряют концентрацию в наукоемких отраслях (английская авиапромышленность, производство ЭВМ во Франции), а ЕЭС разрешает даже существование картелей, если они ведут к «повышению технического уровня производства».

стической экономической интеграции, то на капиталистическом рынке новая техника выступает прежде всего как орудие межимпериалистической конкуренции и как материальная база внешней экономической экспансии. Таким образом, здесь уже на международном уровне проявляется вся противоестественность подчинения науки капиталу, его итоговой неспособности вместить в свои рамки научно-техническую революцию современности.

Во-вторых, НТР все более оказывается в центре борьбы между империалистическими и развивающимися странами. Отсталость последних обусловливает ту специфику их развития, что новейшая техника попадает к ним почти исключительно через внешнюю торговлю, через международное разделение труда. Отсюда и стремление освободившихся государств максимально расширить и ускорить подобный «перелив технологии», облегчить его условия, ибо НТР открывает перед молодыми государствами реальный путь к более быстрому преодолению экономической отсталости путем «перешагивания» через те сменявшие друг друга этапы эволюционного развития техники, которые в свое время прошел западный мир. Однако в системе империалистических мирохозяйственных связей процесс «перелива технологии» идет в обстановке острейших противоречий. Технологическое преимущество западных государств над развивающимися странами используется для упрочения зависимого положения последних в антагонистическом, эксплуататорском международном разделении труда при капитализме как база для проникновения международных монополий в экономику молодых государств, как инструмент монополистического ценообразования и насаждения в странах Азии, Африки и Латинской Америки капиталистических порядков.

В свою очередь эта сфера мирохозяйственных связей также является ареной соревнования двух систем на фоне НТР. Социалистические страны ликвидировали эксплуататорскую монополию Запада на новую технологию, предложили развивающимся странам новые, равноправные формы перелива технологии, способствующие становлению и развитию их национальной экономики, в том числе госсектора и формированию материально-технической базы для движения по пути социалистической ориентации.

НТР внесла много нового и в международное разделение труда на таком его специфическом участке, как торговля Востока с Западом. Она в значительной степени повысила роль такой торговли как экономической основы мирного сосуществования и материализации разрядки, сделав магистральным путем ее развития крупномасштабное, долгосрочное экономическое и научно-техническое сотрудничество. Это предполагает квалифицированное использование достижений НТР для достижения как внешнеполитических, так и конкретных экономических интересов СССР. Именно поэтому дальнейшее развитие внешних экономических связей определено XXV съездом КПСС как одна из ключевых задач десятой пятилетки.

ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ВЫВОЗ КАПИТАЛА

Научно-техническая революция привела к возникновению новой ступени интернациональной концентрации капитала и производства. В процессе развертывания научно-технической революции происходило дальнейшее перерастание производительными силами национальных границ, углублялась несовместимость стихийного рыночного механизма регулирования с интернационализацией производительных сил.

Научно-техническая революция оказала глубокое воздействие на формы монополизации интернационального производства и обращения. Приспособление международных экономических отношений к новой ступени интернационализации производительных сил в частности выразилось в появлении международных монополий нового типа, ставших основными субъектами вывоза капитала.

Развертывание НТР совпадает по времени с интенсификацией мирового революционного процесса.

Специфические черты вывоза капитала в современных условиях отражают сложное взаимодействие НТР, новых форм монополизации и мирового революционного процесса. Вывоз капитала испытывает воздействие всех вышеуказанных процессов.

Научно-техническая революция заставляет нас по-новому оценить экономические основы движения капитала между странами. Марксистско-ленинское положение о связи движения капитала с его перенакоплением сохраняет свою силу в современных условиях. Вместе с тем оно требует определенного уточнения.

Современные международные монополии рассматривают весь мир как свой рынок и объект для капиталовложений, они организуют и размещают производство и осуществляют сбыт продукции безотносительно государственных границ. Международные монополии принимают во внимание конъюнктуру во многих странах, перераспределяют капиталы в направлении быстро развивающихся, наиболее прибыльных стран, сфер, отраслей. В связи с этим перенакопление капитала следует учитывать в интернациональном масштабе.

В силу ряда обстоятельств движение капитала в рамках современных международных монополий становится относительно независимым от хода воспроизводства в странах базирования и принимающих странах. Относительная независимость движения капитала от его перенакопления в рамках одной страны представляет одну из существенных модификаций в современных условиях вывоза капитала. Экспансия международных монополий финансируется не только и не столько за счет капиталов, мобилизуемых в странах базирования, сколько за счет нераспределенных прибылей, амортизационных фондов заграничных подконтрольных компаний, мобилизации финансовых ресурсов на международных рынках

капитала. Присвоение материнской компанией доходов подконтрольных предприятий за границей также придает относительную самостоятельность ее решениям о направлении капиталовложений, создает определенную независимость капиталовложений от объема доходов, полученных в одной стране. Исследование, предпринятое по инициативе Международного валютного фонда, показало, что рост прямых инвестиций в мировом капиталистическом хозяйстве осуществляется на 2/3 за счет капиталов, мобилизованных за пределами стран базирования.

В условиях научно-технической революции экономическую основу движения капиталов между странами нельзя свести только к перенакоплению капитала. Это движение диктуется также невозможностью воспроизводства капитала в национальных границах вследствие интернационализации производительных сил и новой ступени интернациональной концентрации капитала и производства. Интернационализация производительных сил развивается неравномерно. Одни виды производства затронуты этим процессом в большей, другие в меньшей степени. На рубеже XIX—XX вв. интернационализация наиболее ярко обнаружилась в производстве динамита и других взрывчатых веществ, добыче нефти и электротехнической промышленности. После первой мировой войны к ним добавилась химическая промышленность. Затем особенно после второй мировой войны, круг интернациональных отраслей расширился за счет производства транспортного оборудования, радиоэлектроники, нефтехимии и других отраслей. Научно-техническая революция существенно приумножила число таких отраслей, которые организованы в интернациональном масштабе. Эффективное использование капитала в таких отраслях требует крупного масштаба производства, емких рынков, разнообразных источников мобилизации капитала и научно-технических знаний, интернационального разделения труда и специализации производства. За движением капитала в рамках международных монополий скрываются процессы перенакопления капитала и перерастания производительными силами национальных границ.

Конечно, воспроизводство общественного капитала и до империализма было невозможно в национальных границах. Только абстрактная теория реализации отвлекается от внешнего рынка, справедливо считая, что перенесения вопроса из одной страны на несколько стран не решает проблемы. Однако конкретно-исторические условия реализации совокупного общественного продукта предполагают, что «капиталистическая нация не может существовать без внешних рынков. При капиталистическом производстве равновесие производства с потреблением достигается только рядом колебаний; чем крупнее производство, чем более широк круг потребителей, на которых оно рассчитано, тем сильнее эти колебания. Понятно поэтому, что когда буржуазное производство достигло высокой степени развития, ему уже невозможно удержаться в рамках национального государства: конкуренция вынуждает капита-

листов все расширять производство и отыскивать себе внешних рынков для массового сбыта продукта» [1].

При империализме воспроизводство общественного капитала становится невозможным без вывоза капитала. Функция вывоза капитала заключается в том, чтобы частично изъять «избыточный капитал» из процесса воспроизводства и тем самым ослабить его противоречия.

Если бы все капиталовложения были направлены на развитие производства внутри страны, то это могло бы серьезно обострить противоречия воспроизводства, возникла бы угроза усиления неустойчивости экономики, а в конечном счете снижения темпов ее роста. Вывоз капитала есть форма частичного разрешения противоречий капиталистического воспроизводства и, следовательно, необходимая форма движения этого способа производства.

Развитие международных монополий нового типа свидетельствует о том, что воспроизводство общественного капитала невозможно без интернационального производства, разделения труда и специализации производства, которые возникают на базе этого производства.

Движение капитала между странами отражает тенденцию современных производительных сил к интернационализации в условиях господства частнокапиталистической собственности на средства производства.

Интернационализация производительных сил в условиях господства частнокапиталистической собственности усугубляет перенакопление капитала в национальных границах. При отсутствии перенакопления капитал тем не менее будет действовать в интернациональном масштабе под воздействием общественных производительных сил и конкуренции.

В условиях научно-технической революции по-новому стоит и вопрос о роли различия норм прибыли в движении капитала между странами. Когда капитал двигается из развитых стран в отсталые, то здесь не возникает особых проблем. В отсталых странах норма прибыли выше, чем в развитых. Миграция капитала между развитыми капиталистическими странами ставит вопрос, почему и как может происходить взаимопроникновение капитала. Если можно объяснить наплыв американского капитала в Западную Европу тем, что норма прибыли там выше, чем в США, то как объяснить одновременное встречное движение капитала из Западной Европы в США (ради упрощения мы отвлекаемся от различной структуры этого движения: движение капитала из США в Западную Европу представлено на две трети прямыми вложениями, в обратном направлении — на одну треть). В советской экономической литературе для объяснения взаимопроникновения капиталов был выдвинут тезис о том, что значение нормы прибыли в движении капитала между империалистическими странами относи-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 96.

тельно падает, возрастает значение массы прибыли. При этом ссылались на известное положение К. Маркса о том, что «норма прибыли, т. е. относительный прирост капитала, имеет важное значение прежде всего для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы капиталообразование стало уделом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство»[2]. Мысль К. Маркса о том, что для крупных капиталистов более важна масса прибыли, чем ее норма, имеет большое значение для понимания миграции капитала. В определенной мере ее справедливость подтверждается и статистическими данными. Начиная с 50-х гг. отмечается тенденция к сближению норм прибыли на капиталовложения в странах базирования и на инвестиции, помещаемые за границей. В наибольшей мере указанная тенденция относится к инвестициям в обрабатывающую промышленность.

Оценка сравнительной прибыльности родительских компаний и заграничных предприятий весьма затруднительна, так как последние находятся в рамках глобальной системы, осуществляющей перераспределение прибылей между составными частями международной монополии. Так, английские многонациональные корпорации зачастую в конце года перераспределяют прибыль между подконтрольными предприятиями за границей обычно в форме платежей за услуги. Родительские компании платят повышенные цены за технологическую информацию, поставляемую им подконтрольными предприятиями, когда норма прибыли последних ниже приемлемой. Другим методом является понижение цен на товары, купленные подконтрольными компаниями у родительской фирмы, с целью сокращения издержек. С другой стороны, весьма часто происходит перераспределение прибыли в пользу родительской компании, если доход на инвестиции подконтрольных предприятий слишком высок. Известны случаи, когда родительские компании перераспределяли прибыли между высокорентабельными и убыточными предприятиями до тех пор, пока каждое из них не достигнет своей намеченной нормы дохода на инвестиции[3].

Иногда международные монополии предпочитают по тем или иным причинам фиксировать наивысшую прибыль в той или иной стране, на той или иной стадии производства. Так, нефтедобывающие концерны стремились основную массу прибыли извлекать в странах, добывающих нефть. Частично это объяснялось их желанием использовать налоговые скидки на так называемое «истощение недр», предусмотренное налоговым законодательством США. Частично это связано со стратегией, направленной на концентрацию прибылей на той стадии обращения капитала, которая

---

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 284.

[3] Arpon J. S. International Intracorporate Pricing. Non-American System and Views. New York, 1971, p. 85.

недоступна для конкурентов. Чтобы предотвратить капиталовложения конкурентов в наиболее доступные для них пункты, международные монополии стараются сделать такие операции или виды деятельности неприбыльными или малоприбыльными. В нефтяной промышленности к числу таких операций относится сбыт нефти [4]. Перераспределение прибылей связано также с налоговыми махинациями и другими злоупотреблениями «гениев» финансовых проделок.

В какой мере тенденция к сближению норм доходности объясняется манипулированием с прибылями и в какой мере выравниванием уровня технологии (и, следовательно, органического строения капитала) и степени эксплуатации, установить статистически невозможно. По-видимому, каждое из этих обстоятельств вносит свою лепту в конечный результат.

В связи с малой достоверностью данных о массе и норме прибыли как в странах базирования МНК, так и в принимающих странах положение о решающей роли массы прибыли нельзя считать универсальным объяснением движущих мотивов движения капитала между странами. Его следует объяснить и при наличии разных норм прибыли в развитых капиталистических странах.

Мы считаем, что уровень национальной или отраслевой нормы прибыли в развитых капиталистических странах не играет решающую роль в определении направленности капиталовложений многонациональных корпораций. Общая ситуация с прибыльностью, сложившаяся в той или иной стране, может привлечь внимание руководства МНК к возможностям капиталовложений в такой стране. Но в принципе многонациональные корпорации способны осуществлять капиталовложения и при низкой, и при высокой нормах прибыли в принимающих странах. Дело в том, что МНК ориентируется не на ту норму прибыли, которая сложилась в принимающей стране, а на ту, которая может возникнуть в результате использования новой технологии, организации труда, управления и маркетинга. Капиталовложения осуществляются также с учетом глобальных интересов МНК.

Будучи более эффективной по сравнению с местными предприятиями, многонациональная корпорация способна присваивать добавочную прибыль, равную разнице между индивидуальной ценой производства на предприятиях МНК и общественной ценой производства. Если корпорация создает предприятия, не имевшие аналогов в принимающей стране (Франция, например, до появления американских предприятий не имела своего производства сажи), то добавочная прибыль может возникнуть по сравнению с тем объемом прибыли, которую она присваивала ранее, импортируя товары в данную страну.

---

[4] Vernon R. Sovereignty at Bay. The Multinational Spread of US Enterprises. London, 1971, p. 138.

В относительной независимости движения капитала многонациональных корпораций от национальных норм прибыли лежит разгадка миграции капитала между развитыми капиталистическими странами.

Если инвестиции традиционного типа (портфельные инвестиции) исходили из существующего различия в норме доходов (уровня дивидендов или ставки процента), то для капиталовложений многонациональных корпораций существующие различия в доходности относительно менее важны. Корпорации используют различия в нормах прибыли, ставках процента, заработных платах, ценах. Но они не только используют их, но и существенным образом влияют на них, формируют эти различия. И здесь существенную роль играет овладение международными монополиями достижениями научно-технической революции. Как установили У. Грубер, Д. Мехта, Р. Вернон в 1967 г., имеется непосредственная связь между расходами на научные исследования и опытно-конструкторские разработки в той или иной отрасли и экспортом товаров и капитала. Отрасли с крупными расходами на НИОКР значительно превосходят остальные в области заграничного предпринимательства. Интенсивная внешнеэкономическая экспансия таких отраслей объясняется, с одной стороны, превосходством их над заграничными конкурентами, с другой, необходимостью распределить расходы на НИОКР на больший объем экономического оборота. Используя достижения научно-технической революции, международные монополии и формируют соответствующую норму прибыли на капиталовложения за границей, относительно независимую от существующих национальных и отраслевых норм прибыли.

При нормальном ходе дела норма прибыли на заграничные капиталовложения должна быть выше, чем в стране базирования. Это создает необходимые стимулы для внешнеэкономической экспансии. И она должна быть выше, чем в принимающей стране. Это обеспечивает выживание в конкурентной борьбе с местными производителями. Международные монополии достигают такого соотношения в нормах прибыли, соединяя достижения научно-технической революции с благоприятными экономическими возможностями, которые открываются перед ними в процессе внешней экспансии: дешевизна рабочей силы, экономия, получаемая от крупномасштабного производства, соотношение спроса и предложения, благоприятный валютный курс и пр.

Относительная независимость движения капитала от национальных норм прибыли в принимающих странах усиливается рядом других обстоятельств. Принимающая страна, привлекая капиталовложения МНК дешевизной рабочей силы, может не обладать достаточно емким рынком сбыта. Перемещение трудоемких операций в такую страну будет определяться не высотой национальной или отраслевой нормы прибыли, а достижением наивысшей прибыльности международной монополии в целом. Высокая степень эксплуатации в данной стране будет реализована лишь в системе

внутрифирменного разделения труда. Централизация сбыта некоторыми международными монополиями также отрывает в известной мере движение капитала от национальных норм прибыли. Реализация прибылей пространственно не всегда совпадает с производством прибавочной стоимости. Товары, создаваемые при одних условиях, реализуются при других условиях формирования цен производства.

В условиях НТР наличие финансовых ресурсов не является достаточным фактором для внешнеэкономической экспансии. Инвестор должен обладать научно-технологическим преимуществом над конкурентами. Движение капитала существенным образом зависит от степени овладения международными монополиями результатами научно-технической революции. НТР усложняет и интенсифицирует конкурентную борьбу международных монополий за сферы приложения капитала, что способствует нарастанию неустойчивости капиталистической системы. Как подчеркивал Л. И. Брежнев, усиление взаимопроникновения капиталов развитых капиталистических стран, рост взаимозависимости их национальных хозяйств придает новую остроту межимпериалистическим противоречиям [5].

ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА МИРОВОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Последний мировой капиталистический кризис, как отмечалось на XXV съезде КПСС, был необычен. Его своеобразие во многом объясняется тем, что он происходит в условиях научно-технической революции, что делает особенно актуальным исследование влияния НТР на мировой капиталистический цикл.

Научно-техническая революция сопровождается усилением международных экономических связей, отражающих углубление международных разделения труда и кооперации, развитие интернациональной торговли и изменение ее структуры. Повышение доли готовой продукции в международном товарообороте, прежде всего машин и оборудования, усиливают взаимосвязь национальных хозяйств.

Сдвиги в структуре международной торговли в ходе НТР влекут за собой усиление взаимной зависимости национальных циклов. Большая ориентация внешней торговли развитых капиталистических стран на готовую продукцию способствует смягчению амплитуды циклических колебаний в динамике мирового товарооборота. В том же направлении действует увеличение в стоимости международной торговли удельного веса промышленных товаров потребительского назначения.

---

[5] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., Политиздат, 1969, с. 45.

Относительное ослабление циклических колебаний в международной торговле связано также с динамикой капиталовложений под влиянием роста доли производственного оборудования в сумме основного капитала, ускорения морального износа и обновления основного капитала [1].

Названные процессы повысили устойчивость к ударам кризисов, возникающих за рубежом, тех высокоразвитых капиталистических стран, которые специализируются на экспорте готовых продуктов производственного и потребительского назначения, менее подверженных влиянию циклических колебаний спроса.

Страны с большой экспортной квотой производства, не приспособившие свою экономику к поставкам на мировой рынок продукции отраслей, бурно развивающихся в условиях современного технического прогресса, напротив, оказались более восприимчивыми к циклическим колебаниям за границей.

Что касается развивающихся стран, то снижение доли натурального сырья в международном товарообороте, заменяемого искусственными материалами, делает для них более острой проблему платежных балансов. Нарушение платежных балансов усиливает распространение на эти страны циклических кризисов [2].

Использование достижений НТР в условиях капиталистического международного разделения труда приводит к пагубным последствиям для развивающихся стран. Оно делает их более подверженным влиянию циклических нарушений, происходящих в экономике развитых капиталистических стран. Не имея часто собственной основы для развития циклических кризисов, но будучи включенными в капиталистическое международное разделение труда, развивающиеся страны терпят влияния последствий от кризисов, возникающих в империалистических государствах.

Неравномерность развития НТР при капитализме изменяет соотношение межимпериалистических сил, позволяя монополиям стран, вырвавшихся вперед, использовать достижения НТР для повышения конкурентоспособности своих товаров и перекладывания тягот кризисов на партнеров в других странах. Отсюда возникают особенности в циклическом движении международной торговли.

Экспорт и импорт играют неодинаковую роль в механизме распространения циклических колебаний в международной сфере. Если не принимать во внимание изменение соотношения сил в конкурентной борьбе, то циклическое движение внешней торговли выражается в сокращении импорта страны, вступившей в фазу

---

[1] Более подробно об изменениях в структуре и динамике инвестиций в основной капитал см. в ст. С. Иванова (см.: Иванов С. Структура инвестиций и кризисы в США. — «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 11).

[2] О роли нарушения равновесия платежного баланса в механизме распространения циклических кризисов на развивающиеся страны см. в кн.: Современные циклы и кризисы. М., 1967, гл. 1, 6.

кризиса и одновременном стремлении расширить экспорт. Соответственно возникновение кризисной ситуации за рубежом затрудняет экспорт и усиливает конкуренцию на внутреннем рынке товаров, импортируемых из-за границы. Следовательно, импорт играет определяющую роль в распространении кризисов, так же как и подъемов, на другие страны. Напротив, экспорт имеет решающее значение в восприятии циклических изменений, происходящих за рубежом.

Описанная зависимость определяется характером циклических кризисов, являющихся кризисами перепроизводства, а не недопроизводства. Циклическое сокращение импорта — результат перепроизводства, которое распространяется на другие страны, затрудняя их экспорт, обостряя проблему реализации производимых ими товаров. Сокращение импорта страны, подвергшейся кризису, равносильно уменьшению экспорта ее торговых партнеров. Соответственно увеличение импорта страны, вступившей в фазу подъема, означает расширение экспорта торговых партнеров.

Анализ соотношения между развитием промышленного цикла в национальных хозяйствах крупнейших капиталистических стран и их внешней торговли в последние десятилетия подтверждает вывод о более важном значении импорта, чем экспорта, в перенесении циклических изменений из страны, затронутой ими, на другие государства. Однако он обнаруживает отклонения, которые трудно объяснить просто случайностью. Корреляционный анализ зависимости динамики экспорта и импорта от хода цикла свидетельствует, что в пяти случаях из семи импорт имеет более тесную связь с изменением промышленного производства страны, чем экспорт, а в двух случаях их взаимосвязь с динамикой национального цикла одинакова [3].

Упомянутое положение о роли экспорта и импорта в механизме мирового цикла справедливо, если отвлечься от конкурентоспособности торговых партнеров. Если же принять во внимание различия конкурентоспособности товаров отдельных стран, то получится следующая картина. При высокой конкурентоспособности зарубежных товаров они могут быть реализованы на внутреннем рынке страны, переживающей кризис, за счет уменьшения объема продаж товаров ее собственного производства. Кризисное сокращение продаж в стране сравнительно мало затронет импорт, но обострит проблему рынка для товаров национального производства. Подобным же образом высокая конкурентоспособность на внешнем рынке позволит смягчить противоречия воспроизводства и либо оттянуть, либо ослабить кризис страны-экспортера.

---

[3] Проанализирована корреляция отклонений от трендов промышленного производства, экспорта и импорта США, Канады, Великобритании, Франции, ФРГ, Италии и Нидерландов за 1949—1972 гг. Их корреляция за 1949—1975 гг. не показательна из-за влияния изменения мировых цен вследствие энергетического и сырьевого кризиса.

В условиях НТР резко нарушается соотношение межимпериалистических сил в результате усиления неравномерности развития технического прогресса в капиталистических странах. Изменяются конкурентоспособность товаров монополий империалистических государств на мировом рынке и циклическое движение экспорта и импорта.

О динамике торговли между основными странами, представляющими три центра межимпериалистического соперничества, на различных фазах цикла свидетельствуют данные табл. 11.

Таблица 11

Циклическое изменение торговли между основными странами, представляющими три центра межимпериалистического соперничества, в конце 50-х — начале 70-х гг. (в млн. долл.)

	Среднемесячное изменение экспорта США в три страны, находящиеся в фазе		Среднемесячное изменение импорта США из трех стран при	
	подъема	спада	подъеме в США	спаде в США
Япония	+2,74	—0,32	+5,41	+1,46
Великобритания	+1,43	+0,25	+2,14	—0,50
ФРГ	+1,11	+0,11	+2,33	+0,99

Источник: Moore G. H. and Klein Ph. A. Progress Report on U. S. Competitiveness Study: Exploratory Phase. NBER, April 16, 1975. Unpublished paper.

Первый вывод, следующий из табл. 11 и полностью согласующийся с изложенными выше соображениями, состоит в том, что восходящие фазы цикла сопровождаются значительным ростом импорта всех четырех стран. Иная картина наблюдается в нисходящих фазах цикла. Она значительно отличается в разных странах и может быть объяснена с учетом относительной конкурентоспособности торговых партнеров[4]. Импорт США из Великобритании, отстающей от других рассматриваемых государств по темпам технического прогресса, значительно сокращается во время кризисов в США. Напротив, кризисы в Англии не сопровождаются уменьшением экспорта из-за океана в эту страну, последний, хотя и медленно, но продолжает расти. Противоположная ситуация наблюдается в торговле Соединенных Штатов и Японии на различных фазах цикла в этих государствах. Промежуточное положение занимает динамика импорта США из ФРГ и их экспорт в Западную Германию в период кризиса в каждой из них.

[4] Конкурентоспособность на внешнем рынке, конечно, связана не только с опережением партнеров в освоении плодов НТР, но с рядом других моментов, в частности тарифными барьерами, а также относительным развитием инфляционных процессов, фактором, приобретшим важное значение в последние десятилетия.

Интерпретируя приведенные в табл. 11 цифры, следует учитывать и то обстоятельство, что соотношение экспорта и импорта в течение цикла подвержено влиянию различий в товарной структуре внешней торговли рассматриваемых стран.

Амплитуда циклических колебаний в мировой торговле сырьем и полуфабрикатами сравнительно больше, чем готовой продукции.

Обращает на себя внимание значительный рост импорта США не только во время подъема, но и в кризисную фазу цикла. Последние десятилетия в структуре импорта крупнейшей капиталистической страны увеличивался удельный вес готовой продукции. Это послужило основанием для некоторых буржуазных экономистов объяснять изменения в ее торговом балансе, в течение цикла в частности, влиянием только структурных сдвигов во внешней торговле Соединенных Штатов. Одновременно они пытаются доказать, что более высокие темпы роста производительности труда в других капиталистических странах перекрываются более значительным увеличением затрат на заработную плату[5]. Рост производительности труда лежит в основе изменения конкурентоспособности производимых товаров. Отклонение цен от стоимости вносит коррективы в этот процесс. Однако попытки цитируемого автора объяснить повышение конкурентоспособности американских товаров только более низкими темпами изменения затрат на заработную плату, приходящихся на единицу производимой продукции, ничего доказать не могут, так как заработная плата — лишь один из элементов, на которые распадается стоимость товара. С большим основанием о динамике конкурентоспособности США по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами можно говорить на базе «средней стоимости единицы экспорта», рассчитываемой с учетом валютных курсов. Но именно этот показатель, приводимый автором, говорит об ухудшении конкурентных позиций Соединенных Штатов по сравнению со своими основными партнерами. С начала 60-х по начало 70-х гг. этот показатель увеличился в США в большей степени, чем в Японии, Бельгии, ФРГ, Франции и даже Великобритании, уступая в росте лишь Канаде[6].

Особенности циклической динамики внешней торговли США в условиях НТР не могут быть объяснены только изменениями ее структуры. Доля готовой продукции в американском экспорте остается большей, чем в импорте. Отсюда амплитуда циклических колебаний экспорта должна быть соответственно меньше. Однако размах этих колебаний имеет тенденцию превышать таковой для импорта. Особенно заметна разница между ними в течение тех кризисов в американской экономике, которые сопровождались кризисными ситуациями в хозяйствах других капиталистических

---

[5] Rushing Ph. Cyclical and structural change in the US trade balance.— «New England Economic Review». «Federal Reserve Bank of Boston», 1972, March/April, p. 14—15.

[6] Ibid., p. 17. Строго говоря, использованный им показатель весьма условен, отражая и структурные сдвиги во внешней торговле.

стран, например, в 1958 г. и в 1970/71 г. Повышение конкурентоспособности товаров европейских и японских фирм на рынке Соединенных Штатов и трудности в реализации товаров американского производства за рубежом сыграли свою роль в изменении циклического поведения экспорта и импорта главной цитадели капиталистического мира. В то же время неверно сводить проблему к воздействию НТР на этот процесс. В ослаблении конкурентных позиций США внесла свою лепту усилившаяся в стране инфляция. Только во второй половине 60-х гг. американский торговый баланс обязан ей потерей почти 3 млрд. долл.[7].

Циклическое перенакопление капитала, выступающее в форме товарного перепроизводства, выражается на поверхности в превышении предложения над спросом. В сфере международных отношений оно проявляется в относительно большем сокращении импорта по сравнению с экспортом. В условиях НТР углубление международного разделения труда приводит к более высоким темпам развития международной торговли по сравнению с изменением промышленного производства и внутреннего товарооборота в национальных хозяйствах. Благодаря этому циклическое движение капиталистического воспроизводства подчас выражается не в абсолютном сокращении объема импорта страны, переживающей кризис, а, во-первых, в снижении темпов его роста, во-вторых, в сокращении нередко не стоимости, а лишь физического объема импорта, в-третьих, в изменении соотношения между экспортом и импортом при росте объема обоих.

Особенности в циклическом движении экспорта и импорта, вытекающие из углубления интернационального разделения труда в условиях НТР, создают возможности для смягчения ударов кризиса, поскольку последние амортизируются расширением масштабов внешней торговли. В то же время даже неглубокие циклические спады через механизм международной торговли распространяются на другие страны. При сближении кризисной фазы нескольких капиталистических государств течение кризиса усугубляется. Наглядным примером служит последний мировой кризис, переплетающийся с энергетическим и сырьевым кризисом, обострением инфляционных явлений в экономике капиталистических стран.

Неравномерность развития НТР в капиталистических странах в значительной степени определяет международную миграцию капитала, изменение ее направления. В условиях НТР наряду с вывозом капитала преимущественно в экономически отсталые районы мира развивается двусторонняя миграция капитала между развитыми капиталистическими государствами.

С точки зрения развития интернационального механизма цикла особое значение приобретают потоки капитала с целью финан-

---

[7] Adams F. G., Junz H. B. The effect of the business cycle on trade flows of industrial countries.— «The journal of finance», 1971, vol. XXVI, N 2, May, p. 266.

сирования прямых зарубежных инвестиций международных монополий.

Объем инвестиций заграничных филиалов международных монополий тесно связан с воспроизводственным процессом в стране приложения капитала. Коэффициент корреляции между ними очень высок и равен 0,7—0,9. Капиталовложения филиалов реагируют на циклические изменения подобно инвестициям национальных компаний страны, в которой функционируют эти подразделения. В этом смысле они не вносят ничего существенно нового в механизм мирового цикла. Специфические же моменты связаны с циклическим движением капитала, поступающего от материнских компаний и используемого для инвестиций. Оно обнаруживает тесную связь с развитием цикла в стране-экспортере капитала, но относительно слабо реагирует на динамику цикла в стране-импортере. Во время подъема в последней эти потоки определяются циклическими изменениями массы прибыли, получаемой головной компанией, и ее долей, используемой для инвестиций на родине, которые действуют в противоположных направлениях. При наступлении кризиса в стране-импортере перенакопление капитала в ней определяет сокращение инвестиций. В первую очередь уменьшается использование местных источников их финансирования, а во вторую — сокращается приток капитала для этих целей из-за рубежа. Тем самым определяется сравнительно небольшая зависимость объема потоков капитала от цикла страны-импортера.

Сама цикличность движения капитала из-за рубежа влияет на соотношение источников финансирования инвестиций в стране-импортере. В зависимости от сочетания фаз цикла в ввозящих и вывозящих капитал странах его поступления из-за рубежа могут ослабить или усилить интенсивность протекания цикла в стране-импортере, воздействуя на финансовое положение заграничных филиалов международных монополий, масштабы привлечения ими заемных средств для финансирования своих инвестиций, следовательно, на состояние рынка ссудного капитала, а через него и на развитие воспроизводства в стране.

Сокращение потребности в заграничных поступлениях в период кризиса в экономике импортера затрудняет вывоз капитала из страны-экспортера, обостряя в ней проблему его перенакопления, а следовательно, стимулируя создание кризисной ситуации.

Важно отметить, что потокам капитала для финансирования прямых заграничных инвестиций принадлежит особая роль в механизме перенесения циклических колебаний из одной страны в другую через международную миграцию капитала. Они не только косвенно, через сферу обращения, но и непосредственно воздействуют на объем производства.

Способствуя международной миграции капитала, неравномерность развития НТР в буржуазных странах, определяющая относительную привлекательность заграничных инвестиций по сравнению с инвестициями дома, имеет долговременный характер. Она

нарушает циклическое движение международных потоков капитала и, развивая интернациональный механизм цикла, одновременно вызывает тенденцию к его асинхронности.

На базе НТР возникает новый тип международных монополий, с появлением которого также связаны изменения в механизме мирового цикла, — международные концерны (МНК).

При анализе места МНК в развитии мирового цикла обычно обращается внимание на их роль в расширении международной торговли, а также воздействие на миграцию краткосрочного капитала. Но остаются вне поля зрения те новые моменты интернационального механизма цикла, которые вытекают из особенностей внутрикорпорационных отношений современных международных монополий. Именно они прежде всего характеризуют роль МНК в развитии мирового цикла. На этом вопросе следует остановиться более подробно.

Современная международная монополия является многоотраслевым концерном, предприятия которого в разных странах объединены внутрикорпорационным разделением труда и внутрифирменной производственной кооперацией в интернациональном масштабе. Изготовляемая МНК конечная продукция собирается из полуфабрикатов, поставляемых предприятиями, расположенными в нескольких странах. Особенно важно с точки зрения воздействия на международное распространение циклических колебаний существование в рамках такого интернационального концерна расположенных в разных странах предприятий, производящих сопряженную продукцию. О масштабах развития этих явлений свидетельствует тот факт, что около 40% суммы внутрикорпорационного обмена МНК идет в дальнейшую обработку или сборку. Еще примерно десятая ее часть используется филиалами в качестве средств производства на их собственных предприятиях.

Тесная взаимосвязь деятельности подразделений МНК требует изменения управления ими. На базе использования достижений НТР, прежде всего ЭВМ, в монополистических объединениях развивается управление компанией как единым производственным организмом, подчиненным максимизации прибыли. Этот принцип может сочетаться с понижением прибыльности входящих в нее подразделений.

Развитой внутрикорпорационный обмен в условиях централизации управления деятельностью фирмы, подчиненной мотиву увеличения прибыли компании в целом, порождает специфические моменты в механизме мирового цикла. МНК реагирует на циклические колебания в экономике стран дислокации своих филиалов и отделений изменением соотношения между внутрифирменными поставками и продажами, с одной стороны, и закупками и продажами за пределами компании, с другой.

При наступлении кризиса в одной из стран размещения филиалов МНК подразделения корпорации, расположенные в других странах, не подвергшихся кризису, сокращают свои закупки у чу-

жих фирм и увеличивают долю закупок у филиала, переживающего трудности в результате ухудшения экономической ситуации в стране его функционирования. Тем самым облегчается положение оперирующих здесь предприятий компании, а трудности кризиса перекладываются на посторонние фирмы других стран. Таким образом, циклические кризисы интернационализируются вследствие реакции МНК на затруднения в реализации продукции, с которыми столкнулось одно из подразделений компании.

В случае циклического подъема в одной из стран благоприятные условия используются не только расположенными в ней филиалами МНК, но и фирмой в целом путем увеличения поставок другими подразделениями корпорации функционирующему здесь филиалу. Последний, в свою очередь, уменьшает закупки на местном рынке и, используя высокую конъюнктуру, расширяет свой сбыт посторонним компаниям, оперирующим в той же стране. Улучшаются условия конкуренции, смягчается напряженность в соотношении спроса и предложения в регионах, где дислоцированы филиалы того же МНК. Они пользуются благоприятной конъюнктурой за рубежом для расширения своих продаж подразделениям монополии, находящимся в стране, вступившей в фазу подъема. Таким образом, внутрикорпорационный обмен МНК способствует интернациональному распространению циклического подъема.

В настоящее время описанная реакция МНК на циклические изменения характерна лишь для сравнительно немногих международных монополий, но по мере развития обобществления производства в монополистических объединениях и его интернационализации значение внутрифирменных отношений МНК в развитии мирового цикла возрастает.

Управление движением капитала МНК из единого центра открывает им большие возможности для маневра, усиливая и роль миграции капитала в интернациональном механизме цикла. Объем потоков капитала, используемого для финансирования прямых инвестиций за рубежом, оказывается связанным не только с процессом воспроизводства на предприятиях материнской компании, но и с ходом цикла в других государствах, в которых имеются филиалы и отделения фирмы. Усиливается взаимозависимость циклического развития всех стран, охваченных деятельностью МНК.

Резюмируя влияние научно-технической революции на характер циклического развития в мировом масштабе, надо сказать, что изменения в формах проявления закона кризисов в национальных хозяйствах под воздействием НТР порождают особенности в развитии и мирового цикла. С другой стороны, НТР вызывает к жизни новые моменты непосредственно в мирохозяйственных отношениях, следовательно, в интернациональном механизме цикла.

НТР усиливает взаимосвязь развития национальных хозяйств, углубляя международное разделение труда, выступая основой дальнейшего развития и усложнения механизма мирового цикла.

В условиях НТР затрудняется возможность устойчивого выхода из очередного кризиса. Кризис может возникнуть на любой фазе цикла. Кризисные спады учащаются. Возрастает роль промежуточных кризисов, имеющих перенесенный, отраженный характер.

ГЛАВА 4. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ МИРОВОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Научно-техническая революция оказывает глубокое воздействие на мировое капиталистическое хозяйство. Прежде всего она усиливает развитие международного разделения труда. В острой конкурентной борьбе в мировом капиталистическом хозяйстве складывается международная специализация, в том числе подетальная и технологическая отдельных фирм США, Японии, ФРГ, Франции и других стран. Например, в общем экспорте ЭВМ из США свыше 30% составляют части и узлы. Формы международного разделения труда, связанные с внутриотраслевой, особенно с подетальной и технологической специализацией, создают тесные производственные связи между различными странами.

Участвуя в международной специализации и кооперировании, капиталистические фирмы уделяют особое внимание созданию условий для стабильности своих отношений с фирмами других стран, пытаются достичь этой цели путем заключения долгосрочных соглашений о межфирменной специализации и кооперации. Развивается специализация между предприятиями мультинациональных корпораций, расположенными в разных странах.

Растет международная специализация и в области науки, что отражается в бурном увеличении международной торговли результатами НИОКР, которая росла ежегодно в среднем в 1964—1970 гг. на 16,5%, в то время как торговля товарами — на 10,5%. Объем ежегодных поступлений по 50—52 тыс. действующих лицензионных соглашений на начало 1970 г. составлял 3 млрд. долл. (в 1955 г. — 600—650 млрд. долл.). По иностранным лицензиям производится промышленной продукции на сумму 70—90 млрд. долл. (в 1955 г.— 15—16 млрд. долл.).

Развивается выполнение совместных научных проектов, в которых участвуют как государственные организации, так и частные фирмы. Основные проекты относятся к наиболее капиталоемким и наукоемким отраслям: авиационная промышленность (например, англо-французское сотрудничество в создании «Конкорда»), космические исследования (деятельность западноевропейских организаций ЕЛДО, ЕСРО, Интерсет, Еврокосмос), ядерная энергетика (ЕНЭА, Еврохим, ЦЕРН) и т. д.

Усиление взаимозависимости экономики развитых капиталистических стран нашло свое яркое отражение в возрастании для них роли внешних рынков сбыта (см. табл. 12).

Таблица 12

Отношение внешней торговли стран Западной Европы к валовому национальному продукту (в %)

	1938 г.		1960 г.		1975 г.	
	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт
Англия	18,7	8,2	17,5	14,1	23,4	14,3
ФРГ	5,9*	5,4*	14,8	16,6	17,5	21,2
Франция	10,5	6,9	10,8	11,8	16,1	15,5
Италия	13,1	6,3	14,7	11,4	22,3	20,3
Нидерланды	23,7	17,4	40,4	35,9	42,5	43,1
Бельгия и Люксембург	28,0	26,5	31,2	29,8	47,6	44,6
Швеция	16,2	16,4	23,6	21,0	25,7	25,1
Швейцария	17,3	14,2	26,7	22,4	24,5	23,9
Дания	21,5	20,1	30,3	24,9	24,3	24,6

* Германия в границах 1937 г.

Источник: Maddison A. Economic Growth in the West, chapter 3, tab. 2—11. New York, 1964; «Monthly bulletin of statistics», 1977, August.

Данные табл. 12 свидетельствуют о том, что все большая часть валового национального продукта стран Западной Европы реализуется на внешних рынках, а их национальные хозяйства глубоко и всесторонне втягиваются в международное капиталистическое разделение труда. Это относится и к другим развитым капиталистическим странам, в том числе США, экономика которых, хотя и сохраняет более комплексный характер, также все больше зависит от внешних связей.

Под влиянием НТР усиливается миграция капитала между развитыми капиталистическими странами. Одной из ее причин служит стремление монополий расширить свое производство, добиться емкого рынка сбыта в других странах, что отражает их борьбу за монополизацию производства в масштабах всего мирового капиталистического хозяйства. Для упрочения своих позиций в иностранных государствах крупные компании используют свое научно-техническое превосходство. Продавая патенты и лицензии на новые изделия, новые технологические процессы, они требуют для себя пакета акций и тем самым получают возможность влиять на дела иностранных компаний.

На базе вывоза капитала в мировом капиталистическом хозяйстве повышается роль мультинациональных корпораций, как транснациональных (национальных по капиталу, но интернациональных по сфере деятельности), так и межнациональных (международных по капиталу и сфере деятельности). Современные международные корпорации — одно из самых ярких проявлений интернационализации капитала в условиях НТР.

Таким образом, НТР является причиной усиления процессов интернационализации хозяйственной жизни, что, в свою очередь,

служит фактором ускорения НТР в масштабе мирового капиталистического хозяйства.

Уже само по себе расширение экономических связей между странами служит фактором распространения достижений научно-технической революции. Даже обычная торговля, в которой повышается роль продукции машиностроения, позволяет использовать для повышения технического уровня производства самое совершенное импортное оборудование. Более сложные формы связей, связанные со специализацией и кооперированием, как правило, предполагают обмен научно-технической информацией, в результате чего партнеры взаимно обогащают себя новыми знаниями, ускоряя общий прогресс. Непосредственно на получение новейших научно-технических знаний и использование их в производстве направлены торговля патентами и лицензиями и научно-техническое сотрудничество капиталистических стран. «Исторически технические знания распространялись из одной части мира в другую медленно, в форме диффузии научных знаний и технических новинок. Ныне, — отмечает американский экономист Д. Спенсер, — передача технологии осуществляется в растущей степени целенаправленно с учетом долговременных экономических последствий»[1].

Существенное воздействие на распространение научно-технических знаний оказывает деятельность транснациональных корпораций, использующих технические новинки на всех своих предприятиях, вне зависимости от страны их функционирования. Наконец, миграция научно-технических кадров объективно способствует распространению научно-технических достижений в масштабе мирового капиталистического хозяйства.

Интернационализация хозяйственной жизни капиталистических стран способствует ускорению НТР и потому, что в условиях высокой степени взаимозависимости хозяйств технический прогресс становится для всех стран «принудительно» необходимым, ибо отставание в этой области означает снижение конкурентоспособности, вытеснение с мирового рынка, что для страны с высокой степенью специализации экономики может иметь катастрофические последствия. Именно поэтому осуществление мероприятий, направленных на ускорение научно-технического прогресса, становится одной из основных целей государственно-монополистического регулирования в капиталистических странах.

Научно-техническая революция оказывает противоречивое воздействие на положение отдельных стран в мировом капиталистическом хозяйстве. Все развитые капиталистические страны получили возможность, используя достижения НТР, создавать новые и новейшие отрасли производства. В странах с относительно более низким уровнем развития, в которых в силу ряда причин сложились более благоприятные условия для накопления капитала, но-

[1] Spenser D. L. Strategy for international transfers. Technology gap in perspective. New York, Washington, 1970, p. 2.

вейшие отрасли развивались так же быстро, а иногда и более высокими темпами, чем в самых развитых странах, в том числе и США [2]. К таким странам относится прежде всего Япония, уровень экономического развития которой в послевоенный период существенно возрос. К самым развитым странам приблизились Италия, Дания, Голландия. Об этих процессах можно судить по данным об уровне национального дохода на душу населения (табл. 13).

Таблица 13

Национальный доход на душу населения (в текущих ценах, в долл.)

Страны	1949 г.	1952—1954 гг. в среднем	1961 г.	1968 г.	1973 г.
США	1453	1870	2431*	3544	5010
ФРГ	320	510	1111	1696	4480
Дания	689	750	1148	2132	4160
Канада	870	1310	1429	2211	4120
Швеция	780	950	1511	2300	3985**
Нидерланды	502	500	860	1589	3615
Франция	482	740	1035	1759	3760
Швейцария	849	1010	1497	2248	3360***
Бельгия	582	800	1032	1699	3670
Япония	100	190	402	1065	3020
Великобритания	773	780	1149	1670	2410
Италия	235	310	559	1123	2055

* 1962 г.
** 1972 г.
*** 1971 г.

Источники: Экономика капиталистических стран после второй мировой войны. Стат. сборник. Внешторгиздат, 1959; Народное хозяйство СССР в 1962 г. М., «Статистика», 1963; Народное хозяйство СССР в 1968 г. М., «Статистика», 1969; Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., «Статистика», 1974; Народное хозяйство СССР в 1974 г. М., «Статистика», 1975.

Данные табл. 13 показывают тенденцию к определенной нивелировке уровней развития капиталистических стран. Разрыв в уровнях развития между США и большинством стран Западной Европы в конце 40-х — начале 50-х гг. был значительно больше, чем сейчас. Резко сократился разрыв в уровнях развития США и Японии. Конечно, известная нивелировка уровней развития связана не только с воздействием НТР. Однако роль НТР в этом процессе несомненна.

Но НТР порождает при капитализме и прямо противоположные тенденции. Страна, имеющая абсолютно больший научно-технический потенциал, получает существенные преимущества.

[2] Речь идет о странах, входящих в группу развитых капиталистических стран. Влияние НТР на темпы экономического роста развивающихся стран представляет собой самостоятельную проблему, которая должна рассматриваться отдельно.

Так, например, возникла проблема технологического разрыва («гэпа») между США и странами Западной Европы.

Даже в Европейском экономическом сообществе, где, казалось бы, возникают одинаковые условия для экономического развития, темпы экономического роста отдельных стран были весьма различны. Следовательно, неравномерность экономического развития отдельных стран остается важнейшей чертой мирового капиталистического хозяйства и в условиях НТР.

Гигантское обобществление производства, происходящее в эпоху НТР в мировом масштабе, требует планомерной его организации. Мультинациональные корпорации, в руках которых оказываются целые отрасли мирового капиталистического производства, пытаются планировать производство на своих предприятиях на базе изучения рынка и прогнозирования спроса. Появление международных форм государственно-монополистического капитализма сопровождается попытками введения международного программирования экономики. Общие международные фонды капиталистических стран используются для решения некоторых региональных проблем развития сельского хозяйства, научных исследований и т. д. Несомненно, в результате всех этих процессов в развитие отдельных сфер мирового капиталистического хозяйства вносятся элементы планомерности.

Однако господствующими отношениями остаются отношения анархии и конкуренции. Приспосабливаясь к новым условиям, капитализм не может преодолеть своего основного противоречия — противоречия между обобществлением производства и частнокапиталистическим присвоением, усугубляющимся на мировой арене сохранением капиталистических государств. Даже мультинациональные корпорации внутри своих производственных комплексов вынуждены часто создавать параллельные звенья, опасаясь, что ограничения, вводимые национальными государствами, могут помешать нормальному функционированию их хозяйственного организма.

Многие международные межфирменные соглашения, которые должны бы вносить элементы устойчивости в отношения между странами, срываются ввиду разногласий между партнерами и изменений экономических условий производства. Разрыв таких соглашений часто оказывает серьезное влияние на целые отрасли производства в отдельных странах. Об этом говорят, например, трудности английского авиастроения, вызванные срывом соглашения между английской фирмой «Роллс-Ройс» и американской авиастроительной компанией «Локхид».

На мировом капиталистическом рынке идет постоянная конкурентная борьба между национальными монополиями, транснациональными и многонациональными корпорациями. Активная роль в этой борьбе принадлежит буржуазным государствам.

В мировом капиталистическом хозяйстве возникли новые формы кризисного обострения противоречий. Небывалых масштабов

достигла инфляция. Стихийное развитие мирового капиталистического производства в направлении, диктуемом монополиями, привело к энергетическому, сырьевому и экологическим кризисам.

«Усилились межимпериалистическое соперничество, раздоры в «Общем рынке» и внутри НАТО. Возросшая мощь международных монополий сделала конкурентную борьбу еще более беспощадной. Правительства капиталистических стран предпринимают одну попытку за другой, чтобы сгладить противоречия, договориться о совместных мерах по преодолению кризиса. Но такова уж природа империализма, что каждый норовит получить преимущества за счет других, навязать свою волю. Разногласия обнаруживаются в новых формах, противоречия вспыхивают с новой силой»[3].

Все это говорит о том, что ни о каком планомерном развитии мирового капиталистического хозяйства речи быть не может.

Усиление интернационализации капитала делает особенно необходимым единство действий пролетариата в его борьбе с международным капиталом, сотрудничество между его профсоюзными организациями для совместных выступлений против многонациональных концернов.

Уже сделаны первые практические шаги по укреплению сотрудничества трудящихся разных стран, работающих на предприятиях международных монополий. Так, профсоюзы рабочих концерна «Данлоп-Пирелли» учредили международный профсоюзный комитет, в который вошли представители профсоюзов Великобритании, Италии, Франции и Испании. Комитет организовал в июле 1972 г. одновременную забастовку рабочих предприятий «Данлоп-Пирелли» в Италии и Великобритании в знак протеста против намеченных в связи с концентрацией производства массовых увольнений. За последние годы совместные выступления трудящихся были на заводах концерна «Мишлен», расположенных в разных странах Западной Европы, на заводах «Зингер» в Европе и Латинской Америке и др. Это свидетельствует о новом этапе в международном рабочем движении, представляющем собой ответ трудящихся на наступление международных монополий. Важная роль в борьбе трудящихся против международных монополий принадлежит коммунистическим и рабочим партиям капиталистических стран.

Благоприятные условия для мирового революционного движения создают экономические связи между социалистическими и капиталистическими странами. Расширение экономических связей между странами двух мировых систем способствует их экономическому сближению, ведет к выравниванию технических условий производства, введению общемировых стандартов, повышению требований к качеству продукции, развитию всемирных транспортных систем и т. д. В условиях развитых связей между странами двух мировых систем сужается возможность для империалистиче-

[3] Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., Политиздат, 1976, т. 5, с. 479.

ских кругов экономически блокировать страну, в которой происходят преобразования, ведущие к социализму.

В процессе интернационализации хозяйственной жизни, охватывающей в эпоху научно-технической революции и социалистические и капиталистические страны, складываются технико-экономические предпосылки для формирования в будущем всемирного социалистического хозяйства.

ГЛАВА 5. РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одним из последствий современной научно-технической революции является интенсификация процессов интернационализации производства и капитала. Ускорив процесс перерастания производительных сил за национальные границы, научно-техническая революция создала объективные основы возникновения и развития различных международных форм государственно-монополистического регулирования; она же выступает источником обострения внутренних противоречий этих форм. Наиболее развитая форма международного государственно-монополистического регулирования — ЕЭС — ныне, как никогда отчетливо, демонстрирует ограниченность и противоречивость созданного ею механизма интеграции. Начиная с 70-х гг. «Общий рынок» вступил в качественно новую полосу кризиса, который затронул все без исключения институты этой региональной экономической группировки. Как отмечалось в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии, «усилились межимпериалистическое соперничество, раздоры в «Общем рынке» и внутри НАТО»[1].

Обострение кризиса ЕЭС является результатом многих факторов, как политических, так и экономических, как кратковременных, так и долговременных. Однако нельзя не видеть того, что кризис группировки проявил те внутренние противоречия, которые обусловлены и объективно присущи капитализму в его империалистической стадии и которые многократно усилила научно-техническая революция. Речь идет прежде всего о комплексе специфических конфликтов между экономическими функциями современного буржуазного государства и деятельностью крупных международных монополий в условиях ЕЭС.

Создание и функционирование «Общего рынка», открывшего новые возможности для развития процессов интернационализации хозяйственной жизни и повлекшего процессы ломки народнохозяйственных структур интегрируемых стран, с неизбежностью потребовало создания организационных форм, регулирующих как эко-

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 28.

номические процессы во всем Сообществе, так и процессы приспособления народнохозяйственных комплексов к условиям «возросшего хозяйственного пространства»[2]. Эту функцию должен был выполнять специфический интеграционный механизм ЕЭС.

Будучи плодом политических компромиссов, интеграционный механизм ЕЭС как совокупность стимулов и организационных форм, ускоряющих сращивание воспроизводственных связей и отношений национальных хозяйств в рамках регионального экономического комплекса, не мог не быть в главных своих направлениях объективно обусловленным господствующей системой производственных отношений. Он не мог не быть в основе своей рыночным стихийным механизмом, так как при господстве частной собственности именно система рыночных отношений обеспечивает стихийное регулирование процессов приспособления национальных экономик.

Собственно говоря, и буржуазные концепции создания единого хозяйственного организма в рамках шести стран исходили из того, что «свобода передвижения производственных факторов» — рабочей силы, услуг, капитала и создание общего рынка товаров — повысит оптимальность комбинации экономических ресурсов в каждой из интегрируемых стран под давлением спроса и предложения, не ограниченных национальными границами. Тем самым усиление мобильности «производственных факторов» и сопряженное с ним усиление стихийных процессов во всем Сообществе рассматривалось как неизбежное зло и одновременно как инструмент приспособления национальных производственных комплексов к масштабам возросшего «хозяйственного пространства».

Ограничение стихии на уровне всего Сообщества и проведение согласованной национально-государственной и межгосударственной политики в отдельных областях экономической жизни предусматривалось только потому, что эти области либо с самого начала находились под опекой государства, либо это было необходимо для сохранения внешнеэкономического равновесия стран-участниц. Причем последнее — поддержание внешнеэкономического равновесия — оставлялось в ведении национальных правительств.

Таким образом, организационные формы ЕЭС, будучи модифицированным воспроизведением на международном уровне национально сложившихся «систем» производственных отношений современного капитализма представляют собой своеобразный синтез рыночного стихийного механизма регулирования и активного национально-государственного и надгосударственного воздействия на сам рыночный механизм и на ряд областей экономической жизни. Из таких областей следует упомянуть: регулирование сель-

[2] Т. е. созданного общего для всех стран — участниц рынка промышленных и аграрных товаров, единого рынка рабочей силы, частичной либерализации перемещения капитала и услуг, унификации элементов налоговых систем стран-участниц, унификации ряда национальных правовых положений, создания элементов наднационального регулирования.

скохозяйственного воспроизводства (через механизм цен, ограничение производства, воздействие на капиталовложения и т. д.); совместное регулирование производства и сбыта угля и стали в рамках ЕОУС (через механизм цен); элементы межгосударственного регулирования энергетики и транспорта; совместное создание научно-исследовательских учреждений, находящихся под государственным контролем (Евратом).

Если либерализация и снятие ограничений на пути движения «производственных факторов» внутри Сообщества были в более или менее явной форме достигнуты уже к концу 60-х — началу 70-х гг., то создание механизма надгосударственного воздействия на экономические процессы значительно отстает от первого направления. Это имеет своим следствием расширение пространственных пределов стихийных рыночных тенденций. Пока национальные государства стран — членов ЕЭС сохраняли в своих руках такие рычаги внешнеэкономического регулирования, как торговый протекционизм и субсидирование экспорта, валютные ограничения, свободу маневра на кредитно-денежном рынке и рынке рабочей силы, наконец, возможность улучшения конкурентных позиций национального капитала через налоговую систему, они могли в какой-то мере ограждать национальное хозяйство от нежелательных стихийных процессов извне. С созданием основ «хозяйственного пространства ЕЭС» возможности такого сдерживания рыночной стихии значительно сузились.

Но самое важное заключается в том, что действующими лицами в «Общем рынке» являются не мелкие самостоятельные и обособленные товаропроизводители, а крупные международные монополии. Международное разделение труда, в том числе и внутри ЕЭС, образует специфические структуры, отличающиеся от народнохозяйственных структур отдельно взятых национальных хозяйств. Составляющими этих структур являются подразделения массового производства, отличающиеся наиболее высокой конкурентоспособностью, как правило, подразделения, которые в условиях современного этапа развития производительных сил реализуют достижения научно-технической революции. Поскольку же эти производства являются наиболее монополизированными, то снятие ограничений на передвижение «производственных факторов» внутри «Общего рынка» означало не что иное, как расширение возможностей крупного монополистического капитала по маневрированию рабочей силой, капиталом, по использованию более емких рынков. Открывшимися возможностями «хозяйственного пространства ЕЭС» могли воспользоваться именно крупнейшие монополии, занятые в отраслях, ориентированных на внешний рынок. Происходит своеобразное отключение мелких и средних и части крупных фирм от **непосредственного** участия в «Общем рынке». Они выходят в «хозяйственное пространство ЕЭС» не самостоятельно, а, как правило, будучи включенными в производственную и коммерческую деятельность крупных монополистических гигантов. Так, в

ФРГ 30 крупнейших «национальных» международных монополий в экспорте промышленной продукции имели удельный вес до 36,7%. Если к этому приплюсовать удельный вес дочерних компаний иностранных МНК (57 фирм), то получится, что более половины западногерманского экспорта приходится на 87 монополий. Причем из этой суммы экспорта 43,4% представляло собой внутрифирменные поставки [3].

Семь крупнейших концернов ФРГ (наследники «И. Г. Фарбен», концерн Флика, «Фольксваген», «Сименс», «АЭГ — Телефункен») в 1971 г. осуществили до 80% всех прямых зарубежных инвестиций западногерманского капитала [4]. В экономику ФРГ проникают преимущественно крупные фирмы. Почти половина прямых иностранных вложений в стране приходится на фирмы с номинальным капиталом от 100 млн. зап. герм. марок и выше.

Такая картина характерна для всех высокоразвитых капиталистических стран и нет достаточных оснований утверждать, что в границах ЕЭС, монополизация внешнеэкономической деятельности выше, чем в других регионах капиталистического мирового хозяйства. Но особенность положения стран — членов ЕЭС состоит в том, что снятие ряда национальных барьеров на пути «движения производственных факторов», некоторая унификация условий хозяйственной деятельности в масштабе нескольких стран с неизбежностью потребовали перестройки структуры народнохозяйственных комплексов. В данных условиях господство монополистических группировок в «Общем рынке» приводит к тому, что народнохозяйственные комплексы интегрируемых стран оказываются вовлеченными в процессы перестройки хозяйственных структур, границы и направления которой (перестройки) задаются внешнеэкономической экспансией слоя международного финансового капитала на рынках, более емких и более доступных, чем национальные. С созданием «Общего рынка» этот слой монополистического капитала получил также возможность эксплуатации дополнительной рабочей силы, использования новых источников финансирования, наконец, реализации выгод «малоевропейского» разделения труда, специализации и кооперации.

Тем самым в условиях ЕЭС в неизмеримо большей степени возможно отклонение от пропорций, диктуемых товарно-рыночным механизмом регулирования, поскольку сами параметры национального рынка задаются деятельностью немногих монополий, господствующих на внешнем рынке и отсюда еще более укрепляющих свое господство внутри народнохозяйственных комплексов. Это приводит к усилению диспропорций народнохозяйствен-

---

[3] По расчетам, данным в «HWWA» — Institut für Wirtschaftsforschung». Die Rolle der multinationalen Unternehmen im Zusammenhang mit der deutschen Währungspolitik. Hamburg, 1974, S. 58.

[4] «IPW — Forschungshefte». Berlin, 1973, Nr. 4, S. 26.

ного комплекса, деформирует народнохозяйственную структуру интегрируемых стран, соответственно требует усиленной активности национальных государств в решении структурных проблем.

Наиболее сильные национальные отряды монополистического капитала, используя возможности «хозяйственного пространства ЕЭС» и опираясь на исторически сложившуюся и стимулируемую национальным государством более высокую конкурентоспособность, в состоянии навязывать саму структуру международного хозяйственного комплекса, перераспределять совокупное общественное богатство в масштабах всего Сообщества. Это с особой остротой ставит перед каждым национальным государством проблему поддержания внешнеэкономического равновесия в отношениях со странами — партнерами по ЕЭС.

Рассмотренные последствия действия регулирующего механизма ЕЭС обусловливают неустойчивость и скачкообразный характер экономических процессов во всем Сообществе и в каждом отдельном народнохозяйственном комплексе и при этом таят в себе угрозу длительного внешнеэкономического неравновесия отдельных стран—участниц ЕЭС, угрозу увеличивающегося разрыва между центром и периферией Сообщества. Это, кстати, понимают и сами «практики» ЕЭС. Так, Комиссия Европейских Сообществ (КЕС) вынуждена была признать, что международные концерны способствуют «усилению уже существующей неравномерности между крупными экономическими сильными странами и прочими» [5]. Это, конечно же, с неизбежностью находит свое отражение в обостряющихся противоречиях между национальными системами государственно-монополистического регулирования, в столкновении их целей и инструментов воздействия на экономические процессы, в невозможности найти коллективные пути решения таких проблем, как регулирование конъюнктуры, обуздание инфляции, уменьшение региональных диспропорций. В свою очередь столкновение целей и инструментов национальных систем государственно-монополистического регулирования в ЕЭС в условиях, когда некоторые рычаги государственного воздействия на экономические процессы ослаблены, а инструментов наднационального государственно-монополистического регулирования, способных заменить ослабленные национально-государственные, не создано, ведет к усилению нестабильности как каждого империалистического участника ЕЭС и всей группировки в целом.

Все это позволяет сделать вывод, что Западная Европа, став регионом, где процессы интернационализации хозяйственной жизни получили наиболее выпуклое развитие, наиболее остро ставит проблему создания определенных организационных форм по регулированию хозяйственных отношений. Таковыми в условиях перезрелости капитализма, подрыва монополиями свободной конкурен-

[5] «Bulletin der Europaischen Gemeinschaft». Die multinationalen Unternehmen im Rahmen der Gemeinschaftsforschriften. Brüssel, Beilage, 1973, N 15, S. 30.

ции, могут быть формы, основанные на планомерном, сознательном регулировании экономическим центром. Однако при господстве отношений, основанных на частной собственности, империалистическая межгосударственная интеграция нескольких народных хозяйств отнюдь не представляет собой форму, адекватную сущности процесса интернационализации производительных сил общества. Перед нами извращенная форма этого процесса, искаженная всеми присущими капитализму в его империалистической стадии противоречия и особенностями, подчиненная задаче маневрирования производительными силами общества в интересах крупного монополистического капитала.

Подчиненная этой цели межгосударственная экономическая интеграция открывает новые возможности для усиления международного обобществления производства как в пределах интегрированных стран, стимулируя взаимопроникновение капиталов, развитие кооперационных связей, усиливая торговую взаимозависимость, расширяя рынки товаров и услуг и отсюда способствуя более широким возможностям мобилизации капитала, наконец, расширяя рынок наемного труда, так и за пределами интеграционного блока, став ядром складывающегося западноевропейского центра империализма. Опираясь на «малоевропейскую специализацию», на производственный потенциал всего Сообщества, маневрируя рабочей силой, международные монополии стран — членов ЕЭС, начиная с конца 60-х гг., смогли упрочить свои позиции в борьбе за наиболее выгодные сферы приложения капитала в капиталистическом мировом хозяйстве.

Объективной основой ускоренного развития международных монополий является научно-техническая революция и те ее последствия, которые обусловливают перенакопление капитала в национальных границах. Научно-техническая революция придала специфический характер международным монополиям, их отличительной особенностью является включение в единые, технологически тесно связанные производственные комплексы самых передовых предприятий и фирм, расположенных на разных континентах. В рамках этих монополий процесс обобществления производства приобретает международные масштабы.

Опираясь на реально достигнутую более высокую ступень обобществления производства, международные монополии своей деятельностью подрывают основы национально-государственного регулирования. Если государственное регулирование представляет собой более высокую ступень формального обобществления производства, выражает наиболее общие интересы господствующего класса, выдавая их за общественные, то международные концерны навязывают свой частный интерес всему обществу, опираясь на реально достигнутую более высокую ступень международного переплетения капитала. Отсюда возникают конфликты при решении задач в области экономики и внешней политики между этими концернами и национальным правительством. Национально-госу-

дарственная политика ограничивается политикой международных концернов и этим подрывается его (государства) суверенитет. Концерны с большой выгодой используют в своих интересах государственные стимулирующие мероприятия как внутри своей страны, так и в других странах, в которых они имеют свои дочерние компании. На основе международного рассредоточения мощностей, финансовых средств и торговых организаций они имеют возможность использовать в своих интересах, либо уменьшить нежелательные последствия, возникающие вследствие нестабильности валютной системы, изменений в налоговых системах отдельных стран. Они используют специфические моменты обостряющихся противоречий между империалистическими странами и одновременно многократно усиливают эти противоречия. Тем самым развивается и, как уже показал опыт, обостряется противоречие между активностью этих международных монополий и ограниченными возможностями воздействия отдельных государств на развитие капиталистического мирового хозяйства. В результате оказывается, что международные концерны, возмещая недостаточность имеющихся форм государственно-монополистического регулирования процесса перераспределения и обесценения капитала, отрицают самое государственно-монополистическое регулирование и, таким образом, ставят под угрозу существование и сохранение огосударствленной системы, поскольку будучи «глобальными», «планетарными», они не перестают быть частными монополиями.

Обострение этих специфических противоречий в национальных системах государственно-монополистического регулирования стран — участниц ЕЭС в конце 60-х — начале 70-х гг. стало фактором усиления нестабильности всей группировки, создало новые трудности на пути углубления интеграционных процессов. Так, дальнейшие шаги по гармонизации налогов, координации энергетической политики, координации политики в валютной сфере, координации торговых отношений со странами, не входящими в группировку и т. д. объективно ведут к сужению возможностей национальных государств для быстрого и всеохватывающего автономного реагирования на изменение хозяйственной обстановки. К тому же координация деятельности национальных государств в названных сферах не гарантирует, что совместные акции не будут подорваны деятельностью крупных международных монополий. Таким образом, как отмечалось на XXV съезде КПСС, «возросшая мощь международных монополий сделала конкурентную борьбу еще более беспощадной»[6], совместные усилия буржуазных государств по преодолению конфликтов внутри ЕЭС оборачиваются обострением противоречий по самим основам группировки.

Создав материальную основу для ускорения интернационализации хозяйственной жизни, стимулируя отрыв крупного монополистического капитала от национальной почвы, научно-техническая

---

[6] Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 28.

революция предъявляет новые требования к международным формам государственно-монополистического регулирования. И безусловно, дальнейшее развитие ЕЭС будет зависеть от того, в какой форме национальные системы государственно-монополистического капитализма будут приспосабливаться к деятельности международного финансового капитала и смогут ли они приспособиться вообще, как в одиночку, так и в рамках региональной экономической интеграции.

ГЛАВА 6. ВОЗДЕЙСТВИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

Важнейшая предпосылка научно-технической революции — высокий уровень развития производительных сил. В связи с этим возникает вопрос: какое отношение к научно-технической революции имеют развивающиеся страны.

Следует иметь в виду, что развивающиеся страны — единая по своей социально-экономической сущности группа государств в мировой экономике — далеко неоднородны. Это пестрый конгломерат различных по своей социально-политической ориентации и национально-историческим особенностям стран с однотипным многоукладным экономическим базисом, но с разным уровнем развития производительных сил. Известно, например, что Индия, взорвав 16 мая 1974 г. термоядерное устройство, вошла в «ядерный клуб» как шестая атомная держава мира. Бразилия, выпускающая сегодня, примерно, столько же автомобилей, сколько СССР, производит на предприятиях, являющихся смешанными компаниями или филиалами многонациональных корпораций (МНК), многие виды сложной промышленной продукции, в том числе компьютеры на интегральных схемах. Использование счетно-решающих устройств иностранного производства имеет место в большинстве других развивающихся стран. То же самое можно сказать и о реактивной авиации, судах на воздушной подушке и других современных видах транспорта, синтетических материалах, установках для кондиционирования воздуха, карманных электронных калькуляторах, цветных телевизорах, транзисторных радиоприемниках и других наукоемких товарах.

Исследователь, анализирующий роль науки и техники в экономическом развитии, должен прежде всего определить природу научно-технического прогресса в развивающихся странах. Можно ли считать этот прогресс научно-технической революцией? В экономической и политической литературе эти понятия часто употребляются как взаимозаменяемые, но в строго теоретическом плане они обозначают разные явления. Первое понятие — более общее и широкое — выражает прогрессивные изменения в науке и технике, происходящие на всем протяжении истории человеческого

общества и охватывающие как эволюционные, так и революционные формы их движения. Второе отражает специфику современного этапа, для которого характерно не просто преобладание революционных, скачкообразных форм развития науки и техники, но и их слияние по существу в единый революционный процесс, вызывающий глубокие сдвиги в производительных силах, производственных отношениях и надстроечных институтах общества. Так с чем же мы имеем дело в развивающихся странах?

Если исходить только из внутренних условий этих стран, то очевидно, что уровень их производительных сил в подавляющем большинстве случаев явно недостаточен для того, чтобы можно было говорить всерьез о развертывании в них научно-технической революции — явления, возникающего лишь на весьма высокой ступени развития общественных производительных сил. Ни материально-техническая база их экономики, ни «качество» их трудовых ресурсов, ни состояние их научной инфраструктуры не отвечают необходимым для этого требованиям. Но исходить только из внутренних условий развивающихся стран было бы неправильно.

Нельзя не видеть, что эти страны через международное движение капиталов, товаров и услуг, через миграцию рабочей силы, передачу информации и многие другие каналы тесно связаны с передовыми государствами мира, принадлежащими к двум противоположным общественным системам; они давно уже втянуты в международное разделение труда, растущая часть их собственного продукта вливается в товарные потоки воспроизводственных процессов, совершающихся в масштабе всемирного хозяйства. Именно эта включенность развивающихся стран в мировую экономику заставляет рассматривать совершающиеся в них процессы как продолжение и отражение тех глубинных сдвигов, которые преобразуют экономику передовых государств мира, и потому получили название научно-технической революции. Все это приводит нас к выводу, что научно-техническая революция есть явление глобального, планетарного масштаба.

Противоположный подход, который делит все страны мира на две категории, — одну, в которой совершается научно-техническая революция, и другую, в которой ее нет, методологически несостоятелен и практически необоснован: провести достаточно четкую границу между этими двумя группами было бы просто невозможно. Так, например, овладение реакцией расщепления атома, ядерная энергетика и другие формы использования атомной энергии долгое время были символом научно-технической революции. В середине 70-х гг. применение атомной энергии в мирных целях в сотрудничестве с индустриально развитыми государствами осуществляется в большинстве развивающихся стран, ядерные реакторы и атомные электростанции существуют или строятся во многих районах. Производство и использование ЭВМ также считалось одним из важнейших элементов научно-технической революции. Сегодня усилиями многонациональных корпораций оно налажено,

по крайней мере, в ряде стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. По всем же остальным признакам эти страны, за небольшим исключением, тем не менее должны быть отнесены к аграрным, или в лучшем случае — промышленно-сырьевым, экономически отсталым, находящимся еще на доиндустриальной ступени развития. Иными словами, такое деление мировой экономики было бы условным, искусственным, нежизненным.

Рассмотрение же научно-технической революции как процесса всемирного, затрагивающего все без исключения страны, хотя и с разной степенью интенсивности и глубины, дает возможность определить в нем место и роль бывшей колониальной периферии и, что еще более важно, — оценить историческую функцию этой революции как полное завершение подготовки материальных предпосылок для смены капиталистической формации коммунистической во всемирном масштабе.

Неодинаковая роль развитых и развивающихся стран в мировом научно-техническом прогрессе позволяет сделать вывод, что активно научно-техническая революция развертывается пока только в индустриально развитых государствах капитализма и социализма со всеми особенностями, присущими странам двух противоположных общественных систем. В развивающиеся же страны она привносится извне. Не будет большим преувеличением утверждать, что пока эти страны играют в ней в общем и целом пассивную роль. В этом нет ничего удивительного, так как даже в высокоразвитых государствах научно-техническая революция, по общему признанию, находится еще в начальной стадии. Если это верно, то в менее развитых странах речь может идти, очевидно, лишь об отдельных ее проявлениях, о какой-то, если можно так выразиться, «предначальной» стадии.

Сказанное, однако, не означает, что развивающимся странам на вечные времена уготована роль пассивных участников мирового научно-технического творчества. Весь многовековой багаж цивилизации и культуры, накопленный этими странами до эпохи колониализма, как и научные успехи, достигнутые ими после освобождения от колониальной зависимости (например, «зеленая революция», позволившая за каких-нибудь пять лет удвоить производство зерна в Индии), наряду с колоссальным, почти нетронутым людским потенциалом, который уже дает о себе знать рядом выдающихся научных открытий в самых различных областях знаний и, несомненно, проявит себя еще больше в самом недалеком будущем, представляют собой потенциальный резерв мирового значения. Не за горами день, когда человечество превратит этот резерв из силы пассивной в активную, и мы убедимся, что развивающиеся страны сыграют гораздо более значительную роль в поступательном движении мировой цивилизации, чем можно предполагать теперь.

Большое значение имеет вопрос о ликвидации отсталости в условиях развития научно-технической революции. Преодоление

вековой отсталости бывшей колониальной периферии уже не может происходить только путем «классической» индустриализации, типичной для XIX в. или даже первой половины нынешнего. Ликвидация отсталости подразумевает сегодня не просто переход от ручного труда к машинному как отражение новой ступени развития производительных сил, а использование, наряду с новыми орудиями труда, машинами и конвейером, целой системы машин, комплексную механизацию, автоматизацию и кибернетизацию производства, т. е. всю гамму новейших достижений, обычно отождествляемых с научно-технической революцией. С политико-экономической точки зрения этот процесс по своему содержанию представляет слияние воедино промышленной революции, которая в развивающихся странах запоздала. На нынешнем этапе в большинстве развивающихся стран преобладают еще экстенсивные методы развития, типичные для докапиталистических и раннекапиталистических общественных форм, деформированных господством иностранного монополистического капитала. В дальнейшем все большую роль будут играть интенсивные методы развития, характерные для более развитых общественных укладов, и правильное определение оптимального соотношения тех и других методов будет составлять одну из кардинальных проблем экономической и научно-технической политики в этих странах.

Легче или труднее развивающимся странам в условиях научно-технической революции преодолеть свое отставание? Вне всякого сомнения, легче. Но считать, что подобный ответ исчерпывает поставленный вопрос, было бы чрезмерным упрощением. Чрезвычайная сложность и беспрецедентный характер проблем технологического «разрыва», занятости, реализации общественного продукта, индустриализации в условиях нарушения экологического равновесия биосферы заставляют думать, что проторенные пути не всегда могут привести к правильному решению актуальных проблем молодых государств. Остановимся на некоторых из таких проблем.

Различное воздействие научно-технической революции на индустриально развитые капиталистические и развивающиеся страны и, в частности, разное соотношение экстенсивных и интенсивных методов роста приводит к тому, что увеличение их экономического потенциала происходит разными темпами и разрыв между ними по уровню валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения с каждым годом увеличивается.

Это делает весьма проблематичной задачу ликвидации разрыва в ближайшем обозримом будущем, а заодно ставит под вопрос и целесообразность самой установки на то, чтобы непременно догнать развитые страны капитализма по среднему размеру дохода на душу населения. Опыт последней четверти века показывает, что, во-первых, такая задача для подавляющего большинства развивающихся стран просто не под силу и, во-вторых, что в современных условиях все большее значение приобретает достижение

другой цели — более разумного и целесообразного, если угодно, более качественного, использования валового общественного продукта, чем это имеет место при капитализме [1].

Другая проблема, решение которой существенно осложнилось в условиях быстрого технического прогресса, — это проблема занятости трудовых ресурсов. Мы не склонны драматизировать значение «демографического взрыва». Тем не менее, пока вы прочитали предыдущую фразу, мировое население увеличилось на 8—10 человек, ибо каждую секунду рождается по 2 человека. Значит, каждый месяц население Земли увеличивается на 6 млн. человек, каждый год — на 72 млн. человек. Новейшие данные, приводившиеся на Всемирной конференции по народонаселению (Бухарест, 1974 г.) указывают на некоторое замедление динамики прироста народонаселения мира, по крайней мере, в отдельных развивающихся странах. Но в течение ближайших 15 лет прирост рабочей силы в этих странах будет происходить достаточно быстрыми темпами, поскольку он предопределен числом уже родившихся.

В 1975 г. стоимость нового рабочего места в развитых капиталистических странах по имеющимся оценкам составляла в среднем 50 тыс. долл. Для обеспечения работой по такой норме фондовооруженности труда всех вновь прибывших на рынок труда в развивающихся странах понадобилась бы астрономическая сумма капиталовложений — 11 300 млрд. долл. Совершенно очевидно, что подобная задача совершенно нереальна. Если же мы захотели бы занять эту рабочую силу по нормам, действовавшим 20—30 лет назад, когда средняя стоимость одного рабочего места в США оценивалась в 11 тыс. долл., то для эффективного использования 226 млн. человек понадобилось бы 2486 млрд. долл. Такая задача гораздо скромнее, но и она так же как и предыдущая, нереальна. Даже если бы мы поставили целью обеспечить работой всю дополнительную рабочую силу по нормам в 20 раз более низким, чем в передовых странах мира в 1975 г., т. е. из расчета 2500 долл. на одно рабочее место, то и в этом случае понадобилось бы 565 млрд. долл.

Весь же годовой фонд накопления развивающихся стран, вместе взятых, оценивался на начало 70-х гг. в 500 млрд. В связи с пятикратным повышением цен на нефть к настоящему времени по сравнению с началом 1973 г. эта оценка должна быть пересмотрена в сторону увеличения, но поскольку прирост фонда накопления ограничивается почти исключительно горсткой нефтедобывающих стран, то для всех остальных развивающихся государств эта оценка остается в силе. Есть веские основания полагать, что она даже преувеличена и, по-видимому, приукрашивает истинную картину, поскольку существенное увеличение дифицита их платежных ба-

[1] См. об этом более подробно кн.: Развивающиеся страны: наука, техника, экономический рост. М., 1975, с. 51—52.

лансов (в среднем на 30—35 млрд. долл. в год) и расходование растущей доли их национального дохода на погашение внешней задолженности значительно сокращает имеющийся фонд накопления.

Как бы там ни было, даже при минимальном уровне фондовооруженности труда в 2500 долл. на одно рабочее место весь фонд накопления развивающихся стран был бы недостаточен для того, чтобы дать работу только новой рабочей силе (226 млн.), а кроме нее существует еще и резервная армия безработных и полубезработных (300 млн.), которые также должны быть каким-то образом производительно использованы.

Все это свидетельствует о том, что для решения проблемы занятости в развивающихся странах старые рецепты не годятся. Индустриализация с применением самой производительной новейшей техники, как и прежде, остается единственным действенным рычагом превращения экономически отсталой страны в передовую. Но при современном уровне капиталоинтенсивности промышленного труда она не может решить проблему занятости в развивающихся странах. Очевидно, что этим странам не обойтись без более трудоемких и менее производительных методов труда, в том числе так называемой «промежуточной» техники и технологии. Ее разработка с учетом современных научно-технических достижений, массовое производство и применение на нынешнем этапе развития молодых государств представляется неизбежным и объективно необходимым.

Третья проблема — развитие образования и подготовка национальных кадров. Предвидя трудности социальных преобразований на Востоке, где живет большинство населения земного шара, Ленин писал, что «этому большинству нужно успеть цивилизоваться»[2]. Ленинское предвидение приобрело особую актуальность в наши дни: научно-техническая революция немыслима без качественно новой рабочей силы. Резкое повышение квалификационно-образовательного уровня рабочей силы в индустриально развитых капиталистических странах в последние три десятилетия — одна из важнейших, если не самая главная, предпосылка развертывания в них научно-технической революции. Пример Японии, выдвинувшейся на второе место в капиталистическом мире, в этом отношении достаточно показателен. Но успевают ли «цивилизовываться» развивающиеся страны? Отвечают ли темпы развития образования в них общественным потребностям?

Несмотря на большие успехи, достигнутые в этой области после освобождения, положение, складывающееся в большинстве развивающихся стран, таково, что ответить на этот вопрос утвердительно было бы, по-видимому, еще рано. Если взять только проблему ликвидации неграмотности, то совершенно очевидно, что битву с неграмотностью эти страны пока проигрывают: за десяти-

---

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 404.

летие 1961—1970 гг. общее число неграмотных в развивающихся странах увеличилось с 700 до 810 млн. человек, а доступ к самой низкой ступени образования — начальной школе — в начале 70-х гг. был открыт лишь половине всех детей школьного возраста[3]. С большими трудностями сталкиваются развивающиеся страны и в развитии средней школы, в расширении профессионально-технического обучения, в создании системы среднего и высшего специального образования, отвечающего реальным нуждам национальной экономики. По-видимому, освоение современных технических новшеств в этих странах по-настоящему развернется только тогда, когда они поднимут квалификационно-образовательный уровень населения в масштабах, отвечающих потребностям применения современной науки и техники. Без глубокой, настоящей, всеобъемлющей культурной революции, а не жалкой маоистской пародии на нее, развивающиеся страны не смогут поставить научно-технический прогресс на службу своим интересам. С этой точки зрения использование искусственных спутников земли для ликвидации неграмотности, просвещения населения и организации массового школьного обучения при острой нехватке учительских кадров открывает определенные возможности. Но сама культурная революция невозможна без революции социальной.

Еще одна проблема — завоевание экономической самостоятельности. Ликвидация экономической отсталости в принципе должна вести к ослаблению зависимости от империализма. Но техническая перестройка хозяйства развивающихся стран происходит не на внутренней основе, а с помощью «впрыскивания» иностранных технических новшеств, на основе импортной техники и технологии, использования услуг иностранных специалистов. Эта особенность индустриализации и формирования основного капитала в ведущих отраслях экономики ведет к усилению зависимости от главных промышленных центров капитализма. По мере успехов индустриализации все больше обнаруживает себя еще одна форма экономической зависимости молодых государств — зависимость от сбыта их промышленной продукции на рынках индустриально развитых капиталистических государств.

Когда-то Роза Люксембург ошибочно считала, что проблема реализации неосуществима в рамках «чистого» капитализма, что она требует присутствия «третьих лиц», т. е. стран, находящихся на докапиталистической ступени развития. В. И. Ленин, опираясь на известные схемы воспроизводства Маркса, показал ошибочность подобной точки зрения и подробно обосновал возможность реализации общественного продукта — со всеми сбоями, присущими капиталистическому способу производства, — в рамках капиталистической формации. Об этом приходится вспоминать потому, что проблема реализации в развивающихся странах прямо противоположна картине, рисовавшейся Р. Люксембург.

[3] Более подробно см.: Скоров Г. Е. Развивающиеся страны: образование, занятость, экономический рост. М., 1971, с. 77—90.

Для многих, особенно малых и средних, развивающихся стран проблема реализации неразрешима в пределах их национальных границ — настолько велика доля их продукции, поступающей в кругооборот общественного капитала развитых капиталистических государств. Узость внутреннего рынка, определяемая в конечном счете низким платежеспособным спросом трудящихся масс, и масштабы современной индустрии, рассчитанной на массовое производство, приводят к тому, что почти четверть производственных мощностей вновь построенных промышленных предприятий в развивающихся странах бездействует[4]. Хроническая недогрузка производственных мощностей свидетельствует о том, что проблема реализации в развивающихся странах не может быть решена, по крайней мере на современном этапе, без экспорта их готовых изделий, не говоря уже о сырье, на рынки индустриально развитых стран. Именно поэтому условия реализации сырьевых товаров на мировом рынке (уровень цен, их соотношение с ценами импортируемых товаров, стабильность валютной выручки, гарантированный объем закупок и т. п.) и свободный доступ промышленных изделий развивающихся стран на рынки капиталистических государств выдвигаются как одно из основных требований установления «нового международного экономического порядка» или, в терминах марксистской политэкономии, новой системы международных экономических отношений, основанной на полном равенстве, равноправии и взаимной выгоде участвующих сторон[5].

Изложенные выше соображения показывают, что преодоление отсталости в наше время сопряжено со многими трудностями, которых не знали ныне индустриально развитые капиталистические государства. Иными были также главные особенности первоначального этапа развития СССР в 20-х гг., как и других социалистических стран в более близкое к нам время. Все это требует от развивающихся стран, независимо от избранного пути развития, критического осмысления мирового исторического опыта, творческого использования форм, выработанных практикой других государств, поиска новых решений.

С этой точки зрения научно-техническая революция не только осложняет многие проблемы развития бывшей колониальной периферии, но одновременно открывает перед ней и новые возможности и горизонты, создает новые потенциальные средства решения таких проблем. Однако все дело в том, что реализовать эти возможности можно только при определенных условиях. Главное, но далеко не единственное, среди них — прогрессивное преобразование производственных отношений. Без этого трудно себе

---

[4] См.: Волков М. Развивающиеся страны: избыточные мощности в промышленности.— «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 6.

[5] См. об этом подробнее ст. автора (см.: Скоров Г. Е. Новый международный экономический порядок: проблемы и перспективы. — «Азия и Африка сегодня», 1978, № 2).

представить сколько-нибудь существенное развитие производительных сил молодых государств. Речь идет не только о внутренних социальных преобразованиях, но и о создании необходимых внешних условий для такого развития, о прогрессивной перестройке международных экономических отношений. Другие важнейшие условия — формирование адекватного человеческого фактора и мобилизация необходимых накоплений.

Что касается последнего, то страны—экспортеры нефти, входящие в ОПЕК, с их 40 млрд. долл. излишком ежегодных финансовых поступлений[6] оказались на редкость в благоприятных условиях по сравнению со всеми другими странами и получили возможность сделать резкий рывок вперед. Превращение некоторых из них в ближайшие два десятилетия в новые индустриальные центры мира сегодня уже не вызывает сомнений. Гигантские проекты строительства нефтеперерабатывающих заводов общей мощностью 120 млн. т, предприятий по сжижению газа, атомных электростанций, сталелитейных комбинатов, автомобильных, химических, машиностроительных заводов стоимостью в десятки миллиардов долларов могут превратить Ближний и Средний Восток в крупнейший промышленный массив мирового значения уже к 1990 г. Резкий бросок вперед могут сделать также некоторые страны—экспортеры стратегического сырья. В Латинской Америке Бразилия, Мексика, Аргентина, Венесуэла, используя современные научно-технические достижения, могут уже в ближайшие годы значительно оторваться от остальных стран региона.

Возможность «перешагивания» через промежуточные ступени, заложенная в техническом прогрессе, и разная способность ею воспользоваться еще больше подстегнут неравномерность развития и усилят процесс расслоения освободившихся стран, которые становятся все более неоднородными с экономической, социальной и политической точек зрения. Совершенно очевидно, что, применяя современные научно-технические достижения, в оставшиеся два с лишним десятилетия нынешнего века отдельные развивающиеся страны или группы стран смогут скачкообразно усилить свои позиции в мировой экономике и выйти на уровень, достигнутый Западной Европой в середине текущего столетия.

В целом, однако, развивающиеся страны будут и дальше отставать от индустриально развитых государств капитализма и социализма, которые по-разному используя достижения научно-технической революции и получая различные результаты, будут и впредь уходить все дальше вперед. Сосредоточивая у себя наукоемкие отрасли, «сбрасывая» в развивающиеся страны трудоемкие, материалоемкие, энергоемкие и загрязняющие окружающую среду производства, развитые капиталистические государства будут способствовать индустриализации отсталых регионов и содействовать существенным сдвигам в размещении мировых производительных

[6] «Financial Times», 1978, January 5.

сил. Однако несмотря на это, закономерности движения мирового капиталистического хозяйства таковы, что подчиненное место развивающихся стран в системе международного капиталистического разделения труда и разрыв в уровне производительных сил между ними продолжает сохраняться, хотя и менее рельефно. Сохраняется, следовательно, и экономическая основа их эксплуатации международным монополистическим капиталом. Однако степень их неравноправия, как и степень их эксплуатации, по-видимому, будет ослабевать в результате борьбы за установление более справедливых международных экономических отношений, которую ведут эти страны при поддержке мирового социалистического содружества. В прогрессивном изменении международных экономических отношений сказывается растущее воздействие новой социалистической формации на все мировое развитие. Это воздействие открыло дорогу новым закономерностям развития мировой экономики, контуры которой сейчас лишь намечаются.

Следует остановиться еще на одном вопросе — о «новой модели развития» для стран Азии, Африки и Латинской Америки, которая обсуждается в мировой экономической литературе уже не первый год. Два обстоятельства придали этому обсуждению особую остроту: внутренняя несостоятельность традиционной модели развития капиталистического Запада, ставшая особенно очевидной на рубеже 60-х — 70-х гг., и начавшийся примерно в эти же годы глобальный экологический кризис капиталистического мирового хозяйства.

Тупик, в котором оказалось общество так называемого массового потребления, или, по Дж. К. Гэлбрейту, «общество изобилия», не случаен. Товарная структура этого общества, включающая вооружение, потребительские товары для привилегированных классов, предметы роскоши, рекламу и т. д., отражает не только высокий уровень производительных сил. Она несет на себе также печать антагонистического строя, который исторически давно уже изжил себя, — печать милитаризма, загнивания и паразитизма. Эта структура сложилась не столько под влиянием потребностей социального прогресса, сколько в результате неутомимой жажды капитала к наживе, производства ради прибыли, стремления вооруженной рукой остановить ход общественного развития. По расчетам американских экономистов, в 1929—1963 гг. от 47 до 56% ВВП в США было произведено без учета действительных нужд общества [7].

С этой оценкой можно соглашаться или не соглашаться, но ясно одно: значительная часть товаров и услуг, производимых в капиталистических странах, строго говоря, обществу не нужна. Хотя эти товары и услуги в конце концов потребляются, эффективность потребления, т. е. степень реального удовлетворения потребностей общества при данном уровне национального дохода,

[7] «Economic growth vs. the environment». San Diego, 1972, p. 95.

значительно ниже возможной. А это значит, что при более рациональном использовании национального дохода, требующем, конечно, иной социальной организации общества, принципиально возможно обеспечить такую же или даже более высокую степень удовлетворения общественных и личных потребностей при гораздо меньшем объеме душевого общественного продукта.

Нарушение глобального экономического равновесия, обнаружившееся в 70-х гг., также уходит своими корнями в природу капитализма с его расточительным природопользованием и эгоистическим стремлением к сиюминутной экономической выгоде. Известно, что развитые капиталистические государства потребляют примерно в 10—20 раз больше пресной воды, энергии, металлов, различных видов минерального и растительного сырья, чем развивающиеся страны в расчете на каждого жителя, и примерно во столько же раз больше загрязняют планету промышленными отходами. Тепловой перегрев, который испытывает Земля от быстрого и во многом хаотичного развития энергетики, химии, индустрии вообще, измеряется пока сотыми долями одного процента в год. Но если учесть, что за оставшиеся десятилетия XX в. будет потреблено в 3 раза больше энергии, чем за первые три его четверти[8], то темпы теплового перегрева планеты Земля могут резко ускориться. Как полагают, повышение среднегодовой температуры земной атмосферы только на 1—2 градуса может повлечь за собой таяние ледовых полярных шапок, поднятие уровня мирового океана на 50—60 м и затопление значительной части обитаемой суши. Известны также неблагоприятные последствия накопления в атмосфере углекислого газа и частиц, находящихся во взвешенном состоянии (так называемый «парниковый эффект»). Последствия загрязнения окружающей среды еще во многом не ясны, но, очевидно, что они также требуют решительного пересмотра модели развития промышленно развитых капиталистических государств, как и уточнения некоторых прежних представлений о технологических аспектах построения коммунистического общества. В этих условиях наши представления о наиболее целесообразном типе развития освободившихся стран также, по-видимому, нуждаются в уточнении.

Характерно, что инициатива поиска «новой модели развития» исходит от самих развивающихся стран. Ее поддерживают широкие круги прогрессивной научной общественности во всем мире[9], которые выдвинули ее как противовес метафизической и псевдонаучной концепции «нулевого роста», от которой в конце концов отмежевался даже ее заказчик — Римский клуб. Вся премудрость этой, с позволения сказать, «концепции» заключается в том, чтобы заморозить статус-кво. В каком-то смысле постановка такой зада-

[8] UNESCO. «World energy generation and consumption in XX century». Paris, 1975.

[9] «The Declaration of Cocoyoc». Mexico, 8—12 October, 1974; «World development», 1975, February—March, p. 141—148.

чи символична для обреченного историей строя: кто успел урвать кусок пирога, тот и обеспечил себе право на сносную жизнь, кто отстал или опоздал, тот пусть пеняет на себя и удовлетворяется тем, что имеет, иначе, мол, погибнет цивилизация.

Марксисты на это отвечают: не «нулевой рост» и не замедление развития, а, наоборот, его ускорение, особенно в странах, отставших в экономическом отношении, а для того, чтобы цивилизация не погибла, капитализм должен быть заменен другой, более совершенной общественной системой — социализмом. Что же касается технической стороны дела, то восстановление экологического равновесия планеты Земля требует применения новых принципов развития материальной культуры общества — разработки принципиально новой, безотходной или малоотходной техники и технологии, использования новых, альтернативных источников энергии, организации производства на основе замкнутых циклов, перехода от одноразового расточительного потребления сырья к его многоразовому комплексному использованию. Политическая же предпосылка осуществления новой «модели развития» состоит в дальнейшем углублении и материализации международной разрядки.

В этой связи нельзя не вспомнить одно известное замечание В. И. Ленина о том, что в борьбе за единство трудящихся различных наций надо иметь в виду «тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме» [10]. Нарушение экологического равновесия биосферы в результате бесконтрольной хозяйственной деятельности государственно-монополистического капитализма — еще один аргумент, подтверждающий историческую правоту марксизма, еще один довод в пользу создания новой всемирной системы экономических отношений, регулируемых в интересах трудящихся всех стран.

С научно-технической революцией связаны внутриэкономические аспекты развития развивающихся стран.

Сдвиги в производительных силах развивающихся стран, происходящие под воздействием научно-технической революции, определяются процессами производства, обмена и распределения, совершающимися во всей мировой экономике, т. е. не столько внутренними, сколько внешними факторами. Научно-техническая революция резко усиливает интеграционные процессы в разных отсеках всемирного хозяйства, способствует углублению международного разделения труда. В рамках капиталистического сектора всемирного хозяйства это углубление происходит в антагонистических формах, втягивание развивающихся стран в международное разделение труда нередко затрудняет и сдерживает

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 164.

развитие внутринационального разделения труда. В этом состоит внутреннее противоречие капиталистического — колониального и неоколониального — способа формирования мирохозяйственных связей: международное разделение труда предшествует внутринациональному, деформирует рациональное развитие производительных сил, обусловливает монокультурность или монотоварность хозяйства — особую диспропорциональность экономики, типичную для периферии капитализма.

Характерная особенность развития науки и техники в развивающихся странах заключается в том, что оно отражает не столько органические потребности молодых государств, сколько экономические интересы индустриально развитых стран, определяющих основные направления мирового научно-технического прогресса. Формы этого развития в значительной степени уже даны тем, что технические новшества поступают в развивающиеся страны в готовом виде. Значительная часть их относится к сфере потребления (ткани из искусственного волокна, упаковочные материалы из полиэтиленовой пленки, бытовая электроника, дешевые пластмассовые изделия и другие стандартные массовые товары, обусловливающие растущую нивелировку некогда самобытного образа жизни в различных странах). Это значит, что научно-техническая революция в большей мере воздействует пока на потребности, чем на источники и средства их удовлетворения. Она существенно изменила свойственные прежним формациям закономерности воспроизводства населения («демографический взрыв»), но лишь незначительно затронула материальные условия жизни человека в развивающихся странах.

Научно-техническому прогрессу на периферии капитализма свойствен особый «очаговый» тип развития. Разумеется, и в индустриальных цитаделях капитализма научно-техническая революция развивается неравномерно, по-разному, охватывая различные отрасли труда. Но в развивающихся странах эта неравномерность качественно иная: технические новшества проникают туда в виде отдельных, изолированных вкраплений, затрагивая лишь некоторые звенья производства. И это, естественно, нарушает прежнюю систему связей между отдельными производственными единицами, приводит к возникновению новых и углублению старых диспропорций в экономике, к росту противоположности между «современным» и «традиционным» секторами хозяйства. Весь процесс общественного воспроизводства в развивающихся странах оказывается расчлененным на несколько параллельных потоков, которые движутся в разных общественных укладах экономики на различной технической основе, часто почти независимо друг от друга. Все это приводит к разрывам и несоответствиям, порождая серьезные социальные противоречия и конфликты.

Техническое перевооружение экономики развивающихся стран в условиях научно-технической революции неизбежно происходит на такой основе, которая намного превышает довольно скромные

возможности их собственной индустриальной базы. Обновление основных производственных фондов по мере их снашивания также не осуществимо в них собственными силами. Страны, вступающие на путь модернизации, в течение длительного времени оказываются вынужденными ввозить из-за границы в возрастающих масштабах элементы основного капитала. К прежним традиционным формам зависимости прибавляются новые, в частности, так называемая «технологическая зависимость». Значение этой новой формы подчинения определяется ключевой ролью обновления технической базы производства в отсталых странах, с одной стороны, и господствующим положением капиталистических монополий на мировом рынке оборудования, с другой. Возникает внешне парадоксальная ситуация: экономика освободившихся стран развивается, их производительные силы растут, технический уровень производства повышается, а их зависимость не уменьшается, в какой-то степени она, быть может, даже возрастает, ибо основа ее — отношения подчинения и эксплуатации в рамках капиталистического мирового хозяйства — сохраняется.

Тенденции усиления технической зависимости молодых государств от капиталистических держав противостоит другая тенденция, возникающая под влиянием их равноправного сотрудничества с социалистическим содружеством, — тенденция ослабления такой зависимости. Экономическое и техническое содействие социалистических государств развивающимся странам расшатывает основательно подорванную, но пока еще не ликвидированную научно-техническую гегемонию капитализма, помогает им добиваться экономической самостоятельности.

Каковы же наиболее вероятные социальные последствия, вызываемые научно-технической революцией в развивающихся странах?

Подобно тому, как промышленная революция XVIII—XIX вв. в Западной Европе подготовила материальные предпосылки смены феодализма капитализмом, сдвиги в производительных силах, совершающиеся ныне в развивающихся странах, также взрывают старые общественные структуры, разрушают докапиталистические производственные отношения, создают условия для перехода к новой общественно-экономической формации. Научно-технический прогресс таким образом выступает катализатором социального прогресса. Но связь между ними не прямая, а опосредованная, и, что особенно важно, между ними существует и обратная зависимость. Социальный прогресс — не только следствие, но и непременное условие технического прогресса. В развивающихся странах он совершается медленно, сложными, извилистыми путями, часто путем приспособления старых, отживших производственных отношений к новым историческим условиям, переплетения различных форм эксплуатации. Нынешний экономический базис национально независимых государств, вплетающийся в систему неравноправных экономических отношений капиталистического мирово-

го хозяйства, выступает как самое серьезное препятствие на пути рационального применения и дальнейшего развития современной науки и техники.

Подчеркивая ограничения, воздвигаемые капитализмом на пути технического прогресса, В. И. Ленин задолго до начала научно-технической революции писал, что «техника капитализма с каждым днем все более и более *перерастает* те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство»[11]. Если учесть, что общественные условия развивающихся стран во многом еще отягощены грузом пережитков докапиталистических отношений, а становление капитализма происходит там в рахитичных и ублюдочных формах, свойственных зависимому типу развития, то станет ясным, насколько велик разрыв между колоссальными потенциальными возможностями научно-технической революции и их более чем скромным использованием в развивающихся странах.

Неспособность национального капитала осуществить техническую реконструкцию развивающихся стран настолько очевидна, что эту задачу почти повсеместно берет на себя государство. Развитие государственного сектора экономики и государственного уклада как типа хозяйствования — новая закономерность общественного развития молодых государств независимо от избранной ими социальной ориентации. Но классовая природа государственного уклада и олицетворяемые им производственные отношения весьма различны. Они охватывают широкий спектр отношений, начиная от государственного капитализма и кончая различными переходными формами, которые можно определить как социалистически ориентированные или предсоциалистические. Решающим фактором выступает здесь социально-политическая ориентация государства, классовая природа сил, находящихся у власти. Если государственный сектор выражает интересы эксплуататорских классов и содействует утверждению капиталистических отношений, то такой тип развития, как правило, сопровождается усилением проникновения иностранного капитала и растущей зависимостью от империализма в научно-технической области. Если же государственный сектор выражает общенациональные интересы, как это имеет место в странах социалистической ориентации, и деятельность иностранного капитала ставится под строгий контроль, то использование современных технических достижений, развитие национального научно-технического потенциала в перспективе ведет к укреплению технической самостоятельности и взаимовыгодному участию в международном обмене техническими новшествами.

Социализм как общественная система полнее всего отвечает объективным тенденциям развития новых производительных сил, порождаемых научно-технической революцией. В то же время,

---

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 95.

только опираясь на научно-техническую революцию, можно создать в отсталых странах новые производительные силы, адекватные социализму. Диалектическая связь этих двух процессов с особой силой выступает сегодня в развивающихся странах, где неспособность капитализма использовать возможности современной науки и техники для решения ключевых проблем развития, ускорения экономического роста и радикального улучшения условий жизни населения лишний раз демонстрирует его историческую бесперспективность и обреченность.

ГЛАВА 7. ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА РОЛЬ ГОССЕКТОРА В ЭКОНОМИКЕ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Происходящая в мире научно-техническая революция охватывает страны с различными социальными системами. Она затрагивает также и развивающиеся страны, на которые приходится почти 2/3 населения и территории капиталистического мира. В самом общем виде воздействие НТР на развивающиеся страны выражается в том, что важнейшая задача этих стран — необходимость ускоренного экономического развития — приобретает характер необходимости подъема производительных сил до уровня, определяемого развитием НТР. Это требование вступает в противоречие как с внутренними социальными условиями развивающихся стран, так и с возможностями, вытекающими из места и роли этих стран в мировом капиталистическом хозяйстве. Ввиду этого влияние НТР на развитие освободившихся стран оказывается во многом своеобразным, противоречивым, порождающим целый ряд сложнейших и беспрецедентных в истории проблем.

Первые попытки использования достижений НТР в развивающихся странах наряду с определенными успехами обнаружили целый ряд специфических для развивающихся стран противоречий. Достаточно назвать лишь некоторые из них. Например, «демографический взрыв» — это явление, порожденное разной степенью воздействия НТР на область медицины и на общие условия материальной и духовной жизни людей. «Зеленая революция» не привела к ликвидации голода, ибо огромные возможности увеличения производства продовольствия, вызванные к жизни достижениями агротехники, не могут использоваться из-за недостатка материальных, финансовых и других ресурсов, а главное — отсутствия необходимых социальных условий. НТР, необычайно увеличивая вооруженность труда, может обречь на бездеятельность огромные массы трудоспособного населения, поэтому столь драматична дилемма выбора в развивающихся странах между капиталоемкой и трудоемкой технологией в процессе осуществления индустриализации. Импорт из империалистических стран способствует подъему производительных сил, но таким образом, что зависимость развивающихся стран не столько ослабляется, сколь-

ко модифицируется. Вместо некоторых сокращающихся традиционных проявлений зависимости растет технологическая зависимость. Этот далеко не полный перечень противоречивых проявлений воздействия НТР на развивающиеся страны показывает, насколько сложно и противоречиво в целом протекает в этих странах научно-техническая революция.

Когда речь идет о развивающихся странах, то всегда нужно иметь в виду, что в целом в капиталистическом мире основные направления НТР определяются пока потребностями экономического развития промышленно развитых стран, а освободившиеся страны лишь частично используют ее достижения. НТР охватывает производительные силы развивающихся стран некомплексно, неодновременно и с разной степенью интенсивности по странам, по отраслям и сферам, наконец, по самим элементам производительных сил. К этому необходимо добавить, что ввиду неоднородности социально-экономической структуры НТР в этих странах оказывает различное влияние на производительные силы и их элементы в разных общественных структурах или укладах, а некоторыми укладами НТР просто не воспринимается. Там большую роль в решении проблем, порождаемых НТР в развивающихся странах, играют государства и государственный сектор экономики. В самом общем виде эта роль связана со спецификой проявления в этих странах общеисторического закона соответствия производительных сил и производственных отношений. В условиях развивающихся стран это соответствие, будучи и без того весьма специфическим и противоречивым, подвергается под влиянием НТР дальнейшей модификации. В самом общем смысле эта модификация проявляется в том, что НТР в целом, безусловно, усиливает общественный характер производительных сил до такой степени, что ему все в меньшей мере соответствуют не только архаичные докапиталистические отношения, но и незрелые в этих странах отношения капиталистической организации общественного производства. НТР как бы сокращает для национального частного капитализма возможности ассимилировать развивающиеся производительные силы, приспособиться к ним, поставить их на службу интересам капитализма. Это противоречие отчасти решается активным использованием развивающимися странами госкапитализма. То, что недоступно для частного предпринимательства, вынуждено осуществлять за него (часто и для него) государство. Следствием расширения государственного вмешательства становится рост госсектора. Следовательно, в самом общем виде можно сделать вывод о том, что НТР усиливает причины государственного вмешательства в экономику и появления государственного сектора. Государственный сектор экономики выступает основой развития образования, науки, внедрения достижений научно-технического прогресса в производстве.

Качественные изменения в рабочей силе в связи с НТР привели к росту значения такого фактора экономического роста, как

образование, повышение уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки рабочей силы.

Последние два десятилетия были для развивающихся стран периодом бурного развития образования. За это время значительно выросли расходы на образование, которые во многих странах составляют до 25% расходов и часто представляют самую крупную статью расходной части текущих бюджетов. Значительно расширилась сеть школ и других учебных заведений. Более чем вдвое возрос контингент учащихся, образование приближено по своему характеру к потребностям развивающихся стран.

Однако всех этих усилий оказалось недостаточно, чтобы приостановить рост неграмотных, численность которых к 1970 г. составила почти 800 млн. человек. Не отвечает потребностям развивающихся стран характер и масштабы профессионально-технической подготовки, это же верно и в отношении высшего образования.

Необходимо дальнейшее наращивание усилий государства в этой области. Столь же необходима и роль госсектора в развитии образования. Сфера образования не может быть делом частных лиц и быть организованной на принципах коммерческого предпринимательства. Осуществление политики в области образования, мобилизация ресурсов, организация сети общеобразовательных школ и учебных заведений, подготовка кадров преподавателей, обеспечение соответствия образования потребностям экономического развития и другие проблемы в сфере образования — все это вопросы общенационального значения, решаемые государством на основе использования значительной части финансовых, материальных и трудовых ресурсов общества. Другими словами, сфера образования теснейшим образом связана с государственным сектором экономики, и вопросы образования наиболее успешно решаются там, где государство активно вмешивается в процесс общественного воспроизводства, включая воспроизводство рабочей силы.

Растет роль госсектора в развитии науки развивающихся стран. Хотя развивающиеся страны пока еще являются в основном потребителями научных достижений развитых стран, развитие национальной науки в этих странах в одинаковой мере как необходимо, так и неизбежно. Совершенно очевидно, что организация научных исследований не может быть в этих странах делом частных предпринимателей. Даже государству эта задача во многих развивающихся странах еще не по плечу. В то же время, в целом, необходимость развития национальной науки является практически общепризнанной, и в некоторых странах имеются известные достижения по ряду областей науки и техники. В основном речь идет о достижениях в исследованиях, поставленных на государственной основе. Частные национальные предприятия лишь в отдельных странах проводят небольшие практически-прикладные исследования, связанные, как правило, с адаптацией к местным

условиям импортной технологии. В целом государству в развивающихся странах принадлежит преимущественная, можно сказать, монопольная роль в становлении науки и расширении научно-технического потенциала, в организации и финансировании научных исследований, в определении принципов научной политики, в руководстве ею. В большинстве этих стран практически вся научно-исследовательская деятельность сосредоточена в рамках государственного сектора [1].

В ряде стран уже накоплен известный научный потенциал. Так, в Индии в начале 70-х гг. насчитывалось более 200 крупных научно-исследовательских учреждений, в которых была сосредоточена большая часть из общего числа — 80 тыс. научных и инженерно-технических сотрудников [2]. В стране ведутся исследования по таким важнейшим направлениям, как ядерная физика, исследование космоса и др.

Крупные исследовательские центры имеются в Пакистане, Иране, Бразилии, Мексике и других развивающихся странах. Растет количество научных учреждений и в странах, позднее вступивших на путь самостоятельного развития. Более 700 научных центров и лабораторий, например, насчитывалось в 1970 г. в Африке. Однако в целом научный потенциал развивающихся стран пока еще не отвечает потребностям их социально-экономического развития. Большую часть научных учреждений Африки представляют собой небольшие станции или лаборатории, выполняющие узкоприкладные исследования. Общая численность научных работников, включая вспомогательный персонал, насчитывала в начале текущего десятилетия всего около 11 тыс. человек или в среднем 15 человек на один исследовательский центр. В области связи и энергетики работало на всем континенте в 1970 г. 149 научных сотрудников, в области экономических исследований — 97 человек [3]. Недостаточен научный потенциал и в более развитых из числа развивающихся стран. На 100 тыс. населения в Мексике в 1971 г. приходилось 8 человек инженеров и научных работников, занятых в сфере научных исследований, в Аргентине — 28, Венесуэле — 17, Турции — 18, против 116 во Франции, 146 — в ФРГ, 259 человек в США [4].

В значительной своей части научный потенциал развивающихся стран представлен государственными исследовательскими центрами и лабораториями, работающим в них персоналом, отпускаемыми для них из государственных источников средствами. Другими словами, ведущую роль в научно-исследовательской сфере занимает государственный сектор. Частный капитал этих стран

---

[1] Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., «Мысль», 1974, с. 106.

[2] Развивающиеся страны: наука, техника, экономический рост. М., «Наука», 1975, с. 223.

[3] UNESCO. Statistical yearbook 1972, p. 627.

[4] UNESCO. Statistical yearbook 1974, p. 562—564.

ь значительно меньшей мере в сравнении с монополиями развитых империалистических стран склонен финансировать научные исследования и имеет для этого неизмеримо меньшие возможности, хотя, как известно, и в развитых странах расходы по развитию фундаментальных исследований и наиболее современных научных направлений перекладываются на государство. По некоторым оценкам, за счет частного капитала в Индии финансируется менее 10% затрат на научные исследования [5]. В государственном секторе этой страны исследования ведутся не только в государственных исследовательских институтах и учреждениях (Совет научных и промышленных исследований, Индийский Совет сельскохозяйственных исследований, Организации оборонных исследований и развития, университеты и т. п.), но и в промышленных корпорациях и компаниях. В работе «Государственные предприятия в Индии», подготовленной Институтом конституционных и парламентских исследований для руководителей государственных предприятий в качестве путеводителя их практической деятельности, уделяется большое внимание как организации исследований, так и значению их для улучшения экономических показателей предприятий [6].

В решении задач ускорения научно-технического прогресса большую роль играет не только собственно развитие научных исследований, но и такая организация их постановки, которая обеспечивала бы ориентацию этих исследований на наиболее актуальные направления в соответствии с потребностями общества, а также быстрое и эффективное их использование в сфере материального производства. С этой точки зрения преимущества организации на государственной основе, на базе государственного сектора во всех отраслях науки и экономики имеют для развивающихся стран неоспоримое значение. Частные компании, национальные и иностранные, в той мере, в какой они стимулируют собственные исследования, действуют в ограниченных пределах, определяемых возможностями более или менее длительного периода получения прибыли от реализации конкретных товаров и услуг.

Многие мелкие и средние частные предприятия не в состоянии нести расходы по содержанию собственных лабораторий и конструкторских бюро, а часто и не заинтересованы в этом, так как в условиях огромной безработицы низкая заработная плата обеспечивает достаточно высокие прибыли без использования научных разработок.

В целом, частной инициативы в научных исследованиях для ускоренного развития развивающихся стран явно недостаточно. Им нужна общегосударственная организация научно-исследовательской работы, в рамках которой государство брало бы на себя

---

[5] Ульрих О. Д. «Третий мир»: проблемы развития государственного сектора. М., «Наука», 1975. с. 94.

[6] Public enterprises in India. Delhi, 1972, p. 101.

заботу по централизованной мобилизации ресурсов на научные исследования, планированию научных работ и определению политики в этой области, по развитию сети научных учреждений.

Государство может сделать много также и в отношении координации и стимулирования развития прикладных исследований в частных корпорациях, использования ими достижений специализированных научных учреждений. Тем самым в известной мере компенсируется распыленность и узкоограниченность целей исследований и применения их результатов в частных компаниях развивающихся стран. Такие функции выполняют имеющиеся в ряде стран корпорации по внедрению в практику достижений научных исследований.

Так, Национальная корпорация развития исследований Индии, созданная в 1953 г. для более тесной связи результатов научных исследований и промышленного развития, берет на себя финансирование и реализацию в промышленности проектов общенационального значения, связанных с открытиями и внедрением результатов исследований, полученных научными учреждениями. Главной задачей корпорации является стимулирование развития и использования национальных исследований. Корпорация осуществляет также сделки и соглашения, связанные с приобретением зарубежных и продажей национальных лицензий на использозование патентов на изобретения и открытия. С момента своего основания по март 1974 г. корпорация получила лицензии на использование 1606 открытий и изобретений, большая часть которых была доведена до промышленного использования. Чистая прибыль от использования их в производстве составила около 560 млн. рупий, что равносильно экономии валюты на сумму 530 млн. рупий. Результатом деятельности корпорации является также сокращение сроков внедрения изобретений, выработка методики и процедуры такого внедрения, расширение масштабов исследований и их использования. Исследовательские институты не всегда имеют возможность доводить исследования до стадии их практического применения, и поэтому передача новых научных разработок специализированной самостоятельной службе «внедрения», которую осуществляет государственная корпорация, оказывается достаточно эффективным способом ускорения использования достижений научно-технического прогресса. При общей сумме правительственных субсидий этой корпорации в 6,3 млн. рупий она получила от внедрения в практику открытий около 20,2 млн., из которых почти 14,2 млн. было передано научно-исследовательским центрам, предложившим эти открытия для внедрения. В течение 1973—1974 финансового года корпорация рассмотрела вопрос о возможности коммерческого использования 238 лицензий[7]. Правда, в значительной мере деятельность корпораций связана с частными промышленными компаниями. Это еще раз подтверж-

[7] Commerce yearbook of public sector 1974—1975. Bombay, p. 456—457.

дает, что как и в любой другой области, государственный сектор в научно-технической сфере может в зависимости от социально-политической ориентации использоваться либо для укрепления непосредственно общественного начала в производительных силах, либо в интересах частного капитала или даже иностранных компаний. Последовательная защита национальных интересов возможна лишь тогда, когда научно-технический прогресс будет происходить не только на базе, но и в интересах государственного сектора.

Особое значение приобретает госсектор развивающихся стран в связи с такой особенностью развертывания в них научно-технического прогресса, которая связана с преимущественно внешними источниками поступления в эти страны техники и технологии. Даже в тех развивающихся странах, которые обладают наиболее значительным научно-техническим потенциалом, на долю национальных патентов в общей массе регистрируемых для использования патентов приходится не более 5—10%. Широкое использование иностранных патентов и связанных с ними нововведений предоставляет этим странам большие возможности ускоренного приобщения к современному уровню производительных сил, однако все более реальной угрозой становится рост их технологической зависимости от империалистических стран. Опасность усиления зависимости в связи с этим в значительной мере определяется тем, насколько активно государство в проведении технической политики. Там, где нововведения в основном связаны с деятельностью иностранного капитала и где вся политика государства направлена на поощрение частного предпринимательства, государство фактически ускоряет и закрепляет зависимое положение. Там же, где техническая политика проводится при опоре на государственный сектор в сфере экономики и научных исследований, существует реальная возможность ограничения отрицательных последствий импорта иностранной технологии и создания предпосылок для становления собственного научного потенциала как фактора ускорения социально-экономического прогресса развивающихся стран.

Значение государства в определении путей научно-технического прогресса и в связи с этим роль государственного сектора возрастают в свете решения весьма сложной для развивающихся стран проблемы выбора техники и путей ее использования в качестве основы экономического развития. О важности этого вопроса свидетельствует внимание к нему со стороны международных организаций. ООН в 1971 г. подготовила широко известный документ «Всемирный план действий по применению науки и техники к развитию», который был разрекламирован как дополнение или научно-техническая программа стратегии развития на второе десятилетие. Хотя этот документ и не являлся программой всемирных действий в полном смысле этого слова и содержал в себе в основном рекомендации общего характера, он отразил реально стоящие перед развивающимися странами проблемы: какую технику использовать, ввозить и развивать; должны ли они использо-

вать ту же самую технику, что и развитые страны; должны ли они стремиться к адаптации уже существующей техники или применительно к своим условиям искать новые технические решения; должны ли они направлять усилия на модернизацию традиционных отраслей или держать курс на развитие самых современных видов производств; должны ли они при этом ориентироваться на расширение занятости или стремиться к повышению производительности труда уже занятой части населения.

Все эти вопросы могут быть решены лишь в рамках долговременной технической политики государства. При этом оказывается, что границы применения техники частными предпринимателями не соответствуют направлениям этой политики, ибо частные предприниматели руководствуются совершенно другими целями и критериями эффективности. Поэтому последовательное проведение отвечающей национальным интересам технической политики также связано и в дальнейшем, по-видимому, еще в большей мере будет определяться масштабами и ролью государственного сектора экономики. «Только государство способно мобилизовать ресурсы, требующиеся для всеохватывающей технической реконструкции хозяйства. Осуществление технического прогресса только средствами частного сектора неизбежно ограничивает на долгий срок сферу применения современной техники небольшим кругом «избранных», наиболее прибыльных производств, часто не имеющих решающего значения для экономического развития страны», — считают авторы одного из последних советских исследований по проблемам НТР в развивающихся странах[8].

Ведущая роль госсектора в проведении национальной технической политики определяется целым рядом преимуществ государственных предприятий перед частными. К таким преимуществам исследователи относят, например, способность государства строить предприятия, размеры которых считаются оптимальными с точки зрения наиболее эффективного использования капиталовложений и соотношений капитальных и текущих затрат. Такими размерами для металлургии являются предприятия с ежегодным объемом выпуска продукции порядка 5—6 млн. т, нефтехимические предприятия с установленной мощностью переработки не менее 3—4 млн. т нефти в год и т. д. Частным национальным предприятиям такие объекты не по плечу.

Государство, строя свои предприятия, располагает большими возможностями для приведения в соответствие оптимальных размеров выпуска продукции с объемом спроса на него через государственные соглашения о кооперации в рамках государственных региональных союзов, а также путем стимулирования экспорта за пределы этих союзов.

Государство, проводя разработанную техническую политику, обеспечивает профессиональную подготовку квалифицированных

---

[8] «Третий мир» и научно-технический прогресс. М., «Наука», 1974, с. 129.

рабочих и инженерно-технического персонала, которую не могут обеспечить частные предприятия, если даже они и имеют в своем составе необходимые службы, что, впрочем, в условиях развивающихся стран встречается крайне редко.

Государство является единственной реальной силой, способной обеспечить подъем технического уровня производства на мелких промышленных предприятиях; помочь фермерам в использовании достижений агротехники в сельском хозяйстве, получивших название «зеленой революции». В промышленности поддержка мелких предприятий со стороны госсектора может осуществляться в виде различного рода консультационных услуг, льготного кредитования, поставок оборудования, снабжения услугами инфраструктурного характера, охвата их кооперационными связями и т. д.

Так, Индийская национальная корпорация мелкой промышленности, созданная правительством в 1955 г. для оказания мелким предпринимателям содействия в производстве коммерческой помощи, к 1972 г. помогла 2124 предпринимателям наладить производство более чем 1 тыс. изделий, 1294 предпринимателя закупили через корпорацию по льготным ценам оборудование на сумму 6,6 млн. рупий, 6678 мелких предпринимателей прошли стажировку в трех комплексах корпорации, каждый из которых включает образцовое предприятие и тренировочный центр. Предприниматели получали и другие услуги: поставки сырья, комплектующих изделий, помощь в организации экспорта продукции и др.[9].

В сельском хозяйстве развивающихся стран — отрасли наиболее отсталой и наиболее значительной по числу занятых — значение государственного сектора для внедрения и обеспечения условий использования достижений научно-технического прогресса особенно велико. В этих странах нет другой силы, которая смогла бы обеспечить разработку и внедрение приемов агротехники, обеспечить снабжение сельского хозяйства агротехникой, семенами, удобрениями, электроэнергией, взять на себя строительство ирригационных сооружений, организацию первичной переработки продукции, централизованных закупок и сбыта и десятков других операций. В различных районах развивающихся стран в настоящее время насчитываются десятки и сотни государственных компаний и корпораций, многообразная деятельность которых подчинена одной задаче — подъему технико-экономического уровня сельскохозяйственного производства. И хотя их деятельность пока еще далеко не достаточна для того, чтобы сколько-нибудь значительно поднять уровень сельского хозяйства, будущее этой отрасли связано с развитием государственного сектора экономики, с его способностью обеспечить внедрение достижений научно-технического прогресса.

---

[9] Commerce yearbook of public sector 1973—1974. Bombay, p. 521—522.

Роль государственного сектора в сфере научно-технического прогресса не может оцениваться как слагаемое результатов выполнения им более или менее активной роли в отдельных направлениях — генерации, передачи и использования научных знаний и технического опыта. Дело в том, что научно-технический прогресс не может быть обеспечен за счет одного из возможных вариантов преимущественного развития того или иного направления: научно-технического образования, научного потенциала, технической политики и т. п. Все эти направления должны быть должным образом скоординированы и взаимоувязаны. «Между вложениями в науку, инвестициями в технику и затратами на подготовку кадров существует определенное соотношение. Любое нарушение этого объективно обусловленного для каждой страны соотношения ведет к растрате и омертвлению экономических ресурсов — недогрузке производственных мощностей, неэффективному использованию научной базы, безработице подготовленных кадров, «утечке умов...» [10], — считают авторы упомянутого выше исследования.

Совершенно очевидно, что такая координация не может быть обеспечена в результате стихийного соотношения между этими направлениями, которое неизбежно складывалось бы как стихийное, если бы упор в осуществлении политики научно-технического прогресса делался на частную инициативу. Только государство, используя ресурсы и возможности госсектора, способно обеспечить в тех масштабах, в каких это вообще возможно при нынешней ситуации в развивающихся странах, координационное проведение политики образования, развития науки, технической политики в рамках общей стратегии экономического развития.

Трудно переоценить роль государственного сектора в связи с научно-техническим прогрессом в развивающихся странах на одном из главнейших участков или звеньев цепи наука — производство — внедрение достижений науки и техники в производство, в перестройке экономики на основе этих достижений. Сами по себе научные достижения не могут обеспечить ускорение темпов экономического развития, они должны быть использованы применительно к конкретным отраслям почти всегда ценой затрат, во много раз превышающих затраты на изобретения и открытия, ценою значительных организационных усилий. В развивающихся странах к этому нужно добавить необходимость преодоления серьезных преград, вытекающих из архаичной структуры общественных отношений, существования в широких масштабах пережитков докапиталистических укладов, несовместимых с созданием и использованием научных знаний и нововведений в производстве. Решение всех связанных с этим проблем возможно лишь на базе государственного сектора экономики. Как отмечал индийский журнал, «государство с необходимостью берет на себя жизненно

---

[10] «Третий мир»: наука, техника, экономический рост. М., «Мысль», 1975, с. 67.

важную роль в развитии и государственному сектору приходится быть первооткрывателем, действовать катализатором развития и расширять свои операции не только в традиционных областях, как социальная и экономическая инфраструктура, но также в обрабатывающей промышленности, в частности, в создании современных отраслей химической, металлургической и машиностроительной промышленности, что требует массированных инвестиций, новых технических знаний и длительного периода созревания»[11].

Наиболее конкретным воплощением ведущей роли госсектора в практической реализации возможностей, открываемых НТР, является то, что именно в государственном секторе развивающихся стран сосредоточены наиболее современные предприятия, капиталоемкие и интенсивные виды производств, так называемые базовые и инфраструктурные отрасли экономики. В Индии на долю государственного сектора приходится более 75% добычи нефти, 95% производства и продажи нефтепродуктов, почти полностью добыча угля, 80% выпуска азотных удобрений, более половины стали и подавляющая часть цветных металлов, тяжелое электромашиностроение и более половины станков, судостроение, большая часть продукции локомотивостроения, 90% выработки электроэнергии, почти полностью грузооборот железнодорожного и воздушного транспорта, ирригационные сооружения на 54% площади орошаемых земель, 85% банковских депозитов, 65% стоимости импорта, вся оборонная промышленность и производство средств связи[12]. Как видно, в госсекторе Индии сосредоточена значительная часть наиболее «наукоемких» и капиталоемких отраслей экономики. Именно благодаря государственному сектору Индия в последние два десятилетия сумела развить целый ряд отраслей, поставивших эту страну в ряд относительно более развитых из развивающихся стран.

В Аргентине на долю государственного сектора приходится три четверти производства электроэнергии, нефти, газа, угля, стали, грузооборота железнодорожного, морского и внутреннего авиационного транспорта, от половины до трех четвертей судостроения и речных перевозок, от одной четверти до половины объема банковских операций, одна четвертая часть автомобилестроения, производства цемента и продукции химической промышленности[13], т. е. также значительная часть наиболее современных отраслей экономики. Аналогичные или еще более значительные позиции занимает госсектор в отраслях, олицетворяющих собой научный и технико-экономический прогресс в странах социалистической ориентации. Тенденция экономического развития как стран социалистической ориентации, так и стран, заметно продвинувших-

---

[11] «Mainstream», 1974, November, p. 31.

[12] «Известия», 1973, 20 апр.; «Правда», 1976, 26 янв.; Commerce yearbook of public sector 1973—1974. Bombay, p. 29—30.

[13] «Экономические науки», 1975, № 8, с. 84.

ся по пути развития капитализма, показывают, что научно-технический прогресс в обеих группах стран неизбежно связан с укреплением и возрастанием роли государственного сектора экономики. Хотя во второй группе стран эта роль нередко ограничивается функциями подчинения достижений НТР интересам частного капитала, данное обстоятельство, тем не менее, еще раз подчеркивает, что госсектор выступает непременным условием продвижения освободившихся стран по пути прогресса.

Возрастанию роли госсектора в реализации достижений научно-технического прогресса для целей экономического развития способствует сотрудничество молодых национальных государств с социалистическими странами. Сотрудничество это развивается в самых разнообразных формах: содействие в сооружении промышленных предприятий и других народнохозяйственных объектов, общая численность которых составляет почти 3 тыс.[14]. Различные виды производственного сотрудничества, содействие в постановке системы народного образования и подготовки кадров; участие в формировании сети собственных научно-исследовательских центров; передача научно-технической информации и др. Отличительной особенностью сотрудничества является то, что оно строится на межгосударственной основе. Межправительственный характер соглашений о научно-техническом сотрудничестве позволяет строить его на долговременной основе, органически включать программы такого сотрудничества в национальные планы экономического развития. Новейшая технология, научные знания, опыт использования достижений НТР становится достоянием государственных предприятий развивающихся стран. Государственный сектор в результате расширения сотрудничества с социалистическими странами становится важнейшим проводником мировых научно-технических достижений, что способствует расширению его роли и значения как важнейшей основы социально-экономического прогресса освободившихся стран.

ГЛАВА 8. ОСОБЕННОСТИ ОБМЕНА ДОСТИЖЕНИЯМИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

Важным аспектом теоретического рассмотрения интернационального обмена достижениями научно-технического прогресса является анализ политико-экономических вопросов такого обмена между социалистическими и капиталистическими странами в условиях научно-технической революции.

---

[14] Organisation, management and supervision of public enterprises in developing countries, UN., New York, 1974, p. 8.

Международный обмен достижениями научно-технического прогресса включает в себя (1) обмен деятельностью в «традиционных» сферах производства и в новых, порождаемых в ходе технического прогресса (например, 20 лет назад не могло быть и речи о практическом международном сотрудничестве в космосе, в области охраны окружающей среды, в разработке новых источников энергии и т. д.). Это также (2) обмен опытом производства в узком технологическом смысле, в плане его управления и организации, (3) обмен продуктами труда.

Характеризуя международный обмен, важно подчеркнуть и такие моменты. Во-первых, международный обмен достижениями научно-технического прогресса, по своей организации определяемый производством с одной стороны и с другой стороны сам представляющий производственную деятельность, вырастает на почве международного разделения труда (независимо от того, унаследовано это разделение труда от предшествующей эпохи или является историческим результатом развития производств). Во-вторых, обмен между государствами новыми элементами производительных сил, рождающимися в ходе технического прогресса, предполагает государственную обособленность производства, преодолеваемую, но не устраняемую международным обменом. В-третьих, интенсивность международного обмена достижениями научно-технического прогресса, его распространение, равно как и его формы, определяются развитием и структурой производства внутри каждой страны, международным разделением труда. Например, обмен элементами производительных сил между индустриально развитыми и развивающимися странами, между индустриально развитыми странами, между развивающимися странами и т. д.

Обмен достижениями научно-технического прогресса между социалистическими и капиталистическими странами, как странами индустриально развитыми, имеет место на протяжении всей истории их одновременного существования и в конечном счете отражает воздействие технического базиса общественного производства на экономические отношения этих стран. В условиях научно-технической революции в этих отношениях возникает ряд новых моментов, свойственных данной конкретно-исторической эпохе. Поэтому воздействие технического базиса общественного производства на отношения между социалистическими и капиталистическими странами следует рассматривать в двух аспектах:

1) в самом общем виде как следствие господства крупной промышленности над мировым рынком, перерастания производительными силами ограниченных рамок национально-государственных делений, т. е. с точки зрения органической связи этих отношений с развитием крупной промышленности, имевшей место и до научно-технической революции;

2) как следствие коренных революционных изменений в технической природе основных элементов производительных сил, при-

сущих специфическому этапу в развитии общественного производства — научно-технической революции.

Исторически первый аспект рассмотрения данного вопроса охватывает весь период одновременного существования двух общественно-экономических систем. Второй аспект в историческом плане совпадает с эпохой развитого государственно-монополистического капитализма, образования транснациональных корпораций (ТНК), развития империалистической интеграции. В системе социализма научно-техническая революция неразрывно связана с этапом формирования основ и построения развитого социалистического общества, образования новой исторической общности — мирового социалистического содружества, экономической интеграции социалистических государств.

Однако для исследования обмена достижениями научно-технического прогресса между социалистическими и капиталистическими странами недостаточно ограничиться только двумя вышеназванными аспектами, поскольку они не раскрывают механизма воздействия технического базиса общественного производства на обмен между государствами с противоположным общественным строем. В этой связи следует отметить, что воздействие технического базиса общественного производства на экономические отношения между социалистическими и капиталистическими странами невозможно выявить непосредственным образом. С одной стороны, развитие техники и технологии крупного машинного производства и развитие общественных отношений происходят по самостоятельным законам. С другой стороны, при всей независимости абсолютного развития производительных сил от определенной общественной формы это развитие не может происходить и вне производственных отношений. Поэтому для такого исследования необходим учет «промежуточных звеньев», каковыми являются:

1) специфические отношения каждого способа производства, в формах которых развиваются производительные силы социалистических и капиталистических стран;

2) вторичные, или производные от них международные производственные отношения;

3) общие экономические всемирные отношения, так называемые отношения международного общения, в формах которых осуществляется собственно обмен деятельностью и элементами производительных сил между социалистическими и капиталистическими странами.

Исходя из предварительных замечаний, можно выделить следующие особенности обмена достижениями научно-технического прогресса в отношениях между социалистическими и капиталистическими странами.

1. Отношения между странами социализма и капитализма — это отношения, которые не составляют органической части систем отношений двух способов производства.

Обмен достижениями научно-технического прогресса между социалистическими и капиталистическими странами не выступает как выражение какого-либо коренного отношения одного из способов производства. Сходство материальных элементов производительных сил в этих странах, служащих объектом обмена между ними, лишь означает, что на созданном капитализмом техническом базисе возможно построение нового общества. Капиталист как организатор крупного производства в состоянии достичь самого большого на данном этапе совершенства в производстве потребительных стоимостей, в разработке технологии отдельных видов производства. Но никогда при капитализме эти потребительные стоимости не станут элементом непосредственно общественной потребительной стоимости, предполагающей непосредственно обобществленный характер труда, свойственный социалистическому обществу.

В капиталистической системе международный обмен достижениями научно-технического прогресса неотделим от вывоза капитала и на монополистической стадии развития этой системы выступает как форма роста вширь и вглубь сети международных зависимостей и связей финансового капитала. Основным каналом передачи элементов производительных сил, технологии и т. п. служит их продажа внутри транснациональных корпораций (ТНК): вертикальная — материнскими компаниями филиалам и горизонтальная — сделки между филиалами. Разумеется, в данных условиях сохраняет свое значение и «свободный» капиталистический мировой рынок элементов производительных сил, патентов и лицензий. Но в целом господствующая роль в распространении достижений научно-технического прогресса в капиталистической системе принадлежит ТНК. Для монополистического капитализма характерно и то, что при интернационализации технологии практически не происходит перерастания монополистической материальной базой НИОКР государственных границ капиталистической нации. Так, американские ТНК расходуют за рубежом не более 6% их общих затрат на НИОКР. Причем из этих средств почти 80% расходуются в четырех наиболее развитых капиталистических странах — в Англии, Канаде, ФРГ и во Франции и направляются преимущественно на приспособление ввозимой техники и технологии к местным условиям производства и сбыта [1].

Новой формой передачи достижений научно-технического прогресса в капиталистической системе стал синтез «ТНК — государство». В странах НАТО объединения государственно-монополистического и международного капитала возникали в связи с реализацией проектов по созданию реактивного истребителя «Ф-104ж Старфайер» противоракетной системы. К гражданским проектам такого типа относятся «Конкорд», франкозападногерманский проект аэробуса (А-300В), в котором также принимали участие фир-

[1] «Comercion exterior», 1977, N 6, p. 638.

мы Англии, Дании и Испании[2]. Но и в данном случае достижения научно-технического прогресса, являющиеся выражением общественного прогресса, осуществляемого, как писал К. Маркс, «за спиной капитала», присваиваются и эксплуатируются монополистическим капиталом, т. е. поступают в частную собственность. Несмотря на то, писал В. И. Ленин, что отдельные части производства «сливаются... в один общественный производительный процесс... каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность»[3].

В мировой социалистической системе обмен достижениями научно-технического прогресса подчиняется развитию иных общественно-экономических отношений. В первую очередь он выражает объективную потребность всестороннего развития производительных сил каждой социалистической страны, органического соединения достижений научно-технического прогресса с преимуществами социалистического международного разделения труда. Эти отношения породили специфические формы обмена элементами производительных сил между социалистическими странами, наибольшее развитие получившие в сотрудничестве стран — членов СЭВ. Между странами — членами СЭВ подписаны десятки соглашений о научно-техническом сотрудничестве, организовано более 40 центров по его координации, основаны два международных научно-исследовательских института. Только с 1975 г. предусмотрены и практически ведутся совместные исследования более чем по 200 важнейшим научным проблемам, включенным в сводный план научных и технических исследований стран — членов СЭВ.

Научно-техническое сотрудничество между социалистическими странами выступает как интернациональная форма непосредственно общественного труда. Результаты этого труда служат развитию производительных сил и повышению эффективности общественного производства всех социалистических стран. Достижения общественного прогресса непосредственно поступают в распоряжение всего общества, а не в частную собственность, как в условиях системы капитализма. Финансовое возмещение передаваемых из одной страны в другую результатов НИОКР, введенное странами — членами СЭВ в конце 60-х гг., отражает расширение использования принципов хозяйственного расчета в социалистических международных отношениях, которое диктуется объективным уровнем их развития на современном этапе. Социалистическое обобществление производства сделало возможным участие в этих отношениях (помимо правительственных органов отдельных стран) ведомств, институтов, научно-производственных объединений и отдельных предприятий, учебных заведений.

---

[2] Hochmuth M. S. Organizing the transnational. The experiance with transnational enterprise in advanced technology. Leiden, 1974.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 178.

2. Научно-технический прогресс воздействует на отношения между социалистическими и капиталистическими странами не непосредственно. Его воздействие реализуется через изменения в общественно-экономических отношениях социализма и капитализма, отражающие изменения в техническом базисе производства, и специфические для каждой системы противоречия этих отношений. В свою очередь, эти противоречия объективно определяют потребность стран двух систем в тех или иных формах хозяйственных и научно-технических связей между ними.

В условиях научно-технического прогресса два вида факторов лежат в основе заинтересованности капиталистических предприятий, главным образом крупнейших из них, в обмене элементами производительных сил с социалистическими странами. В первую очередь высокая доля затрат на НИОКР в общей стоимости авансированного капитала. Это требует, во-вторых, больших масштабов производства и емкого рынка, чтобы окупить произведенные затраты на НИОКР. К. Маркс в экономической рукописи 1861—1863 гг. отмечал, что развитие техники ведет к повышению абсолютной стоимости машин, хотя относительно они становятся дешевле. «Так вот для того, — пишет Маркс, — чтобы товар, произведенный при помощи более дорогого орудия производства, был дешевле, чем товар, произведенный без него; для того, чтобы содержащееся в самой машине рабочее время было меньше того рабочего времени, которое она замещает», требуется, во-первых, увеличение количества товаров, в которых вновь появляется стоимость машины, т. е. массовое производство, во-вторых, чтобы орудия труда входили в процесс производства в полном объеме, т. е. обеспечивалась полная загруженность мощностей капиталистического предприятия [4].

Поэтому социалистические страны представляют большой интерес для капиталистических предприятий как обширные и устойчиво расширяющиеся рынки для их продукции. На проходившем в Лондоне в 1972 г. симпозиуме отмечалось, что «крупнейшие многонациональные корпорации едва ли пройдут мимо возможности воспользоваться огромным потенциалом восточноевропейского рынка... Большие капиталовложения, требуемые для поиска, разработки и производства продуктов, связанные с дорогостоящими научно-исследовательскими работами (например, создание ЭВМ), требуют большого рынка как для амортизации этих расходов, так и для использования этих продуктов в масштабе народного хозяйства» [5]. Интерес ТНК к развитию отношений с социалистическими странами в сфере производства и науки закономерен и выступает как их экономический интерес [6].

---

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 357—361.

[5] Transnational industrial relations. The impact of multinational corporation and economic regionalism on industrial relations. London, 1972, p. 251—252.

[6] ТНК конкурируют между собой за место на рынках социалистических стран, за заключение с ними договоров в научно-техническом сотрудничестве.

Непосредственно общественная планомерная организация социалистического производства обеспечивает недоступную для капитализма эффективность всего социалистического народного хозяйства, предполагает уничтожение частнособственнического присвоения результатов общественного прогресса, конкуренции, безработицы, кризисов. В этих условиях рынки социалистических стран выступают для стран капитализма, — внутренний рынок которых, как писал В. И. Ленин, «неизбежно связан с внешним» [7], — как специфический товарный рынок, не знающий кризисов перепроизводства, где действие законов товарных отношений подчинено законам более высокой общественно-экономической формации, не зависящим от системы капитализма. Подчеркивая необходимость такого рынка для капиталистов, В. И. Ленин писал: «*Буржуазным странам надо торговать с Россией*: они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор...» [8].

Социалистические страны, в свою очередь, также заинтересованы в расширении обмена, в частности, достижениями научно-технического прогресса с наиболее развитыми странами капитализма, располагающими крупным массовым производством. Социалистические страны, говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, как и другие государства стремятся «использовать преимущества, которые дают внешнеэкономические связи, в целях мобилизации дополнительных возможностей для успешного решения хозяйственных задач и выигрыша времени, для повышения эффективности производства и ускорения прогресса науки и техники» [9]. Широкий обмен достижениями научно-технического прогресса со всеми странами мира, независимо от их общественного и политического устройства, служит дополнительным источником расширения материальной базы совершенствования социалистического производства, одним из каналов соединения научно-технической революции в мировом производстве с преимуществами социалистического хозяйства.

3. Формы научно-технического обмена между странами двух мировых систем не сводятся к простому товарообмену. Образование этих форм есть результат взаимодействия, с одной стороны, капиталистической монополии, таможенно-тарифной системы буржуазного государства и самого буржуазного государства. С другой стороны — монополии социалистического государства на его общенародное богатство. То есть речь идет не об отношениях частных производителей вообще, доставляющих продукты своего

Плацдармы американских ТНК в странах Западной Европы стали их опорной базой развития экономических отношений с социалистическими странами. По выражению американского экономиста С. Пизара, «американский вызов» в Европе присоединяется к рядам французских, немецких, итальянских и английских ветеранов торговли Восток—Запад в их походе на Восток.

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 364.

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 3.

[9] Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 53.

частного труда на неизвестный рынок. Отношения между социалистическими и капиталистическими странами приобретают характер регулируемых как с точки зрения натурального состава обмениваемых продуктов (лицензионные списки, соглашения), так и с точки зрения количества денег (или эквивалентной ему товарной массы), которым на протяжении заранее обусловленного периода времени выражается стоимость обмениваемых продуктов или величина национальных общественных затрат труда на их производство.

Научно-технические связи между странами двух систем, порождаемые производственной деятельностью, получают расширяющую их возможности основу в виде долгосрочных научно-технических соглашений на межправительственном уровне. Свою практическую реализацию эти соглашения находят в договорах между капиталистическими предприятиями и соответствующими организациями социалистических стран о производственной и научно-технической кооперации. К середине 70-х гг. число таких договоров превысило 1000.

Например, советско-английская 10-летняя программа сотрудничества в области науки и техники, подписанная в феврале 1975 г., предусматривает объединение усилий СССР и Англии в области фундаментальных и прикладных наук, техники, сельского хозяйства. Кооперация в разработке новой техники охватывает 13 наиболее динамично развивающихся отраслей промышленного производства: металлургию, энергетику, тяжелое машиностроение, станкостроение, электронику, самолетостроение и др. Развивается кооперация в разработке средств автоматизации технологических процессов и управления промышленным производством.

Рассматриваемая программа сама по себе не имеет ни экономической, ни юридической власти по отношению к капиталистическим предприятиям, эффективность ее как «организующего начала» невелика по сравнению с координационными планами научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ. Как уже отмечалось, на практике положения этой программы приобретают экономическую и юридическую силу в договорах между предприятиями социалистических и капиталистических стран. Все же многоцелевой характер этой программы показывает, что сотрудничество между социалистическими и капиталистическими странами перешагнуло этап случайных сделок конъюнктурного плана и требует централизованно координируемого хозяйственного и научно-технического обмена между предприятиями этих стран.

Воздействие производственной и научно-технической кооперации на масштабы обмена достижениями научно-технического прогресса между социалистическими и капиталистическими странами пока еще невелико. Так, к середине 70-х гг. доля взаимных поставок в рамках кооперационных соглашений социалистических стран с капиталистическими фирмами составила 10% польского и около 17% венгерского экспорта промышленной продукции в западноев-

ропейские страны, а в ЧССР около 1% ее общего объема внешней торговли. Невелика в этом отношении и роль торговли лицензиями. В ЧССР на покупку лицензий за рубежом ежегодно расходуется около 1% общих средств, выделяемых на науку, в то время как в Англии — 5, ФРГ — 17, Италии — 29% [10]. В Японии сумма средств, израсходованных на закупку лицензий за границей, в расчете на одного жителя в 20 раз превышает соответствующий показатель для Венгрии, которая по сравнению с другими странами — членами СЭВ выделяет на эти цели довольно значительные средства (в среднем около одной четвертой централизованного фонда технического развития). В 1974 г. венгерские промышленные предприятия заключили 49 лицензионных соглашений на общую сумму около 6 млн. долл. с фирмами ФРГ, США, Швеции, Англии и Франции, главным образом с целью расширения производства экспортной продукции, на что направлены также новые условия финансирования промышленных предприятий в Венгрии [11].

Основным каналом передачи достижений научно-технического прогресса между странами двух мировых систем пока остается внешняя торговля, что говорит о больших и все еще недостаточно используемых возможностях новых форм такого обмена (в особенности, промышленной кооперации).

4. Товарная форма не утрачивает своего исходного значения в обмене достижениями научно-технического прогресса между социалистическими и капиталистическими странами и требует ее теоретического рассмотрения применительно к международному обмену в условиях научно-технической революции.

Современный этап обмена достижениями научно-технического прогресса, как формы взаимосвязи и взаимодействия экономик индустриально развитых стран, отличает опережающее развитие международных связей в области науки и техники по сравнению с движением товарных потоков. По некоторым расчетам, международный обмен достижениями научно-технического прогресса растет в 2—3 раза быстрее внешней торговли [12]. Это свидетельствует о крупных структурных сдвигах в международном обмене, порожденных изменениями в характере основных элементов производительных сил, ростом обобществления промышленного производства. Отмеченные изменения в стоимостной структуре международного обмена вызваны также и тем, что в условиях высокой степени обобществления капиталистического производства (или его монополизации) право собственности, развившееся на почве товарных отношений, в растущих масштабах распространяется на результаты общественного прогресса, не всегда непосредственно связанные с индивидуальными затратами отдельного капиталиста или национально-обособленного государства. В то же время, общественная стоимость этих затрат, а также возможный «эффект»

[10] «Rude Pravo», 1976, N 36, p. 6.
[11] «Muszaki elet», 1976, N 3, p. 7.
[12] «Figyelo», 1976, N 25, p. 1.

производительного потребления новых продуктов, выраженный в определенном количестве идеальных денег, включается в цену товаров, находящихся в обращении на мировом рынке. Это искажает действительную картину движения находящейся в обращении на мировом рынке перенесенной и вновь созданной стоимости, приводит к ее перераспределению в пользу «собственников» научных открытий в виде большего количества получаемых ими денег или используемых в качестве эквивалента товаров.

Следовательно, воздействие научно-технической революции на масштабы хозяйственного обмена между социалистическими и капиталистическими странами проявляется не только в увеличении этих масштабов, что связано с абсолютным ростом стоимости обмениваемых элементов производительных сил. Это воздействие проявляется и в искажающем влиянии товарной формы на картину обмениваемых этими странами масс национального общественного труда, овеществленного в материальных продуктах человеческой деятельности, а также, причем в растущей степени, в патентах, лицензиях, «ноу-хау» и т. д., входящих в число условий, а не элементов промышленного производства. Наряду с рынком реальных материальных ценностей, в которых овеществлен прошлый труд, развивается рынок идеальных ценностей [13], которые только могут быть получены в результате производственной деятельности, но процент на которые уже включен в цену реализуемых товаров, и следовательно, в торговом обороте должен быть выражен определенным количеством действительных денег, т. е. прошлого труда.

---

[13] Этот рынок не следует смешивать с рынком ценных бумаг, связанным с природой денег и их функциями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Раздел I. Методологические проблемы исследования научно-технической революции 5
Глава 1. Методологические вопросы политической экономии в свете задач исследования научно-технической революции (Цаголов Н. А.) 5
Глава 2. Вопрос о критериях научно-технической революции (Гусаров А. С., Дыбенко Н. К.) 12
Глава 3. Методологические аспекты определения сущности научно-технической революции (Черковец В. Н.) 20
Глава 4. Исходный пункт научно-технической революции (Грандберг З. А.) 23
Глава 5. Проблемы исследования научно-технической революции в сельском хозяйстве (Булочникова Л. А.) 30
Глава 6. Научно-техническая революция и формирование материальных предпосылок социализма (Куликов В. В.) 35

Раздел II. Научно-техническая революция и развитие монополистического капитализма 43
Глава 1. Научно-техническая революция и закономерности монополистической конкуренции (Милейковский А. Г.) 43
Глава 2. Влияние научно-технической революции на современную монополию (Рудакова И. Е.) 49
Глава 3. Развитие концентрации производства под влиянием научно-технической революции (Попов Д. А.) 56
Глава 4. Государственное программирование научно-технического прогресса (на примере ФРГ) (Ходов Л. Г.) 64
Глава 5. Научно-техническая революция и проблемы финансирования монополистических объединений (на материалах США) (Мусатов В. Т.) 71
Глава 6. Характер научно-технической революции в сельском хозяйстве развитых капиталистических стран (Евдокимов А. И.) 77
Глава 7. Кризисные явления в сфере научных исследований и опытно-конструкторских разработок при капитализме (Филипповский Е. Е.) 85

Раздел III. Капиталистическая эксплуатация в условиях научно-технической революции 93
Глава 1. Наемный труд в условиях научно-технической революции (Плетнев Э. П.) 93
Глава 2. Влияние научно-технической революции на действие всеобщего закона капиталистического накопления (Володин В. С.) 97
Глава 3. Вопросы теории стоимости и прибавочной стоимости в свете научно-технической революции (Лось А. П.) 101

Глава 4. Формирование цены рабочей силы в условиях научно-технической революции (Пронин С. В.) 106
Глава 5. Влияние научно-технической революции на регулирование буржуазным государством рынка труда (Духовная Л. Т.) 110

Раздел IV. Новые явления в мировом капиталистическом хозяйстве в эпоху научно-технической революции 120
Глава 1. Научно-техническая революция и международное разделение труда (Иванов И. Д.) 120
Глава 2. Влияние научно-технической революции на вывоз капитала (Чибриков Г. Г.) 131
Глава 3. Влияние научно-технической революции на мировой капиталистический цикл (Куманин Г. М.) 137
Глава 4. Научно-техническая революция и обострение противоречий мирового капиталистического хозяйства (Фаминский И. П.) . . . 146
Глава 5. Развертывание противоречий капиталистической интеграции в условиях научно-технической революции (Пенкин А. Ф.) . . . 152
Глава 6. Воздействие научно-технической революции на развивающиеся страны (Скоров Г. Е.) 159
Глава 7. Влияние научно-технической революции на роль госсектора в экономике развивающихся стран (Колесов В. П.) 174
Глава 8. Особенности обмена достижениями научно-технического прогресса в экономических отношениях между социалистическими и капиталистическими странами (Юткин А. А.) 185

СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАПИТАЛИЗМА
В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Зав. редакцией *Н. А. Рябикина*
Редактор *Н. П. Сушко*
Художник *Г. Я. Нагорянский*
Художественный редактор *М. Ф. Евстафьева*
Технический редактор *Т. Е. Светличная*
Корректоры *Л. С. Клочкова, Т. И. Смирнова*
ИБ № 628
БЗ. 78—1—78

Сдано в набор 04.12.78 Подписано к печати 15.03.78 Л-76082 Формат 60×90¹/₁₆ Бумага тип. № 1 Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,25 Уч.-изд. л. 14,05 Зак. 522 Тираж 2325 экз. Цена 1 р. 60 к. Изд. № 259

Издательство Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы